КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XV.

Май.

1886 г.

КІЕВЪ.

Тип. А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го апрѣля 1886 года.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XV. 1886 г.

Май, 1886 г.

Іюнь, 1886 г.

Іюль, 1886 г.

Августъ, 1886 г.

ОЧЕРКЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ А. Я. СТОРОЖЕНКА.

Судьба не позволила А. Я. Стороженку посвятить всѣ силы и способности на развитіе тѣхъ стремленій его духа, съ проявленіями которыхъ читатель ознакомится въ предлагаемомъ его вниманію очеркѣ: военное воспитаніе и слѣдовавшая затѣмъ въ естественномъ порядкѣ военная служба, при недостаткѣ матеріальныхъ средствъ, заглушили ихъ, быть можетъ, до извѣстной степени; но все-же врожденная наклонность къ научнымъ и литературнымъ занятіямъ пробивалась наружу, не смотря на всѣ препятствія.

Трудно было-бы ожидать, чтобы, при отсутствіи серьёзнаго школьнаго образованія, научно-литературная дѣятельность Андрея Яковлевича отличалась извѣстною правильностью, систематичностью; и дѣйствительно, главныя черты ея—диллетантизмъ и крайнее разнообразіе формъ, частью не доведенныхъ до полнаго совершенства. Нашъ писатель брался за все: онъ изучалъ историческіе матеріалы и составлялъ по нимъ научныя изслѣдованія; онъ дѣлалъ наблюденія надъ текущей жизнью и заносилъ ихъ на страницы своихъ записокъ; онъ соединялъ свои историческія знанія и этнографическія свѣдѣнія и пытался по нимъ изобразить прошлый бытъ своихъ земляковъ въ опереткѣ, написанной на родномъ языкѣ; онъ изучалъ современныя ему литературныя произведенія и давалъ имъ посильную критическую оцѣнку; наконецъ, онъ пробовалъ свои силы и въ области поэтическаго творчества, сочиняя, по свойственному почти всѣмъ писателямъ его времени энциклопедизму, лирическія стихотворенія, басни и т. д.

Я намѣренъ ознакомить читателей въ настоящемъ очеркѣ со всѣми этими проявленіями научной и литературной дѣятельности А. Я. Сторо

Начну съ характеристики первой, важной въ двухъ отношеніяхъ: по своимъ занятіямъ исторіей Андрей Яковлевичъ является однимъ изъ піонеровъ въ дѣлѣ разъясненія прошлаго его роднаго края, своими записками онъ дѣлаетъ цѣнный вкладъ въ сокровищницу русскихъ историческихъ знаній.

Достойно вниманія то направленіе, которое приняла научная пытливость этого писателя: любовь къ родинѣ была настолько сильна въ немъ, что не заглохла при всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, и самъ онъ настолько былъ прямъ и честенъ въ своихъ убѣжденіяхъ, что никогда не чурался своей народности.

Въ слѣдующихъ главахъ я приведу неизданныя беллетристическія произведенія Андрея Яковлевича и сдѣлаю общій очеркъ его литературной дѣятельности и наконецъ скажу объ его отношеніяхъ къ различнымъ лицамъ, которыя увѣковѣчили свое имя въ наукѣ и литературѣ.

I.

Андрей Яковлевичъ Стороженко (род. 1790 г. † 1858), долгое время служившій въ Царствѣ Польскомъ и занимавшій въ послѣдніе годы своей служебной дѣятельности, въ званіи сенатора и тайнаго совѣтника, постъ главнаго директора правительственной коммисіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ (1843—1850 г.г.)[1], въ часы свободные отъ многосложныхъ служебныхъ обязанностей съ любовью предавался научнымъ и литературнымъ занятіямъ.

Горячая привязанность къ родинѣ побуждала всегда Андрея Яковлевича трудиться надъ изслѣдованіемъ родной старины и имя

[1]) Желающимъ ближе ознакомиться съ служебной карьерой сенатора А. Я. Стороженка я укажу на предисловіе О. М. Бодянскаго къ „Реестрамъ всего войска запорожскаго послѣ Зборовскаго договора съ королемъ польскимъ Яномъ Казимиромъ, 1649 года", изданнымъ имп. Моск. Общ. ист. и древн. рос. въ 1875 г.; на „Воспоминанія объ А. Я. Стороженкѣ" генералъ-лейтенанта Н. И. Ушакова, помѣщенныя во 2-мъ томѣ Русскаго Архива за 1873 г. и на мое предисловіе къ „Запискамъ о военныхъ поселеніяхъ въ херсонской и екатеринославской губ.", напечатаннымъ въ Кіевской Старинѣ за ноябрь 1884 г. Упоминаніе о немъ находимъ въ родословной рода Стороженковъ, помѣщенной въ „Русской родословной книгѣ" (изд. Русской Старины, Спб. 1873 г., т. I, стр. 303).

его, по выраженію покойнаго Осипа Максимовича Бодянскаго, стало извѣстнымъ, какъ имя писателя «о малороссійскихъ разнаго рода достопримѣчательностяхъ» [1]). Изучивши отдѣльно различныя историческія эпохи своего роднаго края, Андрей Яковлевичъ задумалъ писать большой трудъ, который онъ озаглавилъ «Исторія Полуденной Россіи», и съ усердіемъ принялся за приведеніе въ исполненіе своей завѣтной мечты. «Исторія Украйны, пишетъ онъ въ своихъ запискахъ, наполняла воображеніе [2]), широкій Днѣпръ манилъ на роскошные берега свои. Любезная сердцу родина, ея добрые жители, въ числѣ коихъ я имѣю такъ много пріятелей искреннихъ, вѣщій духъ старины нашей, описанный Несторомъ, и самое украинское небо, казалось, звали на покой труженика, располагающаго окружиться давнопрошедшимъ и забыть обо всемъ минувшемъ въ треволненной дотолѣ жизни его».

Желая сдѣлать свой трудъ найболѣе полнымъ, А. Я. усердно собиралъ архивные матеріалы, то въ подлинникахъ, то въ тщательно снятыхъ копіяхъ, и только тогда принялся писать, когда у него накопилась масса историческихъ документовъ. Трудъ этотъ былъ доведенъ до конца, составлялъ, по разсказамъ очевидцевъ, три объемистыхъ рукописныхъ тома и имѣлъ уже выйти въ свѣтъ; но различныя обстоятельства съ года на годъ отодвигали напечатаніе, и онъ такъ и не былъ изданъ при жизни автора. Послѣ смерти Андрея Яковлевича, еще до раздѣла оставшагося имущества, пропало много драгоцѣннаго историческаго матеріала, погибла и рукопись «Исторіи Полуденной Россіи» и не была отыскана, не смотря на всѣ старанія его сына. О достоинствахъ этого труда мы можемъ судить теперь только по замѣчанію самого автора, которое мы читаемъ въ одной изъ упомянутыхъ уже выше его записокъ: «цензура всегда мнѣ не благопріятствовала; но извѣстные литераторы, читавшіе пишущуюся мною «Исторію Полуденной Россіи», оказывали мнѣ пріязнь и вниманіе къ трудамъ моимъ» [3]).

Въ немногихъ оставшихся отъ Андрея Яковлевича бумагахъ мы имѣемъ преимущественно различные юридическіе акты, какъ-то: купчія

---

[1]) „Реестра"... Предисловіе, стр. 1.

[2]) Изъ записокъ А. Я. Стороженка, Рус. Арх. 1873 г., т. II, стр. 1740.

[3]) Ibid.

крѣпости, дѣла изъ сотенныхъ канцелярій, декреты генеральнаго войсковаго суда, полковничьи ордеры и гетманскіе универсалы, по которымъ или жаловались разнымъ лицамъ новыя поземельныя имущества, или же подтверждались права на прежде пожалованныя [1]).

Любопытно знать, какъ представлялъ себѣ прошлое Украйны человѣкъ, столь много и безкорыстно поработавшій надъ разъясненіемъ тьмы, окутывавшей былую жизнь нашихъ предковъ, любопытно тѣмъ болѣе, что и до сихъ поръ ученые, занимающіеся этимъ предметомъ, не сходятся во мнѣніяхъ; но достигнуть этого можно лишь отчасти— по содержанію письма его къ сыну отъ 5-го января 1847 г., по поводу вновь вышедшаго труда Скальковскаго «Исторія Новой Сѣчи» [2]), о которомъ онъ даетъ рѣзкій, но не во всемъ вѣрный отзывъ, и сохранившейся въ бумагахъ его замѣткѣ «о сословіи козаковъ», которую я помѣщаю въ видѣ приложенія къ настоящему очерку (Приложеніе № 1). Въ письмѣ къ сыну Андрей Яковлевичъ пишетъ: «Прочиталъ я присланную тобою «Исторію Новой Сѣчи, или послѣдняго Коша запорожскаго». Въ ней нѣтъ рѣшительно ничего новаго для меня, ибо что разсказывалъ козакъ Коржъ, умершій въ 1835 году [3]), то раз-

---

[1]) Съ нѣкоторыми изъ этихъ письменныхъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о давнопрошедшихъ временахъ, читатели „Кіев. Стар." уже знакомы: по нимъ составленъ очеркъ „Стороженки" въ февр. кн. 1884 г., помѣщались они и отдѣльно цѣликомъ въ янв. кн. 1884 г., въ янв. кн. 1885 г. и въ мартов. кн. 1885 г.

[2]) Изд. 2-е, ч. I—III, Одесса, 1846 г., in—8. На дняхъ вышелъ первый томъ третьимъ изданіемъ безъ всякихъ почти перемѣнъ.

[3]) Г. Скальковскій въ предисловіи къ изданію „Исторіи Новой Сѣчи" 1841 года говоритъ: „При составленіи своего разсказа о Запорожьѣ, я пользовался отысканными мною актами Запорожскаго архива и изустными преданіями послѣдняго запорожскаго повѣствователя Никиты Коржа, оригинальные и весьма замѣчательные разсказы котораго уже извѣстны читателямъ нашимъ". Въ примѣчаніи г. Скальковскій указываетъ, гдѣ помѣщены были имъ въ первый разъ эти разсказы, записанные архіепископомъ Гавріиломъ (въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1838 г. № 6, 1839 г. № 2) и сообщаетъ біографическія данныя о Коржѣ. Коржъ умеръ въ 1835 году въ самарскомъ монастырѣ, гдѣ былъ принятъ архіеп. Гавріиломъ, на 104-мъ году отъ рожденія. Архіеп. Гавріилъ записалъ его повѣствованія, часть которыхъ была сообщена г. Скальковскому, по указанію Алексѣя Петровича Стороженка, и издалъ особой книгой: „Устное повѣствованіе бывшаго запорожца Коржа" (Одесса, 1842 г.). Впослѣдствіи редакція „Основы" обратилась къ А. П. Стороженку съ „неотступной просьбой написать для

скажетъ каждый старикъ Новороссійскаго края. Я самъ лично зналъ многихъ запорожцевъ и даже грамотныхъ, какъ напримѣръ, содержавшій въ 1830-мъ году въ Елисаветградѣ винный откупъ Петро Васильевичъ Самохвалъ. Ихъ повѣствованія о Сѣчи еще любопытнѣе, нежели Коржа, но со времени побѣдъ надъ турками Румянцева-Задунайскаго[1]) запорожская Сѣчь не была уже Сѣчью, а негодными остатками прежнихъ рыцарей восточнаго исповѣданія. Зналъ я также недавно умершаго елисаветградскаго помѣщика Патрина, великаго грамотѣя, ведшаго нѣсколько дюжинъ процессовъ, который ѣзжалъ, будучи уже слишкомъ 80 лѣтъ отъ роду, въ Петербургъ на перекладныхъ и который былъ поручикомъ въ крѣпости св. Елизаветы еще во времена, когда полчища крымскихъ татаръ въ послѣдній разъ обходили оную и грабили села между Ингуломъ и Днѣпромъ. Послушалъ бы, что онъ говоритъ объ остаткахъ запорожцевъ, съ коими онъ жилъ, ибо имѣлъ хутора свои между ихъ хуторами,—такъ что твой Коржъ[2])!

Собранные составителемъ «Исторіи Новой Сѣчи» документы, хотя не заключаютъ въ себѣ ничего особенно цѣннаго(?) но любопытны нѣкоторымъ образомъ для мало знакомыхъ съ исторіей Сѣчи. А что онъ говоритъ о происхожденіи малороссійскихъ городовыхъ козаковъ отъ запорожскихъ, такъ это чистая небылица[3]).

архіеп. Гавріила на украинскомъ языкѣ, которымъ онъ „владѣлъ съ такимъ совершенствомъ" („Основа", январь 1862 г. Библіографія, стр. 44; сл. пр. 2 отъ редакціи къ рецензіи П. А. Кулиша на „Поѣздку въ Южную Россію" А. Аѳанасьева-Чужбинскаго). Онъ исполнилъ отчасти эту просьбу „Основы". Во второмъ изданіи „Исторіи Новой Сѣчи" г. Скальковскій помѣстилъ „почти тѣже отрывки, что и въ первомъ изданіи", о чемъ предупреждаетъ въ предисловіи къ этому изданію съ объясненіемъ причинъ.

[1]) Какъ извѣстно, турецкая война 1768—1774 гг. увѣнчалась Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ 10-го іюля 1774 г., доставившимъ крымскимъ татарамъ независимость, Россіи-же Азовъ съ его областью, Керчь и Эникале въ Крыму, Кинбурнъ при устьѣ Днѣпра и степь между этой рѣкою и Бугомъ, а также свободное плаваніе по Черному морю и чрезъ Дарданеллы, до стѣнъ Константинополя. Такимъ образомъ Сѣчь потеряла значеніе пограничнаго оплота со стороны татарскихъ ордъ.

[2]) Какъ жаль, что Андрей Яковлевичъ, имѣвъ возможность записать столь много въ высшей степени любопытныхъ устныхъ преданій, не подумалъ объ этомъ и не оставилъ потомству хотя бы краткаго пересказа ихъ.

[3]) На стр. 25 первой части „Исторіи Нов. Сѣчи" читаемъ: „Принимая, что козачество произошло сперва отъ Руси южной *(Запорожцы и ихъ преемники:*

Козаки въ Руси наддн҃ѣпровской существовали еще за временъ литовскаго владычества надъ землями, лежащими на правомъ берегу Днѣпра (въ XIV вѣкѣ). Когда Литва соединилась съ Польшей (при Ягеллѣ 1377—1392) и въ составъ послѣдней вошли и русскія земли, то люди бранные въ послѣднихъ назывались козаками. Въ концѣ XV-го вѣка число ихъ было уже значительно, ибо съ 1516 года былъ у нихъ уже и гетманъ Предславъ Ланцкоронскій, вельможа польскій.

Весьма вѣроятно, что впослѣдствіи времени удалыя шайки бездомныхъ козаковъ съ атаманами, выбираемыми между собою, кочевали на островахъ днѣпровскихъ у пороговъ, защищавшихъ ихъ отъ внезапныхъ набѣговъ татарскихъ; потомъ постепенно число этихъ своевольниковъ увеличивалось и образовалось военное товарищество, назвавшееся запорожскимъ. Когда же король польскій Сигизмундъ III (1587—1632) попустилъ гоненіе на православную церковь на Руси и польскіе паны, водворявшіеся тамъ насильно и водворявшіе вмѣстѣ съ собою жидовъ, начали угнетать, совокупно съ послѣдними, коренныхъ жителей, то изъ рыцарства, или козацтва, не имѣвшіе значительныхъ осѣдлостей, избѣгая порабощенія и гоненія, уходили къ прежде удалившимся *для промысловъ* товарищамъ своимъ на низъ Днѣпра, изъ чего составилось низовое запорожское войско и Сѣчь запорожская. Видно, что г. Скальковскій писалъ о Запорожьѣ, какъ охотникъ, а не какъ труженникъ надъ рукописями и преданіями о полуденной Руси, поэтому-то онъ и выводитъ козаковъ Малороссіи (городовыхъ) изъ Запорожья, что было, какъ видишь, совсѣмъ напротивъ.

Шляхтичъ польскій Петро Конашевичъ Сагайдачный, ушедшій на Запорожье, впослѣдствіи былъ избранъ въ 1601 году гетманомъ малороссійскимъ и, кажется, первый назывался также гетманомъ войска запорожскаго, хотя оставилъ навсегда Запорожье, жилъ въ

малороссійскіе, слободскіе, бугскіе, вознесенскіе, черноморскіе, дунайскіе и новоазовскіе козаки),... мы желаемъ, какъ первый опытъ, представить нѣсколько документальныхъ свѣдѣній *о запорожцахъ, которыхъ считаемъ началомъ и первообразомъ всего козачьяго міра*". Фраза эта сохранилась въ такомъ же видѣ и въ третьемъ, только что вышедшемъ, изданіи „Исторіи Новой Сѣчи" (т. I. Одесса 1886 г., стр. 8).

управляемомъ имъ краѣ и основалъ братскую обитель въ Кіевѣ, въ которой, принявши схиму, скончался въ 1622 году.

Въ 1647 г. Богданъ Хмельницкій, ушедши также на Запорожье и найдя тамъ значительную массу вольныхъ козаковъ, поднялъ съ ними оружіе противъ утѣснителей родины. А поелику первоначальнымъ своимъ успѣхомъ былъ обязанъ запорожцамъ, то и именовалъ себя гетманомъ ихъ, подписываясь на всѣхъ универсалахъ и договорахъ: «Богданъ Хмельницкій, гетманъ войска его королевской милости (или потомъ—его царскаго величества) запорожскаго».

При заключеніи имъ въ Переяславѣ договора о присоединеніи Малороссіи къ Москвѣ, уполномоченный царя Алексѣя Михайловича воевода Бутурлинъ спросилъ Хмельницкаго: «для чего въ общемъ собраніи нѣтъ старшинъ запорожскихъ?» Гетманъ отвѣчалъ, что они люди малые и въ такомъ важномъ дѣлѣ участіе ихъ не нужно. Это обстоятельство дастаточно уже объясняетъ, какъ считали запорожцевъ гетманы старинныхъ козаковъ малороссійскихъ и что такое были первые.

Итакъ, только съ конца XVI вѣка можно положить истинное начало Сѣчи, распространявшейся на счетъ отнимаемыхъ ею земель у татаръ и увеличивавшейся приливомъ разгульныхъ добрыхъ молодцевъ, уходившихъ изъ Украины, гдѣ польская Рѣчь Посполитая всѣми силами старалась истребить козачество, раздавая козачьи села въ подданство вельможамъ своимъ. Правительство русское этого не дѣлало, козаки и по-нынѣ пользуются нѣкоторыми старыми правами своими; но вводило гражданскій порядокъ, не могшій нравиться возросшимъ въ необузданной свободѣ, отъ котораго бѣжали бурлаки бездомные въ Сѣчь, принимавшую всякаго рода преступниковъ, т. е. нарушителей законовъ правильно организованнаго общества, кои, перемѣняя тамъ самыя прозванія, обрекли себя безженству, вели жизнь разгульную, справедливо описанную г. Скальковскимъ[1]).

---

[1]) Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что первоначально появились вообще малороссійскіе козаки, впослѣдствіи—городовые, а уже потомъ изъ нихъ и изъ другихъ сословныхъ элементовъ украинскихъ образовалось запорожское товариство. Что касается вообще до происхожденія козачества, то въ настоящее время изъ массы мнѣній по этому вопросу признано наиболѣе правильнымъ мнѣніе М. А. Максимовича. Образованіе козачества онъ ставитъ въ связи съ новымъ порядкомъ, установившимся въ литовскомъ государствѣ передъ лю-

Что запорожцы происходятъ отъ козаковъ малороссійскихъ, а не сіи послѣдніе отъ первыхъ, какъ написалъ онъ, нисколько не

блинскою уніею (1569 г.). Съ конца XV в. и начала XVI в. въ южной Руси появляются сельскія общины, которыя съ теченіемъ времени, съ ухудшеніемъ положенія крестьянъ въ литовскомъ государствѣ, все болѣе увеличиваются вслѣдствіе переселенія на свободныя южно-русскія степи крестьянъ, убѣгавшихъ отъ панскаго гнета. Такъ какъ нужно было защищать границы государства отъ набѣговъ татарскихъ, то воеводы пограничныхъ земель, воспользовавшись населеніемъ этихъ общинъ, стали организовать изъ нихъ военныя поселенія, чтобы во всякое время имѣть готовыя военныя силы для отраженія набѣговъ; эти военныя общины и положили начало для развившагося позже козачества. Исторически извѣстными становятся козаки на Украйнѣ, по мнѣнію Максимовича, уже послѣ 1471 г., когда кіевское княжество обращено было въ воеводство (Собраніе сочиненій, т. I, Кіевъ, 1876 г., стр. 310). Собственно въ первый разъ мы встрѣчаемъ свидѣтельство о существованіи приднѣпровскихъ казаковъ въ уставной грамотѣ великаго князя литовскаго Александра (1499 г.) кіевскому войту и мѣщанамъ о воеводскихъ доходахъ: „которыи козаки зъ верху Днѣпра и съ иншихъ сторонъ ходять водою на низъ, до Черкасъ и далѣй, а што тамъ здобудуть, съ того со всего воеводѣ десятое мають давати; а коли рыбы привозять, зъ верху, або зъ низу, просолныи и вялыи до мѣста кіевского, тогди маетъ осичникъ воеводинъ то осмотрѣти и обмитити, и маетъ на городъ взяти отъ бочки рыбъ по шести грошей, а отъ вялыхъ рыбъ и свѣжихъ десятое. А коли привезуть до мѣста Кіевскаго рыбу свѣжую, осетры, тогды не мають ихъ цѣлкомъ продавати, олижъ мусить осичникъ отъ каждого осетра по хребтинѣ взяти, а любо отъ десяти осетровъ десятого осетра“. (Акты Западной Россіи, т. I, № 170).

Первымъ гетманомъ козацкимъ Максимовичъ также считаетъ Предслава Ланцкоронскаго и также относитъ начало его гетманства къ 1516 году (Собр. соч., т. I, стр. 311).

Когда собственно образовалась запорожская община, точно сказать нельзя. Конечно, она образовалась не сразу, а складывалась постепенно, первоначально съ цѣлями промышленными, какъ мы только что видѣли. Такъ представлялъ себѣ и Андрей Яковлевичъ. Число запорожцевъ увеличивалось приливомъ недовольныхъ порядками Рѣчи Посполитой. Несомнѣнно, что она вовсе не существовала до конца первой трети XVI стол. Начало ея можно отнести къ 1530 г., когда былъ основанъ поселокъ на низовьяхъ Днѣпра княземъ Димитріемъ Вишневецкимъ, старостою каневскимъ.

Петръ Конашевичъ Сагайдачный дѣйствительно первый изъ гетмановъ соединилъ званіе козацкаго военачальника и правителя страны, малороссійскаго гетмана (См. собр. соч. Максимовича, т. I, стр. 302). Годъ избранія Сагайдачнаго въ гетманы указанъ Андреемъ Яковлевичемъ вѣрно (Ibid., стр. 358). Говоря о принятіи Сагайдачнымъ схимы, Андрей Яковлевичъ основывался на словахъ Бантышъ-Каменскаго (Исторія Малой Россіи, ч. I, М. 1822 г., стр. XXIV), заимствовавшаго это извѣстіе, по мнѣнію Максимовича, изъ Энгеля (Geschichte der Ukraine und der ukrainischen kosaken, von J. C. Engel. Halle. 1796 г.). Максимовичъ не считаетъ этотъ фактъ достаточно доказаннымъ (Собр. соч. т. I, стр. 352).

углубляясь въ предметъ свой, доказываетъ также и старинная малороссійская пѣсня, въ которой изображается несчастная любовь малороссійскаго козака и между прочимъ говорится:

. . . .
Пишовъ козакъ въ Запорожье,
Дивчинонька у чернычки.
Не по воли иду на Сичь,
Не по воли постригаюся,
Абы ни зъ кимъ, якъ зъ тобою,
Мое серденько не зналося.

Эти строки рисуютъ нравы и обычаи малороссійскихъ козаковъ».

Таковы были воззрѣнія Андрея Яковлевича на прошлыя судьбы Малороссіи и въ частности по вопросу о происхожденіи запорожскихъ козаковъ. Сравнивая ихъ съ современными намъ научными взглядами на тотъ-же предметъ, можно сказать только, что Андрей Яковлевичъ, которому приходилось протаптывать дорожку черезъ пустынное, необработанное поле, шелъ по прямому пути и во многомъ былъ близокъ къ истинѣ.

Кромѣ этихъ занятій малорусской стариной, Андрей Яковлевичъ принесъ не мало пользы исторической наукѣ веденіемъ подробныхъ записокъ о событіяхъ, свидѣтелемъ которыхъ судилось ему быть. Записки эти были помѣщены послѣ его смерти разновременно въ русскихъ историческихъ журналахъ. Это 1) Выдержки изъ записокъ А. Я. Стороженка о фельдмаршалѣ князѣ Паскевичѣ (въ Русскомъ Архивѣ 1873 г.), 2) Записка обывателя Царства Польскаго, 1833 г. февраля 20 дня, 3) Записка по дѣлу о злоумышленникахъ, высланныхъ изъ Франціи въ Царство Польское для начатія новаго мятежа, 1838 г. 26-го августа, 4) Записка о Царствѣ Польскомъ въ 1834 г., 5) Записка о Царствѣ Польскомъ, 12-го апрѣля 1835 г., 6) Записка о Царствѣ Польскомъ въ 1842 г., 7) Общій обзоръ показаній бывшаго диктатора Краковскаго революціоннаго правленія Ивана Тысовскаго (въ Чтеніяхъ моск. общества исторіи и древностей за 1870 г.), 8) Рапортъ предсѣдателя слѣдственной коммисіи его свѣтлости намѣстнику Царства Польскаго, 7-го февраля 1847 г., 9) Убѣжденіе, 10) Записка по поводу про-

цесса надъ поляками въ Берлинѣ, 11) Опроверженіе клеветъ на Россію за Польшу, 12) Два мѣсяца въ дорогѣ (въ тѣхъ-же Чтеніяхъ за 1871 г.) и 13) Записки о военномъ поселеніи кавалеріи въ херсонской и екатеринославской губерніяхъ (въ Кіев. Старинѣ за 1884 г.). Кромѣ этого сохранилась въ бумагахъ и случайно не попала въ серію записокъ, помѣщенныхъ въ Чтеніяхъ, «Записка о Царствѣ Польскомъ, 29-го сентября 1835 г.», которую я помѣщаю здѣсь въ видѣ приложенія къ настоящей статьѣ (Приложеніе № 2).

При оцѣнкѣ этихъ записокъ необходимо, принявъ во вниманіе степень образованности ихъ автора и среду, въ которой онъ, вращался, прослѣдить, записываетъ-ли онъ лишь только то, что лично видѣлъ, или слышалъ, или-же передаетъ со словъ другихъ. Въ первомъ случаѣ, нужно опредѣлить степень его наблюдательности, во второмъ—выяснить, насколько критически относится онъ къ разсказамъ. Не менѣе важно обнаружить, насколько онъ безпристрастенъ въ оцѣнкѣ характеровъ и дѣятельности различныхъ лицъ, которыя имъ описаны, а также событій.

А. Я. Стороженко получилъ военное образованіе, долго находился въ военной службѣ—во фронтѣ и въ штабѣ военныхъ поселеній, а затѣмъ занималъ административные посты въ неумиротворенномъ краѣ; ясно, что онъ смотритъ на все съ точки зрѣнія военнаго человѣка, дѣлаетъ оцѣнку объектомъ своихъ наблюденій согласно съ своими убѣжденіями, сложившимися подъ вліяніемъ спеціальнаго воспитанія и образованія и среды со строго опредѣленнымъ кругомъ воззрѣній, въ особенности въ николаевское время.

Содержаніемъ его записокъ является почти только описаніе того, въ чемъ онъ принималъ непосредственное участіе, и лишь для оцѣнки лицъ заноситъ онъ на страницы своихъ записокъ разсказы другихъ. Андрей Яковлевичъ записывалъ свои воспоминанія о походахъ, сраженіяхъ и всѣхъ бѣдствіяхъ, сопряженныхъ съ войной: болѣзняхъ, недостаткѣ въ провіантѣ, злоупотребленіяхъ чиновничества въ тылу арміи и т. д.; за время службы въ новороссійскихъ военныхъ поселеніяхъ онъ заносилъ въ памятную книжку свои замѣчанія о хорошихъ и дурныхъ сторонахъ этого учрежденія; отъ варшавскаго періода его службы сохранились точныя, подробныя извѣстія о настроеніи польскаго общества и антирусскихъ его движеніяхъ.

Относительно наблюдательности автора и подробности въ передачѣ всего видѣннаго и слышаннаго можно замѣтить, что онъ не упускаетъ ничего даже самомалѣйшаго, такъ что его скорѣе можно упрекнуть въ томъ, что онъ уснащиваетъ свой разсказъ малозначущими мелочами, которыя мѣшаютъ выдѣляться важному, имѣющему интересъ, если только авторъ не оттѣняетъ таковаго намѣренно. Къ разсказамъ другихъ нашъ авторъ старался относиться всегда критически, довѣрялъ только лицамъ, которыя дѣйствительно могли знать о томъ, что разсказывали, и даже и въ этомъ случаѣ старался ихъ провѣрить. Такъ, интересуясь личностью князя Паскевича, еще до назначенія своего въ Варшаву, Андрей Яковлевичъ распрашивалъ о немъ у всѣхъ близко знавшихъ его и вотъ что записалъ по этому поводу: «генералъ баронъ С. однажды разсказывалъ мнѣ, что разъ онъ представлялъ (по должности начальника штаба) фельдмаршалу о храбрости войскъ и объ отличіи офицеровъ кавказскаго корпуса; фельдмаршалу это не понравилось, и онъ сказалъ ему при этомъ: «что вы хвастаете съ вашими войсками? мнѣ, сударь, дай жидовъ въ команду и я побью съ ними турокъ!»... «Впослѣдствіи, замѣчаетъ А. Я., я разговаривалъ объ этомъ съ свѣтлѣйшимъ, который сказалъ мнѣ, что С . . . ъ говорилъ правду, но что онъ, зная человѣка, не могъ-бы иначе уничтожить тонъ сужденій его, весьма часто неумѣстныхъ и всегда не нужныхъ для фельдмаршала, не выразившись такимъ образомъ, какъ С . . . ъ пересказалъ мнѣ—конечно, не въ похвалу ему» [1]).

Посмотримъ теперь, насколько справедливыя оцѣнки людямъ давалъ нашъ авторъ. Не упоминая объ отрывочныхъ сужденіяхъ о различныхъ лицахъ, разсѣянныхъ по всѣмъ запискамъ, замѣчу только, что авторъ ихъ даетъ три довольно полныхъ характеристики, именно: князя варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго, графа Аракчеева и графа Витта. Познакомимся ближе съ этими тремя личностями въ изображеніи Андрея Яковлевича, чтобы убѣдиться въ его безпристрастіи.

Судьба нѣсколько разъ сталкивала Андрея Яковлевича съ Паскевичемъ еще до Варшавы: въ 1809 г. онъ видѣлъ Паскевича

---

1) Изъ записокъ А. Я. Стороженка, Рус. Архивъ, 1873 г., кн. II, стр. 1737.

въ Яссахъ еще капитаномъ, затѣмъ уже генераломъ во время Бородинскаго боя и въ сраженіи подъ Дрезденомъ (1813 г.). Блестящіе подвиги этого генерала въ Персіи и славный миръ съ шахомъ, побѣды надъ турками обращали на него всеобщее вниманіе; Андрей Яковлевичъ живо интересовался имъ, распрашивалъ о немъ, у кого только могъ. Впослѣдствіи личныя воспоминанія и самыя противорѣчивыя мнѣнія, по возможности провѣренныя, такъ обрисовали личность Паскевича въ воображеніи Андрея Яковлевича:

Паскевичъ былъ, обязанъ многимъ своему необыкновенному счастью, которое развило даже въ немъ самомнѣніе, но все-же значительную долю его успѣховъ необходимо приписать его уму. Человѣкъ онъ былъ добраго сердца, смѣлаго духа, съ прекрасною памятью, часто весьма проницательной, если углублялся въ предметъ; но безпорядокъ въ образѣ жизни, въ дѣлахъ и вѣроятно въ самыхъ мысляхъ препятствовалъ ему быть хорошимъ администраторомъ и дѣлалъ изъ него лишь выдающагося полководца, гдѣ конечно при умѣ большую роль играетъ счастье. Онъ не обнаруживалъ постоянства, необходимой точности, систематичности и положительности. Всѣ поступки его зависѣли отъ впечатлѣній; досада, причиненная чѣмъ нибудь однимъ, отражалась на всемъ. Непривычка къ гражданской дѣятельности, требующей терпѣнія и опытности, откладываніе поэтому со дня на день и самаго нужнаго, или рѣшеніе его съ одного поверхностнаго взгляда на предметъ, были причинами безпорядковъ во внутреннемъ управленіи. Посвящая мало времени служебнымъ занятіямъ, Паскевичъ былъ увѣренъ, что все имъ однимъ дѣлается, отъ того дѣловые люди, находившіеся подъ его начальствомъ, теряли охоту къ трудамъ. При томъ-же неровность въ обхожденіи, заграждаемая тѣмъ откровенность къ нему мыслящихъ, покровительство безталаннымъ, слушаніе доносчиковъ и собственный свой, особый, взглядъ на вещи, ставили въ недоумѣніе и истинно преданныхъ ему людей разумныхъ.

Иногда видны въ немъ проблески благородныхъ чертъ характера: восхищеніе добрымъ поступкомъ, участіе въ горѣ другого, великодушіе; но тутъ-же слѣдовали эгоизмъ и готовность пожертвовать каждымъ, по своимъ видамъ, или для своего оправданія.

Первыя качества, кажется, были господствующими въ немъ до его большей извѣстности; а послѣднія пріобрѣтены имъ въ жизни

петербургской, гдѣ онъ видѣлъ необходимость искательства, лести и скромности. Безъ этого едва-ли-бы онъ могъ возвыситься, при всей храбрости своей» [1]).

Графъ Аракчеевъ въ воспоминаніяхъ Андрея Яковлевича является «человѣкомъ до послѣдней степени необразованнымъ, совершенно не подготовленнымъ къ тому высокому положенію, какое онъ занималъ, а между тѣмъ онъ хотѣлъ дѣлать нововведенія и исправлять старое. Съ ни предъ чѣмъ не останавливавшейся настойчивостью онъ заставлялъ приводить въ исполненіе свои самыя нелѣпѣйшія распоряженія и за малѣйшую ослушность и невыполненіе требуемаго каралъ немилосердно. На подчиненныхъ онъ смотрѣлъ, какъ на машины, которыя должны были неустанно работать, не давалъ имъ отдохнуть даже въ праздникъ—въ праздничные дни онъ нарочно внезапно присылалъ чиновника для производства ревизіи—и между тѣмъ никогда не награждалъ даже самыхъ исправныхъ. Онъ былъ въ высшей степени мстителенъ и окружалъ себя людьми, которые были орудіями нравственной пытки; главнѣйшія занятія чиновниковъ главнаго штаба, казалось, состояли въ томъ, чтобы искать упущеній, дабы прислужиться тѣмъ своему начальнику. Аракчеевъ до того былъ всѣми ненавидимъ, что когда присягали Николаю I, то военные поселяне и солдаты кричали: «Господи, избавитъ-ли насъ новый царь отъ лютаго главнаго начальника!» Нельзя описать всеобщей радости, когда было получено извѣстіе, что онъ уволенъ въ безсрочный отпускъ за-границу» [2]).

Начальника кавалерійской дивизіи, поселенной въ херсонской и екатеринославской губерніяхъ, графа Витта, Андрей Яковлевичъ рисуетъ въ слѣдующихъ чертахъ: это «былъ человѣкъ сердца добраго, способностей ума необыкновенныхъ; былъ вѣжливъ и ласковъ въ обхожденіи съ подчиненными; никогда не выходилъ изъ себя и даже рѣдко сердился; но былъ вѣтренъ, невѣренъ ни въ словахъ, ни въ дѣйствіяхъ; впрочемъ, онъ зналъ кавалерійскій фронтъ, умѣлъ дать образованіе и направленіе кавалерійскимъ полкамъ, а всего болѣе умѣлъ представить ввѣренныя ему части въ прекрасномъ видѣ... Государь всегда былъ имъ доволенъ, а поелику сверхъ того

---

1) Русск. Архивъ. 1873 г., кн. II, стр. 1732.

2) Кіевская Старина, 1884 г., ноябрь стр. 474.

онъ употреблялся и для наблюденія за духомъ войскъ и помѣщиковъ, особенно въ польскихъ провинціяхъ, то казался весьма нужнымъ государю, что отвращало отъ него грозу и желаніе уничтожить его, высказывавшееся въ придиркахъ къ нему со стороны графа Аракчеева. Тутъ можно еще прибавить, вспомнивши о графѣ Виттѣ, что есть люди, кои охотнѣе и лучше занимаются тѣмъ, что не относится къ прямой ихъ обязанности, нежели тѣмъ, что въ сущности составляетъ ее» [1]).

Сопоставляя эти характеристики съ тѣми данными, которыя можно почерпнуть изъ различныхъ матеріаловъ для біографій Паскевича, Аракчеева и Витта [2]), помѣщаемыхъ за послѣднее

---

[1]) Кіев. Старина 1884 г., ноябрь, стр. 473.

[2]) Ермоловъ и Паскевичъ. Воспоминаніе В. А. Андреева.—Рус. Архивъ, 1873 г., т. II, столбцы 1571, 1574, 1577—1583.—Изъ бумагъ Жуковскаго. Два письма кн. Паскевича къ нему.—Ib. 1875 г., т. III, стр. 368.—Бумаги кн. И. В. Васильчикова. Письмо къ нему Паскевича.—Ib. 1875 г., т. III, стр. 420.—Записки польскаго епископа Буткевича.—Ib. 1876 г., т. III, стр. 323.—Изъ воспоминаній о венгерской кампаніи адъютанта кн. Паскевича, Д. П. Солнцова.—19-й вѣкъ Бартенева, т. I, стр. 256—281 и въ особенности 280.—Мысли Паскевича объ оборонѣ и паденіи Севастополя. Сообщ. О. Б. Степановъ.—Русская Старина, 1872 г., т. VI, стр. 427—435, 604—605.—Кн. В. Г. Мадатовъ. По поводу донесеній о немъ Паскевича импер. Николаю I. Сообщ. княгиня С. А. Мадатова.—Ib. 1873 г., т. VII, стр. 85, 88, 90, 92.—Фельдмаршалъ Паскевичъ въ крымскую войну 1854—1855 гг. Историко-критич. очеркъ. Перев. съ нѣмецкаго и сообщ. съ замѣтками и примѣч. Н. К. Шильдеръ.—Ib. 1875 г., т. XIII, стр. 604—606, 613, 618, 621, 635.—Замѣтки о событіяхъ въ 1853—1853 гг. Сообщ. Н. К. Шильдеръ.—Ib. 1875 г., г. XIV, стр. 386.—Ермоловъ, Дибичъ и Паскевичъ: переписка ихъ и донесенія имп. Николаю I о событіяхъ на Кавказѣ и о войнѣ съ Персіей, 1826—1827 гг. Сообщ. П. И. Вріони.—Ib. 1872 г., т. V, стр. 706—726; т. VI, стр. 39—69.—Войны Россіи съ Турціей и ея союзники, 1828—1829 и 1853—1854 гг.—Ib. 1876 г., т. XVI, стр. 681—687, 689—702; т. XVII, стр. 145—150, 170, 352.—Письма Паскевича къ вел. кн. Михаилу Павловичу. Сообщ. Берже.—Ib. 1876 г., т. XVII, стр. 851—853.—Письма Паскевича къ кн. М. Д. Горчакову.—Ib. 1876 г., т. XV, стр. 163—191, 388—401, 659—674.—Письмо Паскевича импер. Николаю I о возмущеніи поляковъ въ Краковѣ.—Ib. 1884 г., т. XLI, стр. 154.—Кн. Мих. Дмитр. Горчаковъ въ Севастополѣ въ 1856 г. Предсмертная записка, сообщ. Н. П. Степановъ.—Ib. 1883 г., т. XL, стр. 389—390 и д.—Краткій журналъ пребыванія моего въ дѣйствующей арміи въ польскую войну, со времени прибытія гр. Паскевича къ оной до отъѣзда моего въ С.-Петербургъ. Графа Н. Ѳ. Толя.—Чтенія въ Моск. Общ. ист. и древн. рос. 1867 г., кн. II, стр. 2, 4, 8, 11, 13, 17, 20—23, 39 и 54, и много другихъ.

Относительно гр. Аракчеева имѣемъ, между прочимъ, слѣд. матеріалы и статьи: Гр. Аракчеевъ и военные поселяне 1809—1831 гг.—Изд. „Русской Ста-

время въ значительномъ количествѣ въ нашихъ историческихъ журналахъ, слѣдуетъ заключить, что авторъ нашъ въ своихъ запискахъ былъ весьма безпристрастенъ въ оцѣнкѣ характеровъ и дѣятельности лицъ, съ которыми сталкивала его судьба. Ему однако самому однажды показалось, что въ нѣкоторыхъ сужденіяхъ его промелькнула какъ-бы тѣнь личнаго неудовольствія, и онъ по-

---

рины". Спб. 1871 г.—Гр. А. А. Аракчеевъ Изъ воспоминаній о новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ. 1822—1826 гг. А. К. Гриббе. — „Русская Старина". 1875 г., т. XII, стр. 84, 86, 90, 100—104.—Убійство Настасьи Шумской. Разсказъ А. Г. Пупарева, сообщ. А. Н. Неустроевъ. — Ib. 1871 г., т. IV, стр. 270.—Листки изъ записной книжки „Русской Старины" (мнѣніе имп. Александра I, высказанное по поводу клеветы Аракчеева на нѣкоего Г. Л. Вильде и ложнаго донесенія А—ва имп. Павлу I.—Ib. 1871 г., т. III, стр. 241 —Гр. А. А. Аракчеевъ. Сообщ. А. Н. Сиротининъ.—Ib. 1882 г., т. XXXV, стр. 624—626.—Воспоминанія доктора Ив. Исаак. Европеуса.—Ib. 1872 г., т. VI, стр. 225—242, 547—558.—Черты изъ жизни гр. Аракчеева. Воспоминанія ген.-м. Н. Г. Сигунова.—Ib. 1870 г., т. I, стр. 272—276.—Гр. А А. Аракчеевъ. Разсказы изъ его жизни свящ. с. Грузина, Ильинскаго.—Ib. 1872 г., т. V, стр. 470—472.—Гр. А. А. Аракчеевъ. Разсказъ къ его характеристикѣ. Сообщ. К. А. Измайловъ.—Ib. 1881 г., т. XXXII, стр. 201—208.—Эпиграмыы на Аракчеева. Изъ рукописи. сборника 1820 гг. Сообщ. И. Р. фонъ-деръ-Ховенъ.—Ib. 1874 г., т. IX, стр. 200.—Гр. А. А. Аракчеевъ въ 1812—1834 гг. Сообщ. Н. К. Шильдеръ.—Ib. 1882 г., т. XXXVI, стр. 181—196.—Воспоминанія академика-архитектора И. И. Свіязева, 1824—1826 гг. Имп. Александръ I и гр. Аракчеевъ.—Ib. 1871 г., т. IV, стр. 549—561 и д.—Письма гр. Аракчеева и къ нему различныхъ лицъ.—Русскій Архивъ. 1864 г, стр. 1186, 1866 г., стр. 1047, 1868 г., стр. 281, 1872 г., стр. 2036 и д.—Записки Е. Ѳ. фонъ-Брадке.—Ib. 1875 г., т. I, стр. 44—53.—Воспоминанія Н. Н. Шенига.—Ib. 1880 г., т. III, стр. 321—325.—По поводу записокъ саксонскаго посланника гр. Зенфта. Статья кн. Вяземскаго.—Ib. 1876 г., т. I, етр 470—480. Черты изъ жизни гр. Аракчеева. Н. К. Отто.—Древняя и Новая Рссія. 1875 г. № 1, стр. 95—102; № 3, стр. 293—301, № 4, стр. 376—393, № 6, стр. 165—182, № 10, стр. 162—185.—Журналистика гр. Аракчеева. М. Богдановичъ.—Русскій Инвалидъ, 1870 г. № 29.

Вообще какъ о князѣ Паскевичѣ, такъ и о графѣ Аракчеевѣ у насъ образовалась, можно сказать, обширная литература; но ни въ ряду написанныхъ объ нихъ статей, ни въ числѣ изданныхъ матеріаловъ мы не встрѣчаемъ противорѣчій со взглядами на этихъ лицъ А. Я. Стороженка,

Къ характеристикѣ гр. Витта могутъ служить помѣщенныя въ февральской книжкѣ „Кіевской Старины" за текущій годъ замѣтки А. С. Пишчевича: „Бугскіе козаки и украинскіе уланы"; здѣсь нѣкоторыя черты характера гр. Витта представлены совершенно сходно со свидѣтельствомъ Андрея Яковлевича, и вообще передаваемые Пишчевичемъ факты, какъ замѣтилъ и авторъ предисловія къ его замѣткамъ, „ничѣмъ не разнятся отъ тѣхъ, которые чертилъ въ своихъ запискахъ писавшій позже и вообще сдержанный Стороженко".

челъ нужнымъ оговориться: «дабы все упомянутое мною въ этихъ краткихъ очеркахъ военнаго поселенія херсонской и екатеринославской губерній о графѣ Аракчеевѣ не показалось желчью человѣка, котораго онъ гналъ, я долженъ сказать, что напротивъ онъ всегда благоволилъ ко мнѣ, удостоивалъ и продолжительными разговорами и собственноручными письмами, хранящимися у меня» [1])

Въ серіи записокъ о Царствѣ Польскомъ Андрей Яковлевичъ высказываетъ свои сужденія о тогдашнемъ положеніи Польши, о нуждахъ края, характерѣ польскаго народа и необходимыхъ мѣрахъ для удержанія его въ повиновеніи.

По его мнѣнію, Польша послѣ подавленія возстанія 1831 г. находилась лишь въ наружномъ спокойствіи изъ страха предъ русскимъ оружіемъ, но мысли объ «одбудованьи ойчизны» не покидали польскихъ умовъ, хотя повидимому поляки и должны-бы были убѣдиться въ тщетѣ ихъ. Найболѣе сторонниковъ эта идея находила среди бывшихъ военныхъ польской арміи, среди учащейся молодежи, католическаго духовенства и помѣщиковъ; среднее сословіе и крестьянство, какъ и во время возстанія, не сочувствовали высшимъ сословіямъ и даже враждебно относились къ ихъ мечтаніямъ. По своему легкомыслію и легковѣрію польская шляхта не хотѣла примириться съ существующимъ порядкомъ, не хотѣла понять, что польская народность только и можетъ сохраниться подъ защитой Россіи, и вѣрила небреднямъ польскихъ эмигрантовъ, тайно возвращавшихся на родину и скрывавшихся у помѣщиковъ и ксендзовъ. Бѣжавшіе за-границу поляки, которымъ нечего было терять, завидуя спокойной и до извѣстной степени счастливой жизни своихъ соотечественниковъ, оставшихся въ краѣ, старались возмутить ихъ и разсказывали имъ небылицы о громадности средствъ, которыми располагаетъ эмиграція, о томъ, что она готова вновь устроить тотчасъ-же возстаніе, о томъ, что ея цѣлямъ сочувствуютъ будто-бы и будутъ поддерживать ее сильныя западно-европейскія государства. Съ начала 40-хъ годовъ эмигранты не ограничивались пропагандой своихъ идей среди высшаго слоя общества, но предположили найти себѣ поддержку среди народа, убѣдившись, что возстаніе 1831 г.

---

[1]) Записки о военномъ поселеніи и т. д., Кіев. Стар. 1884 г., ноябрь, стр. 476.

оттого не имѣло успѣха, что народъ не принималъ въ немъ участія. «Они увѣряли себя, что если земледѣльцы утвердятся во мнѣніи, что революція сдѣлаетъ ихъ гражданами, что они будутъ собственниками и избавятся отъ панщины, а ремесленники—что облегчатся для нихъ подати уравненіемъ всѣхъ классовъ, то возстаніе будетъ уже народнымъ» [1]). Но пропаганда въ этомъ духѣ имѣла успѣхъ лишь въ Галиціи и Познани, а въ Царствѣ Польскомъ всѣ усилія эмигрантовъ не дали желательныхъ результатовъ, что видно изъ показаній главныхъ агитаторовъ Мирославскаго, Тысовскаго и другихъ [2]). За то шляхта не измѣняла своихъ политическихъ взглядовъ и сочувственно относилась къ демократической пропагандѣ; таковое настроеніе выражалось даже въ самыхъ мелочахъ: женщины въ концѣ 40-хъ годовъ изъ мнимаго патріотизма продолжали обрѣзывать себѣ волосы, въ Варшавѣ не устраивали никакихъ увеселеній и носили трауръ [3]).

Самыми главными мѣрами для предотвращенія на будущее время возможности возникновенія возстанія Андрей Яковлевичъ считалъ строгое отношеніе къ самымъ, повидимому, невиннымъ антирусскимъ выходкамъ поляковъ и возможно большее увеличеніе русскаго элемента среди чиновниковъ. Чтобы показать на дѣлѣ пользу послѣдняго мѣропріятія, онъ приводитъ въ примѣръ политику прусскаго правительства: «занявши въ 1815 г. Познань, оно тотчасъ не только смѣнило чиновниковъ и замѣстило ихъ своими, но тогда-же начало вводить общія права и господствующій языкъ; событія доказали пользу сего, ибо ни одинъ ландратъ, ни одинъ бургомистръ не раздѣлялъ революціонныхъ идей, оттого княжество познанское менѣе всѣхъ другихъ провинцій бывшей Польши участвовало въ возстаніи 1831 г.» [4]). Въ подтвержденіе справедливости своей первой мысли—о строгомъ отношеніи къ проступкамъ, авторъ нашъ приводитъ цѣлый рядъ доводовъ, что возстаніе 1831 г. созрѣвало постепенно вслѣдствіе переходившей всякую мѣру увѣренности правительства въ мнимой приверженности поляковъ къ Россіи,

---

[1]) Записки о Царствѣ Польскомъ 1842 г.

[2]) Рапортъ предсѣдателя слѣдств. ком. 1847

[3]) Ibid.

[4]) Записка обывателя Царства Польскаго.

«поверхностныхъ разысканій проступковъ, кои были представляемы какъ заблужденія, шалости молодежи безъ цѣли» [1]) и, наконецъ, вслѣдствіе недостаточнаго надзора за духомъ польскихъ военныхъ и учащейся молодежи.

Отношеніе русскаго правительства къ полякамъ Андрей Яковлевичъ характеризуетъ въ своемъ «Опроверженіи клеветъ на Россію за Польшу»: русское правительство, говоритъ онъ здѣсь, заботилось о нуждахъ страны, раздавало пособія разореннымъ жителямъ, содержало вдовъ и сиротъ убитыхъ мятежниковъ, улучшало пути сообщенія, способствовало расширенію городовъ, соблюдало полную вѣротерпимость и не дѣлало насилій надъ польскою національностью, какъ Пруссія въ Познани.

Можно-бы предположить, что Андрей Яковлевичъ, какъ человѣкъ принимавшій близкое участіе въ польскихъ событіяхъ 30-хъ и 40-хъ гг. и при томъ въ качествѣ одного изъ главныхъ представителей столь ненавистнаго полякамъ русскаго порядка, и самъ пристрастно, съ предвзятою мыслью относился къ дѣйствіямъ поляковъ, намѣренно выставлялъ въ лучшемъ свѣтѣ дѣятельность правительства и предлагалъ слишкомъ сильныя, непримѣнимыя и ненужныя мѣры; но ближайшее знакомство съ записками его убѣждаетъ насъ въ противномъ: краски для обрисовки характера польскаго народа и тогдашняго его настроенія подобраны имъ какъ нельзя болѣе вѣрно, что подтверждается и другими свидѣтельствами [2]); заботливое отношеніе правительства къ польскому народу, какъ въ то время, такъ и позже, есть фактъ общеизвѣстный [3]); мѣропріятія, на которыя указываетъ авторъ записокъ, и по-нынѣ сохраняютъ

---

1) Ibid.

2) Жизнь гр. М. Н. Муравьева, Д. А. Кропотова. Спб. 1874 г., стр. 280 сл. 333—348. Записки Н. В. Берга о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ 1831—1862 г. М. 1873 г., стр. 7—131. Польша послѣ 1815 г. Е. М. Ѳеоктистова. Рус. Вѣстникъ, 1865 г., № 8, стр. 390—403, 408, 411, 418 и 424—420.

3) Очеркъ экономическаго развитія Привислянскаго края, со времени реформъ 1864 г., въ крестьянскомъ быту, сравнительно съ предшествующими періодами XIX в. Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ Варшавскаго университета 1874 г. проф. Симоненкомъ, стр. 1—21. Рѣчь эта была перепечатана въ трудѣ проф. Симоненка: „Сравнительная статистика Царства Польскаго и др. европ. странъ". Варшава. 1879 г., стр. 116—142.

свое значеніе, а теперешнее положеніе Познани краснорѣчиво говоритъ въ пользу мѣропріятій прусскаго правительства, изъ которыхъ только самую незначительную долю авторъ записокъ совѣтуетъ примѣнить къ русской Польшѣ и какъ нельзя болѣе ярко освѣщаетъ гуманную политику Россіи по отношенію къ польской національности, за которую сыплется на нее столько упрековъ и которая поступаетъ по пословицѣ: «какъ волка ни корми, все въ лѣсъ глядитъ».

Изъ всего вышесказаннаго видно, что записки о Царствѣ Польскомъ удовлетворяютъ требованіямъ исторической критики и являются цѣннымъ историческимъ матеріаломъ, а автора ихъ можно считать безпристрастнымъ судьею какъ лицъ, такъ и событій.

Литературныя заслуги Андрея Яковлевича были цѣнимы современниками; онъ былъ членомъ Русскаго Историческаго общества и, по предложенію этого общества, королевское общество сѣверныхъ антикваріевъ въ Копенгагенѣ избрало его въ свои члены и прислало ему черезъ варшавскаго попечителя дипломъ на это званіе (Приложеніе № 3).

Занимаясь самъ наукой, Андрей Яковлевичъ покровительствовалъ и научнымъ занятіямъ другихъ. «Служа съ 1832 г. въ Царствѣ Польскомъ, онъ много способствовалъ польской литературѣ, особенно по историческимъ разысканіямъ, имѣвшимъ связь съ церковными, гражданскими и военными событіями Россіи и преимущественно Малороссіи XVI, XVII и XVIII столѣтій», говоритъ генералъ-лейтенантъ Николай Ивановичъ Ушаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ Андреѣ Яковлевичѣ [2]).

Крмѣ историческихъ статей и записокъ отъ Андрея Яковлевича остался спеціально военный трудъ «Правила для образованія кавалериста»; онъ изданъ въ Петербургѣ въ 1837 г. и составленъ по запискамъ офицера Бабинскаго и другихъ [1]).

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[2]) Воспоминанія объ А. Я. Стороженкѣ. Рус. Архивъ, 1873 г., т. II, стр. 1734.

[1]) Изъ записокъ А. Я. Стороженка. Ib., стр. 1740.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 1.

О сословіи козаковъ.

Въ самомъ началѣ XVI вѣка на Украйнѣ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра было особенное сословіе, которое называлось козачьимъ, козаки. Козаки имѣли своихъ начальниковъ, которые назывались гетманами; такъ въ 1516 г. былъ таковымъ Предславъ Ланцкоронскій и др.; они считались сословіемъ благороднымъ, рыцарскимъ и защищали Рѣчь-Посполитую отъ татарскихъ набѣговъ совершая походы по сушѣ и по Черному морю. Впослѣдствіи ощутилась потребность въ классѣ людей, которые были-бы въ постоянной готовности отражать непріятельскія нападенія; вслѣдствіе чего надъ порогами днѣпровскими и собралось сначала небольшое количество охочихъ до военнаго дѣла козаковъ, которыхъ и стали называть запорожскими козаками. Это было общество людей свободныхъ, положившее за правило никогда не жениться и принимавшее къ себѣ каждаго авантюриста. Запорожцы имѣли своего особаго кошеваго атамана, который не всегда подчинялся гетману, управлявшему осѣдлыми, городовыми, украинскими козаками. Украйна имѣла свое главное управленіе, суды гродскіе, земскіе и т. д., жители дѣлились на сословіе шляхетское, рыцарское и на подданство. Сословіе рыцарское включало также и козаковъ, которые имѣли свои участки земли, не подчинялись панамъ и обязанностью которыхъ было служить противъ непріятелей съ вооруженною рукою, а во время мира пахать свои собственныя нивы.

Впослѣдствіи король Стефанъ Баторій подтвердилъ права шляхты и козаковъ на ихъ земельныя имущества, приказалъ основать городъ, который по его имени былъ названъ Баторинъ или Батуринъ. За время этого короля малороссійскіе козаки со своими предводителями Подковою и Шахомъ достигли Малой Азіи, взяли города Синопъ и Трапезонтъ и явились побѣдителями подъ стѣны самаго Стамбула.

Болѣе ста лѣтъ, пользуясь своими правами и привилегіями, козаки отбывали со славою и пользою для Польши свои воинскія обязанности.

Во второй половинѣ XVII вѣка злосчастная унія дала печальные результаты, поселивши раздоръ между поляками и малороссами, распря увеличивалась и повела къ безконечнымъ возстаніямъ, предпринимать которыя козаки были принуждены для обороны своихъ вольностей и религіи.

При королѣ Владиславѣ IV Богданъ Хмельницкій возсталъ противъ Рѣчи Посполитой и произвола магнатовъ польскихъ; его поддер-

жалъ, можно сказать, самъ король, написавши въ письмѣ къ Барабашу въ отвѣтъ на жалобы козаковъ: „такъ какъ вы добрые рыцари и имѣете саблю у пояса, то защищайтесь сами отъ своихъ притѣснителей". Тотъ-же король Владиславъ, котораго такъ любили козаки, написалъ передъ смертью Хмельницкому, чтобы онъ двинулся съ 40,000 реестровыхъ козаковъ ко Львову и ожидалъ тамъ дальнѣйшихъ приказаній.

Въ 1638 г. (какъ пишетъ уважаемый Мацѣевскій въ трудѣ своемъ: „Historya prawodastw Słowianskich" въ т. III, стр 328) записали козаковъ въ подданныхъ, но это было лишь пустымъ распоряженіемъ, ибо тогда козаки почти совсѣмъ отдѣлились отъ Польши, поднимали оружіе и не признавали надъ собой ничьей власти. Можно было, сколько угодно, записывать въ подданные людей, съ оружіемъ въ рукахъ защищающихъ свои права.

Въ 1654 г. Хмельницкій поддался Россіи, а по такъ называемому андрусовскому договору Днѣпръ сталъ границей между московскимъ и польскимъ государствами. Козаки, раздѣленные такимъ образомъ, не переставали все-же сообща совершать походы противъ татаръ и турокъ, какъ свидѣтельствуетъ много фактовъ. Кіевъ и Бѣлая Церковь были присоединены къ собственно Малороссіи. Въ мѣстечкѣ Хвастовѣ жилъ полковникъ Палій, который, независимо отъ польскаго правительства, громилъ татаръ буджацкихъ и бѣлгородскихъ. Собственно въ Украйнѣ, т е. въ Умани, Черкасахъ, Каневѣ и т. д были свои козацкіе гетманы и одинъ изъ нихъ Петро Дорошенко, большой авантюристъ, соединившись съ турками, бралъ Каменецъ-Подольскій. Малороссійскіе гетманы титуловали себя въ универсалахъ гетманами обѣихъ сторонъ Днѣпра и войска запорожскаго и во второй половинѣ XVII вѣка козаки, какъ на той, такъ и на другой сторонѣ Днѣпра не переставали принадлежать къ свободному сословію и пользовались всѣми своими прежними правами и привилегіями. Еще во времена Августа II, уже въ XVIII ст., положеніе козаковъ правобережныхъ, украинскихъ, было таковое-же, какъ и прежде...

Обсудивши всѣ эти данныя и принимая во вниманіе, что въ Малороссіи до сего часу козаки пользуются своими старыми привилегіями, не имѣютъ ничего общаго съ закрѣпощенными, владѣютъ собственными землями, возникаетъ вопросъ, какимъ способомъ, на основаніи чего и когда именно козаки, жившіе въ собственно Украйнѣ, т. е. теперешнихъ кіевской, подольской и части волынской губерніяхъ попали во власть пановъ.

Въ Малороссіи и теперь есть до полумилліона козаковъ, сравнивая-же по пространству, на той сторонѣ Днѣпра должно-бы было быть еще больше, тогда какъ тамъ мы не находимъ даже слѣдовъ этого сословія, такъ что когда Украйна въ 1794 г. была окончательно присоединена къ Россіи, то даже не было рѣчи о сословіи козаковъ и польскіе паны называли козаками только своихъ прислужниковъ.

Мнѣ пришли эти мысли по прочтеніи письма Діонисія Зубрицкаго, въ которомъ онъ пишетъ, что и въ Червоной Руси существуютъ поселенія, состоящія изъ бояръ, которые когда-то также были благороднымъ сословіемъ и имѣли обязанностью принимать участіе въ походахъ подъ хоругвями разныхъ польскихъ пановъ. Хотѣлъ-бы знать, имѣють-ли эти бояре и до сего времени какія нибудь привилегіи и какія именно, или же они подвластны панамъ и не потомки-ли они давнихъ козаковъ. Ибо въ Галиціи есть кромѣ того бояре изъ армянъ, а въ Волощинѣ вся шляхта называется боярами.

Въ Малороссіи понынѣ боярами или дружками, называются тѣ лица, которыя на свадьбахъ сопутствуютъ молодымъ; ихъ обязанностью бываетъ прикрѣплять въ томъ углу избы, гдѣ молодые садятся за столъ, саблю и три свѣчи, эмблему св. Тройцы. Существуетъ еще обычай обозначать могилу козака полотномъ, прибитымъ къ кресту, о чемъ должна позаботиться старшая изъ дѣвушекъ въ семьѣ. Есть много и другихъ козацкихъ обычаевъ; то они не могли лишиться своей свободы лишь вслѣдствіе гнета со стороны пановъ, на это были особыя законодательныя мѣры правительства польскаго.

Ни одинъ польскій писатель не упоминаетъ обо всемъ этомъ. Можетъ быть это происходитъ отъ нежеланія выставить шляхту варварской, которая на сеймахъ кричала о свободѣ, а потихоньку душила всѣхъ попавшихъ ей подъ руку. Было-бы очень важно, если-бы нашлись журналы сеймовъ, въ которыхъ навѣрное найдутся постановленія о лишеніи козаковъ ихъ правъ и привилегій.

10-е января 1839 г.

Примѣчаніе. Замѣтка эта написана по польски и была, очевидно, приготовлена для какого нибудь польскаго журнала. Въ настоящее время она можетъ имѣть нѣкоторое значеніе лишь для южно-русской исторіографіи. Я помѣстилъ ее здѣсь, еще разъ повторяю, лишь для ознакомленія съ научными взглядами Андрея Яковлевича.

Ознакомившись съ содержаніемъ этой замѣтки, мы видимъ, что авторъ ея не имѣлъ вполнѣ яснаго представленія о той мрачной эпохѣ въ исторіи правобережной Украйны, которая извѣстна подъ именемъ „Руины“ ¹), и затѣмъ о дѣятельности Палія. Самуся и т. д., вновь формировавшихъ козацкіе полки, по предложенію польскаго правительства. Послѣднее ошиблось въ своемъ расчетѣ: козачество въ правобережной Украйнѣ, хотя и было возстановлено въ прежнемъ видѣ, было проникнуто теперь иными, демократическими тенденціями, стремилось возсоединиться съ лѣвобережной Украйной и войти въ составъ Россіи. Шляхта, страдавшая отъ козацкаго своевольства, стала настойчиво требовать отъ правительства уничтоженія вновь набранныхъ козацкихъ полковъ: Августъ II обѣщалъ на коронаціонномъ сеймѣ 1697 г. упразднить козаковъ при первой возможности; къ 1713 г. козачество исчезло на всегда въ правобережной Украйнѣ ²). Когда она вошла въ составъ Россіи, русское правительство не возстановляло устарѣвшихъ формъ общественнаго быта и потому, когда наступила мрачная эпоха крѣпостнаго права, на правомъ берегу все простонародье явилось закрѣпощеннымъ, тогда какъ на лѣвомъ, гдѣ козачество сохранялось еще и во второй половинѣ XVIII в., крѣпостными сдѣлались только такъ называемые „посполитые“, а потомки козаковъ сохранили свободу личности, право собственности и названіе, существующее и по нынѣ.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 2.

Записка о Царствѣ Польскомъ въ 1835 г.

Время и направленіе правительства къ предположенной цѣли общаго спокойствія въ Царствѣ Польскомъ изглаживаютъ постепенно слѣды бывшаго возмущенія, какъ въ быту народномъ, такъ и въ умахъ и дѣйствіяхъ высшаго класса людей, т. е. помѣщиковъ, кои составляя въ Польшѣ совершенно отдѣльную касту, заключали въ кругу своемъ духъ единства въ возмущеніяхъ, безъ всякаго почти участія въ томъ низшаго класса, который всегда былъ слѣпымъ орудіемъ высшаго.

---

¹) Кулишъ. Записки о южной Руси, т I, стр. 83.

²) В. Б. Антоновичъ. Послѣднія времена козачества на правой сторонѣ Днѣпра. Кіевъ. 1868 г., стр. 102, 194. Н. И. Костомаровъ. Руина. Спб. 1882 г., стр. 650—651.

Помѣщики Царства, или лучше сказать, обыватели Варшавы, убѣждаясь въ ничтожности всякихъ покушеній противу правительства, обращаются нынѣ къ нему съ искательствами. Наружная покорность имѣетъ видъ порядка, который между тѣмъ дѣйствительно водворяется и страхомъ, и видимою справедивостію, и попечительностью правительства. Средній классъ, т. е. купцы и граждане показываютъ даже преданность, и духъ недоброжелательства, или желанія перемѣнъ таится между незначительнымъ числомъ нѣкоторыхъ обывателей.

Попытка извѣстныхъ мятежниковъ, Лелевеля и Заливскаго, въ высылкѣ эмисаровъ и достойный конецъ многихъ изъ сихъ послѣднихъ послужили великимъ урокомъ и для самыхъ буйныхъ изступленниковъ.

Съ 1833 года хотя безпрестанно получаются свѣдѣнія о прибытіи въ Царство разныхъ злоумышленниковъ, но ни одинъ изъ нихъ не вторгался въ границы онаго съ прежними намѣреніями и схваченный эмисаръ Мигурскій, прибывшій, какъ слѣдствіемъ дознано, единственно для того только, чтобы взять у отца денегъ, равномѣрно какъ и другіе добровольно явившіеся съ покорностью, кои были членами разныхъ тайныхъ обществъ, рѣшительно утверждаютъ, что казнь преступниковъ 1833 года до того устрашила подобныхъ имъ, что ни одинъ изъ называющихъ себя эмисарами не дерзаетъ проникнуть въ Царство, при всѣхъ настаиваньяхъ тайныхъ комитетовъ.

Нельзя сказать, чтобы не существовала переписка между обывателями Царства и мятежниками, бѣжавшими за границу, но сношенія эти не производятъ уже прежнихъ вліяній, а между тѣмъ собственный интересъ каждаго располагаетъ дѣйствіями, въ коихъ видна готовность искать съ покорностію всемилостивѣйшаго монаршаго вниманія.

Жители Варшавы показали желаніе единодушнаго угожденія даннымъ обѣдомъ гвардейскому отряду, возвращавшемуся въ С.-Петербургъ. Они съ нетерпѣніемъ ожидаютъ прибытія августѣйшаго монарха и стараются другъ передъ другомъ отличиться усердіемъ въ различныхъ приготовленіяхъ къ сему торжественному дню. Выборъ депутатовъ производитъ между ними ревность къ такому отличію и настоящій духъ гражданъ, искупая ихъ прежнюю вину, заслоняетъ время прошедшаго и представляетъ добрую надежду въ будущемъ.

Легковѣрность и легкомысліе требуютъ всегда самаго бдительнаго надзора. Нельзя сказать, чтобы временное расположеніе умовъ могло быть постояннымъ, но въ теперешнемъ расположеніи ихъ виденъ оборотъ къ лучшему, хотя бы сіе происходило и отъ страха.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 3.

Письмо при дипломѣ на званіе члена королевскаго общества сѣверныхъ антикваріевъ въ Копенгагенѣ.

М. Г. По предложенію русскаго историческаго общества, правленіе королевскаго общества сѣверныхъ антикваріевъ, считая васъ достойнымъ уваженія по вашему званію, дѣятельности и тому интересу, который вы питаете къ изученію и разработкѣ своей родной исторіи, избрало васъ въ сегодняшнемъ засѣданіи въ члены русской секціи.

Поэтому мы имѣемъ честь выслать вамъ настоящій дипломъ на это званіе и протоколы общества, чрезъ посредство г. попечителя Варшавскаго учебнаго округа.

Если вы пожелаете перейти въ разрядъ членовъ основателей, согласно 7-му пункту устава, то благоволите извѣстить о семъ секретаря общества.

Окончивши другія обширныя работы, мы предполагаемъ перейти къ печатанію большаго труда по русскимъ древностямъ.

Благосклонное вниманіе вашего августѣйшаго императора и наслѣдника цесаревича и высокая честь, которую они оказали обществу, вступивши въ число его членовъ основателей, придали намъ силъ и благопріятно повліяютъ на наши занятія, а покровительство наслѣднаго принца Даніи, который соблаговолилъ принять на себя званіе президента общества, значительно будетъ способствовать успѣху нашихъ разысканій.

Копенгагенъ, 3 апрѣля 1844 г.

Вице-президентъ P. Hagnüün. Секретарь Mafn (?).

Прим. переведено съ французскаго подлинника.

Н. С—ко.

КІЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА

ВЪ ЕЯ ПРОШЕДШЕМЪ И НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ.

Кіево-печерская лавра находится на правомъ, высокомъ берегу Днѣпра, въ южной оконечности Кіева, занимая собою два холма, раздѣленные глубокой, спускающейся къ самому Днѣпру ложбиной. Въ княженіе св. Владиміра и Ярослава мѣстность эта была покрыта берестовымъ, скрывавшимъ ее лѣсомъ, а на сѣверной окраинѣ перваго, ближайшаго къ городу холма, представлявшаго значительную площадь, находилось село Берестово съ загороднымъ дворцемъ, любимымъ мѣстопребываніемъ первыхъ кіевскихъ князей и съ церковью св. апостолъ. Священникъ этой церкви *Иларіонъ*, по словамъ лѣтописи, «мужъ добрый, книжный и постникъ», ходилъ изъ Берестова чрезъ оврагъ на крайній холмъ, ископалъ тамъ пещеру, отпѣвалъ въ ней часы и молился Богу втайнѣ. Вскорѣ Богъ вложилъ въ сердце великому князю Ярославу поставить пресвитера Иларіона митрополитомъ Кіеву, къ соборной церкви св. Софіи, и пещерка та, какъ говоритъ лѣтописецъ, осталась впустѣ. Это было въ 1051 году.

Почти въ то-же время пришелъ въ Кіевъ съ дальняго востока постриженецъ одного изъ аѳонскихъ монастырей, уроженецъ г. Любеча, благочестивый мужъ, *Антоній*, которому постригшій его старецъ пророчески сказалъ: «иди въ Русь, и да будетъ на тебѣ благоволеніе св. горы, отъ тебя умножатся черноризцы». Антонію не полюбилось ни въ одномъ

изъ кіевскихъ монастырей; долго размышлялъ онъ, гдѣ-бы поселиться, и сталъ ходить по окрестнымъ дебрямъ и горамъ, ища мѣста удобнаго для жительства и для молитвы; наконецъ, придя на холмъ, въ которомъ была пещерка, оставленная пресвитеромъ Иларіономъ, поселился въ ней и возлюбилъ это мѣсто. Питаясь сухимъ хлѣбомъ и то чрезъ день, вкушая лишь воду и то въ мѣру, не давая себѣ покоя ни днемъ, ни ночью, онъ расширялъ пещеру и пребывалъ въ трудахъ, бдѣніи и молитвѣ. Благочестивые люди узнали о подвигахъ преподобнаго Антонія и стали приходить къ нему за благословеніемъ, принося потребное ему для жизни; приходилъ къ нему просить благословенія и великій князь Изяславъ Ярославичъ съ дружиной, вступивши на кіевскій престолъ въ 1054 году.

Стали приходить къ преп. Антонію и желавшіе подражать его святой жизни. Первымъ изъ таковыхъ прибылъ къ нему, неизвѣстно откуда, *Никонъ*, саномъ іерей, отличенный въ послѣдствіи титломъ великаго. Вторымъ послѣ Никона пришельцемъ къ преподобному Антонію былъ *Θеодосій*, родившійся въ г. Васильковѣ близъ Кіева, но въ дѣтствѣ еще переселившійся съ родителями своими въ г. Курскъ. По смерти отца въ немъ рано, еще на 13 году жизни, родилось влеченіе къ подвижнической жизни; слѣдуя этому влеченію, онъ, послѣ неудавшагося покушенія пройти съ странниками въ св. градъ Іерусалимъ, сталъ испытывать себя въ духовныхъ подвигахъ сначала въ домѣ своей матери, а потомъ въ домѣ одного властелина града, при церкви котораго служилъ, возложивъ на себя вериги еще въ юношескомъ возрастѣ. Препятствія со стороны матери, не желавшей лишиться единственнаго сына, только усилили его намѣреніе посвятить всю свою жизнь Богу. Съ этою цѣлію, оставивъ тайно отъ матери свой городъ, онъ прибылъ въ Кіевъ и желалъ поселиться въ одномъ изъ кіевскихъ монастырей, но по причинѣ бѣдности его не приняли ни въ одинъ изъ нихъ. Тогда Θеодосій пришелъ къ пещерѣ преподобнаго Антонія и павши къ его ногамъ, молилъ принять къ себѣ. «Тѣсно мѣсто и жизнь моя скорбна, а ты юнъ», сказалъ

ему преподобный; «буду все творить, что повелишь, самъ Христосъ привелъ меня къ тебѣ, да спасусь тобою», отвѣчалъ Θеодосій. Видя твердое намѣреніе пришельца, преподобный Антоній принялъ его къ себѣ и велѣлъ Никону постричь и облечь его въ иноческую одежду. Новый черноризецъ, не смотря на свою молодость, вскорѣ удивилъ своими духовными подвигами преподобныхъ Антонія и Никона, въ особенности удивлялъ своимъ смиреніемъ, послушаніемъ и воздержаніемъ. Антоній, Θеодосій и Никонъ вмѣстѣ жили въ пещерѣ, вмѣстѣ молились, и Богъ былъ съ ними. По выраженію лѣтописца, это были три свѣтила, сіявшія въ пещерѣ и разгонявшія тьму бѣсовскую постомъ и молитвою.

Скоро слава о святой жизни кіевскихъ пещерниковъ прошла далеко по русской землѣ; къ нимъ стали приходить и другіе, желавшіе раздѣлять ихъ подвиги. Новыми учениками пр. Антонія явились прежде прочихъ: сынъ Іоанна, перваго боярина при дворѣ великаго князя Изяслава, нареченный въ иночествѣ *Варлаамомъ*, и одинъ изъ любимыхъ придворныхъ того же князя, «придержай у него вся», нареченный въ иночествѣ *Ефремомъ* Первый изъ нихъ, послѣ частыхъ бесѣдъ съ преподобнымъ Антоніемъ, прибылъ однажды къ его пещерѣ на богато убранномъ конѣ, въ дорогой одеждѣ, съ большой свитой сверстниковъ, и сложивъ свой свѣтлый уборъ къ ногамъ Антонія, заявилъ о своемъ желаніи быть инокомъ; «твори со мною, что хочешь, я уже презрѣлъ все мірское и никогда не возвращусь въ домъ свой», сказалъ онъ преподобному. Съ дозволенія Антонія Никонъ постригъ ихъ обоихъ, одного послѣ другаго, и облекъ въ монашескую одежду. Постриженіе этихъ двухъ лицъ возбудило сильный гнѣвъ великаго князя: онъ угрожалъ сослать старцевъ въ заточеніе и раскопать пещеру, а отъ Никона потребовалъ, чтобы онъ убѣдилъ Варлаама и Ефрема возвратиться въ свои домы. Уклоняясь отъ княжескаго гнѣва, Антоній съ своими подвижниками собрался было уже удалиться изъ Кіева въ другое какое либо мѣсто; но тронутый убѣжденіями своей супруги, великій князь вскорѣ отложилъ свой гнѣвъ и послалъ просить Антонія остаться въ своей пещерѣ.

По примѣру Варлаама и Ефрема, принимали иночество въ пещерѣ и другіе изъ приходившихъ къ преподобному Антонію за его благословеніемъ. Поступили въ сожительство къ нему и нѣкоторые иноки дальнихъ обителей; изъ послѣднихъ извѣстны: *Моисей Угринъ*, вмѣстѣ съ двумя родными братьями своими служившій при св. князѣ Борисѣ Владиміровичѣ во время убіенія его на Альтѣ и потомъ уведенный въ плѣнъ въ Польшу, гдѣ, послѣ страданій за свою чистоту, былъ постриженъ тайно однимъ черноризцемъ св. горы, и *неизвѣстный* по имени *инокъ* монастыря св. Мины Никонъ однако не долго оставался въ печерскомъ братствѣ; послѣ постриженія Варлаама и Ефрема онъ удалился къ черноморскимъ руссамъ на Тмутараканскій островъ и тамъ основалъ монастырь съ церковью во имя пресвятой Богородицы. Вмѣсто Никона пресвитеромъ для жившихъ въ пещерѣ поставленъ преподобный Θеодосій, а когда число ихъ возрасло до 12-ти, то тамъ-же, въ пещерѣ, они устроили для себя церковь и келліи.

Но жизнь въ общинѣ, хотя и немноголюдной, была не по душѣ Антонія; любя уединеніе, онъ, собравши братію, объявилъ: «живите себѣ особь отъ меня, я вамъ поставлю игумена, а самъ хочу уединиться на другой горѣ, я привыкъ жить одинъ». Преподавъ затѣмъ братіи благословеніе и поставивъ имъ игуменомъ Варлаама, Антоній перешелъ на противоположную большую гору и на ея южномъ уступѣ, гдѣ нынѣ «ближнія пещеры», выкопавъ для себя новую пещеру, поселился въ ней. Между тѣмъ число братіи въ прежней, дальней пещерѣ умножалось и по удаленіи Антонія, и спустя не долгое время стало невозможно помѣщаться въ ней всѣмъ подвижникамъ. Тогда игуменъ Варлаамъ и братія, съ благословенія преподобнаго Антонія, построили надъ пещерою малую *церковь во имя Успенія Пресвятыя Богородицы и келліи*. Такъ образовались двѣ пещеры, извѣстныя нынѣ подъ названіемъ «Антоніевой» и «Θеодосіевой», или подъ общимъ именемъ *ближнихъ* и *дальнихъ пещеръ*, а при пещерѣ дальней устроился малый монастырь, носившій впослѣдствіи названіе «ветхаго».

По выраженію лѣтописца, «не отъ богатствъ поставленъ былъ печерскій монастырь, а слезами, пощеніемъ, молитвою и бдѣніемъ». «Сколько скорби и печали понесли иноки отъ тѣсноты мѣста своего, вѣдаетъ одинъ Богъ», говоритъ препод. Несторъ въ житіи препод. Өеодосія. Пищею для братіи были только хлѣбъ и вода; лишь въ субботу и воскресенье дозволялось такъ называемое «сочиво», т. е. вареные плоды, но часто въ эти дни не оказывалось и сочива, и тогда ѣли вареное зеліе. Содержаніе пріобрѣтали трудами своихъ рукъ: плели клобуки изъ волны, корзины изъ лозы, выдѣлывали деревянную посуду; издѣлія свои продавали въ городѣ, а на вырученныя деньги покупали жито, которое раздѣляли между собою и мололи въ ручныхъ жерновахъ во время ночи. Послѣ полуночи совершали утреннее богослуженіе, а отъ заутрени до литургіи одни продолжали свои рукодѣлья, другіе копали въ огородѣ и ходили за овощами. Потомъ собирались въ церковь, пѣли часы и совершали св. службу По окончаніи литургіи съѣдали понемногу хлѣба и снова принимались за работу. Такъ трудились во всѣ дни, пребывая въ любви Божіей. Болѣе-же всѣхъ трудился преподобный Өеодосій, отличавшійся смиреніемъ и послушаніемъ. Онъ прислуживалъ всѣмъ, нося дрова и воду, а ночи проводилъ въ славословіи Божіемъ, къ заутрени прежде всѣхъ являлся въ церковь и стоя неподвижно на своемъ мѣстѣ, совершалъ божественное славословіе, выходилъ же изъ церкви послѣ всѣхъ. За то всѣ его любили и дивились его смиренію и послушанію.

Видя, что число желающихъ подвизаться въ новой обители все больше и больше умножается, игуменъ Варлаамъ и братія наконецъ рѣшились устроить большой монастырь, а преподобный Антоній, давъ на то свое благословеніе, послалъ одного изъ братій къ великому князю Изяславу сказать: «Богъ умножаетъ братію, а мѣсто мало; отдай намъ всю гору, которая надъ моею пещерою». Изяславъ охотно исполнилъ просьбу преподобнаго, игуменъ-же и братія, избравъ то мѣсто, гдѣ теперь главный соборъ кіево-печерской лавры, огородили его частоколомъ, устроили келліи и построили деревянную церковь, которую украсили

иконами. Такъ устроился въ 1062 г монастырь, получившій названіе печерскаго въ память того, что братія его первоначально жили въ пещерѣ.

Но едва началъ устрояться печерскій монастырь на новомъ мѣстѣ, какъ ему суждено было лишиться перваго своего игумена. Великій князь Изяславъ Ярославичъ, по примѣру своего отца и богатыхъ людей своего времени, считавшихъ особенно богоугоднымъ дѣломъ строить монастыри, пожелалъ имѣть собственный монастырь, съ церковью во имя св. великомученика *Димитрія*, котораго имя дано ему при крещеніи. Свой монастырь построилъ онъ въ самомъ г. Кіевѣ, на горѣ, съ южной стороны нынѣшняго кіево-михайловскаго монастыря, и желая имѣть въ немъ опытнаго настоятеля, перевелъ сюда печерскаго игумена Варлаама, который, какъ сынъ одного изъ его бояръ, былъ близко извѣстенъ ему. Тогда на мѣсто Варлаама, по благословенію и указанію преподобнаго Антонія, избранъ братіей въ должность печерскаго игумена *Θеодосій*, болѣе всѣхъ кроткій, смиренный и послушливый. Первымъ дѣломъ новаго игумена было перемѣщеніе братіи изъ ветхаго пещернаго во вновь устроенный большой монастырь. Вторымъ, еще болѣе важнымъ дѣломъ было введеніе *чернеческаго* правила для братіи, число которой умножилось до 100 человѣкъ. Такимъ правиломъ принятъ *общежительный уставъ* константинопольскаго Студійскаго монастыря; по порученію Θеодосія онъ списанъ въ Царьградѣ, прочитанъ имъ предъ братіею и данъ въ руководство ихъ жизни. Въ немъ было опредѣлено, «что и какъ пѣть, что читать, какъ стоять въ церкви и какой соблюдать порядокъ церковнаго богослуженія, какъ сидѣть на трапезѣ, что и въ какіе дни ѣсть». Отъ печерскаго монастыря уставъ этотъ заимствованъ всѣми прочими обителями Россіи; почему преподобный Θеодосій называется *начальникомъ общаго монашескаго житія въ Россіи*, а печерскій монастырь *старѣйшимъ* всѣхъ монастырей.

Преподобный Θеодосій, ставши игуменомъ, не отвергалъ никого изъ приходящихъ къ нему, принималъ всякаго съ радостію, не смотря на его богатство или убожество, но не вдругъ постригалъ, а

по испытаніи, въ теченіи котораго поступившій обязанъ былъ ходить въ мірской одеждѣ. Въ обители все дѣлалось не иначе, какъ по благословенію игумена и освящалось молитвою. Такъ предъ началомъ службы церковной пономарь бралъ благословеніе игумена созывать братію во храмъ; поваръ и пекарь просили его благословенія разводить огонь въ печи, который брали отъ свѣчи изъ алтаря церкви. Всякій братъ, совершавшій что-либо безъ благословенія игумена, подлежалъ епитеміи. Согласно уставу, никому изъ братіи не дозволялось имѣть какую-либо собственность изъ пищи, одежды или другаго какого имущества, а все было общее, отъ монастыря. Послѣ повечерія воспрещалось братіи ходить по келіямъ для бесѣды другъ съ другомъ; наблюденіе за этимъ преподобный Θеодосій принималъ на себя, каждую ночь обходя всѣ келліи. Въ церкви ежедневно на всѣхъ службахъ предлагались братіи поученія, которыя читалъ самъ преподобный Θеодосій или поручалъ читать, вмѣсто себя, великому Никону, возвратившемуся изъ Тмутаракани въ 1066 году, и уставщику Стефану. Отъ обѣдни до вечерни никому не дозволялось входить въ монастырь, который затворялся на все полуденное время, назначенное для отдыха братіи. Взаимное смиреніе и покорность иночествующихъ выражались поклонами при встрѣчѣ, причемъ кланяющіеся прилагали руки къ груди. «Блаженное стадо, по словамъ лѣтописца, собралъ преподобный Θеодосій въ печерскомъ монастырѣ; его иноки сіяли на Руси подобно свѣтиламъ на тверди небесной: одни изъ нихъ были великіе постники, другіе крѣпки въ бдѣніяхъ и колѣнопреклоненіи; были и такіе, которые вкушали пищу только чрезъ день или два, питались однимъ хлѣбомъ съ водою или вареньмъ зеліемъ. Жили они согласно, пребывая въ любви; меньшіе покорялись старшимъ, не смѣя предъ ними говорить, а все дѣлали съ покорностію и великимъ послушаніемъ; старшіе имѣли любовь къ младшимъ, наставляя ихъ, какъ своихъ чадъ духовныхъ. Если кто изъ братіи впадалъ въ грѣхъ, его утѣшали и три или четыре брата принимали на себя его епитемію, раздѣляя ее между собою по взаимной любви. Если кто изъ братіи оставлялъ монастырь, всѣ

скорбѣли, посылали за нимъ, приводили обратно въ монастырь, умоляли игумена и съ радостію принимали опять въ число братіи своей. Въ особенности извѣстными стали въ это время по высотѣ своей подвижнической жизни преподобные: *Даміанъ* священникъ, до самой смерти своей не употреблявшій ничего въ пищу, кромѣ хлѣба и воды; *Іеремія* прозорливый, который помнилъ крещеніе русской земли при св. Владимірѣ; прозорливый старецъ *Матѳей; Исакій,* бывшій торопецкій купецъ, предъ поступленіемъ въ монастырь все свое имущество роздавшій нищимъ, по добровольному подвигу юродства терпѣливо переносившій наготу, холодъ и побои и претерпѣвшій не мало духовныхъ искушеній; *Несторъ* лѣтописецъ, составившій и житіе преподобнаго Ѳеодосія; *Исаія,* въ послѣдствіи ростовскій епископъ, и *Стефанъ* уставщикъ, бывшій въ послѣдствіи епископомъ Владиміро-волынскимъ. Примѣромъ же для всѣхъ служили преподобные *Антоній* и *Ѳеодосій.* Первый изъ затвора своего свѣтилъ всѣмъ и святостію своей жизни, и совѣтами не только братіи, но и князьямъ. На короткое время вынужденъ онъ былъ обстоятельствами удалиться въ 1068 г. въ Черниговъ, гдѣ на Болдиныхъ горахъ ископалъ себѣ пещеру и поселился въ ней, но скончался въ прежней кіевской своей пещерѣ въ 1073 году. Преподобный Ѳеодосій былъ образцомъ общежительнаго инока: питался онъ только сухимъ хлѣбомъ и вареным зельемъ безъ масла, носилъ на тѣлѣ своемъ острую власяницу, которая прикрывалась ветхою и худою одеждою, не ложился на постель никогда, даже ночью, ночи проводилъ въ молитвахъ, въ церковь и на монастырскія работы являлся прежде всѣхъ. Такая святая жизнь привлекла къ преподобному уваженіе не только въ стѣнахъ печерской обители, но и внѣ ея, не только простаго народа, но и лицъ знатныхъ, каковыми были: *Шимонъ* варягъ, обращенный имъ изъ латинства въ православіе и кіевскій воевода *Янъ* съ своею супругой *Маріей.* Почитали его и великіе князья Изяславъ и Святославъ Ярославичи; часто приходившіе въ печерскую обитель и нерѣдко приглашавшіе его къ себѣ для бесѣды духовной. Изъ любви къ преподоб-

ному Θеодосію многіе изъ князей и бояръ дѣлали приношенія въ печерскій монастырь отъ имѣній своихъ на утѣшеніе братіи и на благоустройство обители.

На 10-мъ году своего игуменства, преп. Θеодосій, съ благословенія преп. Антонія, вознамѣрился соорудить въ печерскомъ монастырѣ великую каменную церковь вмѣсто бывшей малой деревянной, построенной въ 1062 году. На постройку оной вел. князь Святославъ пожертвовалъ сто гривенъ золота и самъ принялъ участіе въ копаніи рвовъ для ея основанія; значительныя пожертвованія сдѣланы также Шимономъ варягомъ, вельможей Изяслава. Самое зданіе церкви заложено въ 1073 г. юрьевскимъ епископомъ Михаиломъ, въ отсутствіе кіевскаго митрополита Георгія, находившагося тогда въ Константинополѣ; въ основаніе положены мощи св. мучениковъ: Артемія, Поліевкта, Леонтія, Акакія, Ареθы, Іакова и Θеодора, принесенныя изъ Царьграда греческими зодчими. Вскорѣ по заложеніи церкви отошелъ ко Господу преподобный Антоній, а чрезъ годъ скончался преподобный Θеодосій, и постройка начата уже въ 1075 году при преемникѣ его, игуменѣ Стефанѣ, на томъ же Θеодосіевомъ основаніи. На третій годъ, т. е. въ 1077 году постройка была окончена (11 іюля), но только вчернѣ. Случившіяся въ это время замѣшательства между братіею, въ слѣдствіе коихъ преподобный Стефанъ принужденъ былъ удалиться изъ печерской обители, замедлили чистую отдѣлку великой церкви. Къ этому приступлено было уже чрезъ шесть лѣтъ, при преемникѣ Стефана, великомъ Никонѣ, когда въ 1083 г. прибыли въ Кіевъ цареградскіе художники, которые росписали стѣны ея фресковою живописью, а алтарь украсили мозаикою. Въ 1089 году, въ княженіе Всеволода Ярославича, при игуменѣ Іоаннѣ, великая печерская церковь торжественно освящена, 14 августа, во имя Пресвятыя Богородицы митрополитомъ кіевскимъ Іоанномъ и 4 епископами: черниговскимъ Іоанномъ, ростовскимъ Исаіею, юрьевскимъ Антоніемъ и бѣлгородскимъ Лукою. Прекрасно устроенный въ самомъ началѣ храмъ этотъ существуетъ и нынѣ, хотя въ теченіе восьми вѣковъ потерпѣлъ

не мало измѣненій, какъ во внутреннемъ, такъ и во внѣшнемъ своемъ видѣ.

Первоначально великая печерская церковь въ основаніи своемъ имѣла форму удлинненнаго прямоугольника, съ тремя закругленіями на восточной сторонѣ, занимая въ длину 16 и въ ширину 14 саженей. Куполъ былъ одинъ и сверхъ того на сѣверозападномъ углу зданія устроена была вежа или башня съ внутренней каменной лѣстницей, которою всходили на хоры или полати. Къ первой парѣ столбовъ, поддерживающихъ куполъ, примыкалъ алтарь, а къ второй или задней парѣ прилегали хоры, упиравшіеся на своды западной паперти. На запрестольной полусферической стѣнѣ главнаго алтаря была изображена мусіей или мозаикой Богоматерь, а въ днѣ купола тою же мусіей былъ изображенъ Спаситель. Мозаическія изображенія, вѣроятно, были также подъ куполомъ на парусахъ и на поддерживающихъ его 4-хъ аркахъ. По стѣнамъ церкви были написаны сухими красками, по свѣжей штукатуркѣ, лики святыхъ мучениковъ, мощи которыхъ положены въ основаніе храма. Вмѣстѣ съ греческими художниками, прибывшими изъ Царьграда, въ росписаніи великой церкви участвовалъ печерскій инокъ, преподобный *Алипій*, усовершившійся въ искусствѣ иконописи подъ ихъ руководствомъ. Полъ церкви выстланъ былъ плитами шифера или краснаго камня, употребленными въ послѣдствіи для выстилки церковнаго двора съ западной стороны; предъалтарнаго иконостаса въ видѣ высокой сплошной стѣны не было; его мѣсто занимала невысокая (около 6 аршинъ) преграда изъ мраморныхъ столбовъ и плитъ, которая, не закрывая собою верхнихъ частей запрестольной стѣны, не препятствовала предстоящимъ въ срединѣ храма видѣть мозаическія изображенія, бывшія на алтарныхъ стѣнахъ. Средняя часть храма была довольно свѣтла, безъ нынѣшняго полумрака, такъ какъ она освѣщалась достаточно не только окнами сѣверной и южной стѣнъ, но и свѣтомъ оконъ алтарныхъ, ничѣмъ тогда не преграждаемымъ. На столбахъ предъалтарной, мраморной преграды находились намѣстныя иконы и въ ряду ихъ стояла чудотвор-

ная икона Божіей Матери, принесенная греческими зодчими изъ Царьграда. На украшеніе алтарной преграды употребилъ все свое состояніе печерскій черноризецъ *Эразмъ*, оковавшій намѣстныя иконы золотомъ и серебромъ. Выше дверей преграды, которыми проходили въ алтарь, на аркѣ алтарной или на дугѣ находился «Деисисъ», т. е. небольшой въ кругѣ образъ Спасителя съ изображеніями полуобращенныхъ къ Нему въ молитвенномъ положеніи пресв. Дѣвы и св. Іоанна Предтечи; копію этой иконы списалъ преподобный Алипій для одной изъ кіевскихъ церквей. Единственный престолъ великой церкви состоялъ изъ мраморной доски, укрѣпленной на 4-хъ мраморныхъ же столбикахъ; надъ престоломъ устроенъ былъ «киворій», мраморная сѣнь изъ столбовъ и дугъ, къ которой подвѣшенъ былъ золотой вѣнецъ, пожертвованный тѣмъ-же *Шимономъ*, сыномъ варяжскаго князя Африкана, однимъ изъ дружинниковъ великаго князя Изяслава Ярославича. При игуменѣ Іоаннѣ, въ нижнемъ этажѣ башни сѣверозападнаго угла великой церкви устроенъ тогда же особый придѣлъ съ престоломъ во имя св. *Іоанна* Предтечи, въ память болярина Іоанна, котораго сынъ Захарія, поступивши въ иноки, далъ печерскому монастырю 2,000 гривенъ серебра и 200 гривенъ золота,—все наслѣдство по отцѣ, утаенное невѣрнымъ его другомъ бояриномъ Сергіемъ и возвращенное сыну только въ слѣдствіе чуда, совершившагося предъ чудотворной печерской иконой Божіей Матери. У южныхъ дверей великой церкви, въ 1109 году, пристроена боженка или часовня, въ которой погребено тѣло дочери великаго князя Всеволода Ярославича *Евпраксіи*, бывшей супругою нѣмецкаго императора Генриха IV. Внутри самой церкви, вѣроятно въ западной паперти, первымъ погребенъ упомянутый выше Шимонъ или *Симонъ* варягъ, давшій много своего имѣнія на устроеніе печерскаго монастыря. Въ притворѣ, на правой сторонѣ, поставлены мощи преподобнаго *Ѳеодосія* печерскаго, 14 августа 1090 года торжественно перенесенныя изъ дальнихъ пещеръ епископами: *Ефремомъ* переяславскимъ, *Стефаномъ* владимірскимъ, *Іоанномъ* черниговскимъ и *Мариномъ* юрьевскимъ, съ настоятелями и монахами всѣхъ кіевскихъ мо-

настырей и гражданами г. Кіева. Возлѣ сего святого гроба въ 1119 году погребенъ минскій князь *Глѣбъ Всеславичъ*, а спустя 40 лѣтъ положена здѣсь же его вдова, княгиня *Анастасія*, дочь Ярополка Изяславича, скончавшаяся въ 1158 году, 84 лѣтъ отъ роду, и отдавшая печерскому монастырю все свое имущество, все до *повоя*, по выраженію лѣтописи. Здѣсь же погребены «муровщики», строившіе великую церковь, и иконописцы, украсившіе ее мусіею; тѣ и другіе приняли монашество въ печерской обители и здѣсь же окончили свою жизнь, а мощи ихъ въ послѣдствіи перенесены въ пещеры. На противоположной, лѣвой сторонѣ той же западной паперти погребенъ въ 1106 г. 90-лѣтній кіевскій тысячникъ, добродѣтельный старецъ *Янъ*, который, по выраженію лѣтописи, «исполняя божественный законъ, не уступалъ заслугою древнимъ праведникамъ, а чрезъ два года послѣ его кончины здѣсь погребена и его жена *Марія*, за благочестивую жизнь и супружескую любовь къ своему мужу пользовавшаяся, вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, особенною любовью преподобнаго Θеодосія. Выше гроба преподобнаго Θеодосія въ направленіи къ востоку, на правой сторонѣ великой церкви, поставленъ былъ гробъ перваго печерскаго игумена *Варлаама*, скончавшагося въ г. Владимірѣ-волынскомъ, на возвратномъ пути изъ Царьграда, въ послѣдствіи перенесенный въ пещеры.

Не прошло еще и семи лѣтъ послѣ освященія прекрасной, по выраженію Патерика, «небеси подобной» церкви печерскаго монастыря, какъ она имѣла несчастіе подвергнуться нападенію дикихъ половцевъ, которое случилось 20 іюля 1096 года. По сказанію лѣтописи, «безбожный и шелудивый половецкій ханъ *Бонякъ*, разбойнически подойдя тогда съ своей ордою къ Кіеву и зажегши его предмѣстья, вторгся въ печерскій монастырь на разсвѣтѣ, когда монашествующіе отдыхали въ своихъ келліяхъ послѣ окончанія утрени. Грабя по келліямъ, половцы зажгли домъ Владычицы, Пресвятыя Богородицы, подожгли сѣверныя и южныя церковныя двери, проникли даже въ притворъ церкви—къ гробу преподобнаго Θеодосія, брали иконы, поносили Бога и христіанскій законъ». Щедрыми приношеніями христолюбцевъ вскорѣ

изглаждены слѣды этого бѣдствія. Таковыми христолюбцами явились въ особенности: преподобный *Эразмъ*, устроившій двое дверей къ великой церкви, а впослѣдствіи *Георгій*, сынъ боярина Шимона, внукъ Африкана, бывшій тысяцкимъ въ г. Суздали у князя Юрія Владиміровича Долгорукаго; послѣдній на окованіе вновь гроба преподобнаго Θеодосія прислалъ 500 гривенъ серебра и 500 гривенъ золота, а потомъ прибавилъ къ этому еще гривну шейную, вѣсомъ въ 100 гривенъ золота. Созданная по мысли преподобнаго Θеодосія и по благословенію преподобнаго Антонія, великая печерская церковь послужила образцомъ для церквей, сооруженныхъ въ г. Ростовѣ—Владиміромъ Мономахомъ и въ г. Суздали Юріемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ; но, по неопытности русскихъ строителей или по недоброкачественности матеріала, церкви эти распались въ томъ-же XII вѣкѣ.

Въ сторонѣ отъ великой церкви, при вел. кіевскомъ князѣ Святополкѣ и при игуменѣ Θеоктистѣ, въ 1108 году окончена постройкой *трапезница* печерскаго монастыря, заложенная по повелѣнію князя Глѣба Всеславича и, вѣроятно, на его счетъ. Чрезъ сто лѣтъ она, вмѣстѣ съ великою церковью, сильно пострадала отъ случившагося въ 1230 г. землетрясенія. Лѣтопись говоритъ объ этомъ такъ: «мѣсяца мая 3 дня, въ пятокъ 4-й недѣли по Пасцѣ, бысть потрясенье, и въ монастырѣ печерскомъ церковь Святыя Богородицы каменная на 4 части разступися, ту сющу митрополиту Кириллу и князю Володиміру и бояромъ и кіяномъ множеству, и людемъ сшедшимся, праздникъ бо бяше преподобнаго Θеодосія. Ту и трапезницею потрясе каменною, снесену бывшу корму и питью, все то потре каменіе дробное, сверху падая, и столы и скамьи, но обаче вся трапезница не падеся, но верхъ ея» [1]).

Колокольни, какъ особаго зданія, не было въ древнемъ печерскомъ монастырѣ; не было въ немъ и колоколовъ, а созывали къ богослуженію, ударяя деревяннымъ молоткомъ въ дере-

[1]) Лавр. Лѣт., стр. 120 и 121.

вянную-же доску, или въ такъ называемое «било». Обычай ударять въ било предъ началомъ богослуженія сохранился въ печерскомъ монастырѣ и послѣ заведенія металлическихъ колоколовъ; употребляется онъ и нынѣ, но собственно для оповѣщенія монастырской братіи.

Все пространство верхняго печерскаго монастыря было огорожено «столпіемъ» или частоколомъ; въ монастырскій дворъ вели двое воротъ, изъ коихъ главныя назывались «святыми». Здѣсь, у святыхъ воротъ происходили торжественныя встрѣчи князей и митрополитовъ, ими выходили также бояре и богомольцы. При нихъ то находился, служа 3 года привратникомъ, внукъ черниговскаго князя Святослава, Святославъ Давидовичъ, принявшій иночество въ 1106 году и почивающій въ пещерахъ подъ именемъ Николы-Святоши. Памятникомъ его усердія къ печерскому монастырю служитъ сооруженная имъ надъ св. воротами церковь во имя св. Тройцы, существующая донынѣ. Отъ обѣденнаго времени и до вечерни, т. е отъ 12-ти до 4 часовъ по полудни, монастырскія ворота были заперты и никому не отворялись. Въ знакъ уваженія къ покою обители и къ святости ея мѣста никто не въѣзжалъ въ печерскій монастырь лошадьми, а сходя съ коней у воротъ, входили пѣшими, примѣръ чему подавалъ самъ великій князь Изяславъ Ярославичъ [1]).

Между ветхимъ и новымъ печерскимъ монастыремъ, на мѣстѣ нынѣшней лаврской гостинницы, былъ страннопріимный дворъ съ церковью во имя первомученика *Стефана*, устроенный преподобнымъ Ѳеодосіемъ для пріюта нищихъ, слѣпыхъ, хромыхъ, трудоватыхъ. На потребности этой страннопріимницы отпускалась десятая часть монастырскихъ доходовъ. Кромѣ того, по установленію преподобнаго Ѳеодосія, всякую субботу изъ печерскаго монастыря посылался возъ хлѣба для заключенныхъ въ темницѣ.

Съ переселеніемъ братіи въ большой, новоустроенный монастырь, въ ветхомъ, надпещерномъ монастырѣ осталось лишь

---

[1]) Патерикъ печер., изд. Яковлева, стр. 41 и 62.

нѣсколько человѣкъ монашествующихъ для богослуженія и охраненія пещеръ, а самыя пещеры обращены въ *усыпальницу* для погребенія умирающихъ братій; тѣла умершихъ полагались по обѣ стороны пещерной улицы въ углубленіяхъ стѣнъ, и по установленію преподобнаго игумена Стефана въ пещерной церкви ежедневно совершалась заупокойная литургія.

Внѣ г. Кіева печерскому монастырю принадлежало село Лѣсники, въ которое преподобный Θеодосій удалялся на все время великаго поста. Здѣсь ископалъ онъ себѣ пещеру и скрываясь въ ней отъ человѣческой молвы, усугублялъ подвиги поста и молитвы, а возвращался въ монастырь только въ вербную субботу. Полагаютъ, что Θеодосіева пещера находилась въ верстѣ отъ с. Лѣсниковъ, на мѣстѣ древняго гнилецкаго монастыря, гдѣ нынѣ хуторъ кіево-братскаго монастыря и пещеры, имѣющія большое сходство съ пещерами лаврскими.

Подвижническая жизнь и благочестіе иноковъ печерскаго монастыря пріобрѣли ему всеобщее уваженіе. Съ благоговѣніемъ стремились къ нему со всѣхъ концовъ русской земли, прося молитвъ и благословенія св. отцевъ печерскихъ, князья и бояре и простые богомольцы; изъ него выходили наставники вѣры и благовѣстники ея въ разныхъ областяхъ Россіи, каковыми были: *Леонтій*, *Исаія* и *Аврамій* ростовскіе, *Герасимъ* вологодскій и священномученикъ Іоаннъ *Кукша*. Его иноки по преимуществу, въ числѣ до 20, украшали собою святительскія каѳедры XI и XII вѣка въ Новгородѣ, Ростовѣ, Переяславѣ, Суздали, Владимірѣ Волынскомъ, Юрьевѣ, Полоцкѣ, Черниговѣ, Бѣлгородѣ, Туровѣ и Тмутаракани, и всѣ они питали великую любовь къ печерскому монастырю, даже вдали отъ него. Примѣръ такой любви и особаго уваженія къ этому общему мѣсту начальныхъ ихъ подвиговъ представляетъ суздальскій епископъ *Симонъ*, писавшій о себѣ, что онъ «всю славу и честь своей каѳедры вмѣнилъ-бы въ ничто, чтобы хотя щепкой торчать за воротами или соромъ валяться въ печерскомъ монастырѣ, что онъ лучше желалъ-бы провести день единъ въ дому Божіей Матери, чѣмъ тысячу лѣтъ жить въ селеніихъ грѣшничихъ». А многіе вѣро-

вали тогда, что въ печерскомъ монастырѣ освящаетъ и самая земля, и что поэтому всякій, погребенный въ ней, хотя-бы и грѣшенъ былъ, будетъ помилованъ ради молитвъ угодившихъ Богу святыхъ, здѣсь положенныхъ [1]). Иные думали, что спасающая благодать Божія простирается даже на тѣхъ, кои будутъ погребены хотя въ одномъ изъ селъ печерскаго монастыря [2]).

При такомъ общемъ уваженіи къ печерскому монастырю, для благочестивыхъ христіанъ весьма умилительными были появившіяся въ началѣ XIII вѣка сказанія о чудесныхъ явленіяхъ, ознаменовавшихъ созданіе великой печерской церкви, которыя изложены въ посланіяхъ бывшаго печерскаго инока, суздальскаго епископа *Симона* († 1226 г.) къ печерскому черноризцу Поликарпу и къ печерскому архимандриту Акиндину. Въ этихъ сказаніяхъ, проникнутыхъ полною вѣрою, что «самаго Господа промысломъ и волею и хотѣніемъ Пречистой Его Матери создана и совершилась великая печерская церковь, архимандритія всей русской земли, лавра святаго Θеодосія», передано для общаго назиданія вѣрующихъ, какъ великая печерская церковь была показана Шимону варягу въ видѣніи еще прежде своего начатія, какъ размѣрена она поясомъ, принесеннымъ въ печерскую обитель по повелѣнію самаго Господа, какъ Богъ Отецъ росой и столбомъ облачнымъ благословилъ начало и основаніе сей церкви, какъ св. Духъ огнемъ невещественнымъ сравнялъ мѣсто, на которомъ имѣлъ быть положенъ фундаментъ зданія, какъ дивно самъ собою изобразился мусіей ликъ пресвятой Дѣвы на запрестольной стѣнѣ, какъ невидимо ни для кого оказались въ ней каменныя доски и столбы для устроенія св. трапезы, какъ въ день, назначенный для освященія этой церкви, явились никѣмъ незванные: митрополитъ кіевскій *Іоаннъ* и епископы: черниговскій *Іоаннъ*, ростовскій *Исаія* и бѣлгородскій *Лука*. Эти сказанія, основанныя на живомъ преданіи печерскихъ ино-

[1]) Патерикъ печерскій въ древней редакціи, изд. Яковлева. 1872 года стр. 92.

[2]) Тамъ-же, стр. 116.

ковъ, войдя въ составъ печерскаго Патерика, были любимымъ чтеніемъ благочестивыхъ людей, переходя изъ устъ въ уста, проникали въ отдаленные концы Россіи и обращали взоры и сердца всѣхъ къ обители преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія, печерскихъ чудотворцевъ.

Во время междоусобій, поднятыхъ потомками Ярослава за кіевскій великокняжескій престолъ, печерская обитель испытала не мало бѣдствій и скорбей, особенно когда въ войнахъ принимали участіе дикія орды половцевъ, торковъ и берендѣевъ, призываемыя въ помощь русскимъ дружинамъ той и другой стороны. Хотя въ событіяхъ 1151, 1203 и 1235 гг., сопровождавшихся разореніемъ Кіева и ограбленіемъ его церквей и монастырей, не упоминается имя печерскаго монастыря, тѣмъ не менѣе онъ не могъ не раздѣлять тогдашней бѣдственной участи города и его монастырей. При взятіи Кіева войсками Андрея Боголюбскаго въ 1169 году, союзники его берендѣи даже зажгли было печерскій монастырь, и только Богъ спасъ отъ бѣды, по замѣчанію лѣтописца. Но ничто уже не спасло этой святой обители отъ разоренія въ 1240 году, по взятіи Батыемъ Кіева и послѣ его разоренія. Въ эту бѣдственную годину не только сожжены и разорены были жилища иноковъ печерскаго монастыря, но не пощажена невѣрными и самая «небеси подобная» великая печерская церковь.

Современные лѣтописцы не передали намъ подробностей этого разоренія; но въ кіевскомъ Синопсисѣ, на основаніи преданій, повѣствуется, что «татары, вошедши въ великую церковь, людей всякаго чина посѣкоша, иныхъ плѣниша, церковь Пресвятыя Богородицы печерскую оскверниша, отъ всего украшенія обнажиша и крестъ златокованный съ главы церковныя сняша, а верхъ до полуцеркви по окна повелѣніемъ Батыя испровергоша, также и верхъ олтаря великаго по перси Пресвятыя Богородицы избиша и весь монастырь со всѣми украшеніями искорениша и разметаша, и отъ того времени преукрашенная Божіею славою Дѣвы обитель святопечерская до своего перваго бытія и красоты древнія не возможе пріити». Тамъ-же въ Си-

нопсисѣ передается, что оставшіеся въ живыхъ монашествующіе печерской обители не имѣли уже въ ней пристанища, отъ разореній и отъ страха новыхъ нашествій разошлись по лѣсамъ и по дебрямъ и укрывались въ уединенныхъ пещерахъ, но по привязанности къ святому мѣсту тайно сходились въ одинъ уцѣлѣвшій отъ разоренія придѣлъ церковный по рѣдкому благовѣсту въ малый колоколъ. Долго-ли продолжалось такое запустѣніе печерской обители, въ Синопсисѣ не говорится. Нельзя однако не замѣтить, что въ этомъ сказаніи, появившемся спустя 400 лѣтъ послѣ повѣствуемаго событія, разореніе великой церкви въ значительной мѣрѣ преувеличено; ибо древнее зданіе великой печерской церкви уцѣлѣло и до настоящаго времени не по окна только, но и выше оконъ, до самаго верхняго карниза; цѣла и алтарная ея стѣна съ своимъ сводомъ; не уцѣлѣла только бывшая на стѣнахъ мозаика; не уцѣлѣли также средній куполъ и своды на средней части церкви.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БОРЬБА СЪ КАТОЛИЧЕСТВОМЪ

и умственное пробужденіе южной Руси къ концу XVI в.

(Историческій очеркъ).

28 іюня 1569 года, въ Люблинѣ, на общемъ собраніи сейма, въ присутствіи польскихъ сенаторовъ и короля Сигизмунда-Августа, могущественнѣйшій представитель Литвы, Юрій Ходкевичъ, староста жмудскій, во главѣ съ другими литовско-русскими депутатами, прибывшими на сеймъ, отъ имени всего литовско-русскаго народа говорилъ польскому государю: «Свѣтлѣйшій, милостивѣйшій король! Мы пришли сюда къ вашему величеству, чтобы покончить это дѣло (дѣло политическаго объединенія Великаго Княжества Литовскаго съ Польшей). Мы соглашаемся на него, но съ великою болью и стѣсненіемъ сердца, по приказу вашей королевской милости, повинуясь волѣ вашей. Какъ все это намъ больно, невозможно выразить этого словами. Вѣдь мы обязаны нашему отечеству, какъ вѣрные его сыны, заботиться объ его благѣ, на сколько есть у насъ силъ. Призываемъ во свидѣтели ваше королевское величество и все настоящее собраніе, отечество свое мы защищали здѣсь столько, сколько могли! Мы не въ силахъ довершить этой защиты, и пусть это будетъ приписано препятствіямъ, судьбѣ, временамъ... Намъ приходится уступить, и мы уступаемъ, ввѣряя наше дѣло милости вашего величества, какъ исполнителю законовъ и общему нашему законному государю... Благоволите, ваша королевская милость, такъ привести къ концу это дѣло, чтобы оно не было соединено съ нашей неволею или посрамленіемъ нашимъ или нашихъ потомковъ... Не допустите, ваше величество, посрамить насъ. Пусть этотъ актъ такъ совершится, чтобы на насъ не было ни одного пятна! Будьте сами, ваше величество, стражемъ и умирителемъ совершаемаго дѣла... Было

бы очень больно намъ или внукамъ нашимъ, если бы пришлось вспоминать о сегоднишнихъ событіяхъ съ сожалѣніемъ, вмѣсто радости, или обвинять насъ, что мы не видѣли своей неволи... Мы уже доведены до того, что должны броситься съ униженной просьбой къ ногамъ вашей королевской милости («тутъ, замѣчаетъ современный актъ, всѣ съ плачемъ пали на колѣни»), умоляемъ васъ, ради самаго Бога, благоволите припомнить нашу службу, нашу вѣрность и кровь нашу, которую мы для твоей царской славы проливали. Благоволи такъ насъ устроить, чтобы это было для всѣхъ съ честью, а не съ униженіемъ, съ сохраненіемъ добраго имени нашего и твоей царской совѣсти!» [1])... Историкъ справедливо замѣчаетъ, что это были «трагическія минуты судорогъ, въ которыхъ билась самостоятельная литовская жизнь»... Черезъ два дня послѣ этого 1 іюля 1569 года взаимною присягою было утверждено политическое единство Литвы и Польши, совершилась такъ называемая люблинская унія.

Недаромъ литовскіе депутаты на колѣняхъ взывали о милости къ польскому королю, недаромъ они соглашались на унію «съ великою болью и стѣсненіемъ сердца»: совершившееся событіе, подготовленное несчастными историческими обстоятельствами Литвы, надолго самымъ рѣшительнымъ образомъ измѣнило судьбы литовско-русскаго края.

Необходимо сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній. Большая часть нынѣшнихъ нашихъ бѣлорусскихъ и малорусскихъ губерній въ XV—XVI вв. входила въ составъ Великаго Княжества Литовскаго. Княжество это къ концу XVI вѣка обнимало собою обширную область теперешнихъ губерній: виленской и ковенской (собственно такъ называемая «Литва» XV вѣка), смоленской, витебской, минской, гродненской, могилевской, черниговской, кіевской, волынской и подольской. Область эту издавна наполняли два племени: литовское въ собственной Литвѣ и русское, бѣлоруссы и малоруссы, въ остальной части княжества. Племя литовское, какъ видно и изъ самой занимаемой имъ мѣстности, было несравненно

---

[1]) *Кояловичъ*, Литовская унія или послѣднее соединеніе Литовскаго княжества съ Польскимъ королевствомъ на люблинскомъ сеймѣ въ 1569 году. Спб. 1863 г., стр. 75—79.

малочисленнѣе преобладавшаго въ краѣ населенія русскаго, и стало рано подпадать вліянію послѣдняго. Повидимому, судьба обѣщала въ будущемъ мирное сліяніе обоихъ племенъ. Болѣе культурное, русское населеніе путемъ незапамятныхъ историческихъ сношеній и общей съ литовцами политической жизни рано стало передавать высшимъ классамъ Литвы свой языкъ, свою религію, свои обычаи, понятія, нравы.

Государственнымъ языкомъ Великаго Княжества Литовскаго издавна былъ языкъ русскій; съ XIII—XIV в. онъ становится языкомъ управленія, законодательства, судопроизводства. Даже чисто литовскіе законы писались по-русски. «Судебникъ» Казиміра и литовскій Статутъ были изданы на русскомъ языкѣ. Въ Статутѣ даже прямо узаконялось: «Писарь земскій маетъ по русску, литерами и словы русскими, вси листы и позвы писати, а не иншымъ языкомъ и словы»... Вмѣстѣ съ языкомъ шло вліяніе религіозное. Очень рано, уже въ до-монгольскій періодъ исторіи, православіе стало проникать въ литовское населеніе, общая масса котораго, замѣтимъ, была еще погружена въ язычество, высшій-же слой, князья и вельможи издавна считались католиками. Въ литовской столицѣ, въ Вильнѣ, уже въ XV вѣкѣ половина жителей были православными. Православіе начинаютъ исповѣдывать здѣсь не только въ низшей массѣ, гдѣ оно больше всего распространялось, но и въ высшихъ сословіяхъ, въ средѣ литвиновъ-католиковъ. Въ XIV—XV вв. сами литовскіе великіе князья нерѣдко переходили въ православіе... Помимо языка и вѣры, вліяніе русскаго населенія начинало сказываться въ Литвѣ и въ другихъ сферахъ. Весь общественный бытъ Литвы все болѣе и болѣе складывался подъ вліяніемъ русскимъ. Особенно этому способствовали весьма нерѣдкіе случаи родства литовскихъ князей съ русскимъ великокняжескимъ домомъ: этимъ путемъ русскіе вносили въ литовское общество свои общественныя понятія, нравы, обычаи. Кромѣ того, литовцы учились у русскихъ военному искусству, научались отъ нихъ строить и защищать крѣпости, нерѣдко русскіе занимали у нихъ высшія общественныя должности, являясь правителями цѣлыхъ областей, посланниками. Въ силу всѣхъ этихъ старыхъ вліяній и сношеній историки находятъ въ литовскихъ статутахъ постановленія, свидѣтельствующія о существованіи въ Литвѣ старыхъ русскихъ

Ягелло, актомъ соединенія Литвы и Польши въ 1386 году, нанесъ первый рѣшительный ударъ распространенію и упроченію русской народности въ Литвѣ. Мало того, этотъ актъ подвергъ опасности самостоятельность самой русской національности, и даже въ ея собственныхъ областяхъ княжества. Главнѣйшимъ условіемъ уніи 1386 года было поставлено оффиціальное господство и распространеніе въ княжествѣ католичества. Въ королевской грамотѣ, данной по случаю этого акта виленскому католическому бискупу, Ягелло прямо заявлялъ: «мы разсудили, постановили, обѣщали, обязались и по принятіи св. Таинъ дали клятву всѣхъ людей народа литовскаго обоего пола, въ какомъ-бы они не были званіи, состояніи и чинѣ, къ вѣрѣ католической и св. послушанію римской церкви привести, принудить и всѣми способами присоединить, какой-бы секты и различія они ни были» [1]). Съ какою ревностью рѣшился Ягелло осуществлять свое обѣщаніе, показываетъ то, что вскорѣ самъ онъ, его братья и многіе изъ литовскихъ князей приняли католичество и даже снова перекрестились, хотя были уже христіанами восточнаго исповѣданія. Тотчасъ-же начались и открытыя преслѣдованія православныхъ. Отъ имени самаго короля они объявлены были теперь «мятежниками и схизматиками» [2])... Мирное распространеніе въ краѣ русскаго вліянія уступило свое мѣсто католической пропагандѣ. Вмѣстѣ съ этимъ, на почвѣ того-же акта 1386 года польское правительство дѣлаетъ первыя попытки къ сліянію литовско-русскаго населенія княжества съ Польшей. На городельскомъ сеймѣ 1413 года впервые узаконены были и для Литовскаго Княжества нѣкоторыя общественныя должности, по образцу Польши, предоставлено было княжеству имѣть свои сеймы, по образцу польскихъ сеймовъ; кромѣ того, тогда-же, въ видахъ объединенія, многимъ изъ литовско-русскихъ магнатовъ даны были гербы польскихъ родовъ, что влекло за собою введеніе различныхъ обычаевъ польской жизни [3]).

---

[1]) *Кояловича,* Лит. церк. унія, т. I, стр. 8.

[2]) *Кояловича,* Лит. церк. унія, т. I, стр. 8, 244.

[3]) *Макушева,* Общественные и государственные вопросы въ польской литературѣ въ XVI в. Слав. сборникъ, т. III, Спб. 1876 г., стр. 29—30. *Кояловича,* Чтенія по исторіи зап. Россіи, 1884 г., стр. 172.

Не смотря однако на всѣ эти частныя нововведенія, Великое Княжество Литовское пока продолжало еще оставаться самостоятельнымъ, совершенно отдѣльнымъ отъ Польши, государствомъ. Не то наступило съ момента люблинской уніи. Актомъ 1569 года, актомъ наружнаго уравненія правъ обоихъ государствъ, совершилось фактическое порабощеніе одного государства другому, Литвы Польшѣ.

Люблинская унія уничтожила всѣ преграды между Литвою и Польшей и открыла безпрепятственную дорогу и общегосударственному и религіозному вліянію Польши на литовско-русское населеніе. Поляки наводнили теперь Литву, «якъ чорна хмара», по выраженію одной малорусской пѣсни. Они чувствовали себя полными хозяевами, и дѣйствительно были ими. Литва должна была теперь составлять съ Польшей одно государство, имѣть одинъ сенатъ, одни финансы, одно войско. Сеймы стали смѣшанными и чаще стали бывать въ Польшѣ, представители Литвы смѣшивались съ представителями Польши. Два различныхъ народа—различныхъ по языку, вѣрѣ, общественному строю, обычаямъ и симпатіямъ — теперь въ силу искуственно придуманныхъ обязательствъ, должны были превратиться въ одинъ народъ, нераздѣльный и единодушный. При этомъ само собою подразумѣвалось, что юридическая равноправность обоихъ государствъ должна быть фактической гегемоніей Польши. Перевѣсъ, конечно, долженъ былъ склониться и самъ собою на сторону болѣе культурную. Болѣе образованная, болѣе близкая къ западной Европѣ, Польша не могла не охватить литовскую Русь своимъ вліяніемъ. Литовскія должности быстро очутились въ рукахъ поляковъ. Въ силу договора, поляки могли имѣть теперь въ Литвѣ поземельную собственность, и не замедлили воспользоваться своимъ правомъ. Поляки скоро явились владѣтелями цѣлыхъ литовско-русскихъ областей. Имъ даже могло принадлежать право патронатства надъ литовско-русскими православными церквами и монастырями. Смѣшеніе всего литовско-русскаго съ польскимъ не замѣтно превращалось въ фактическое устраненіе перваго послѣднимъ, что дѣлалось и намѣренно, систематически, но нерѣдко происходило и невольно. Польское вліяніе самымъ нечувствительнымъ образомъ проникало въ литовско-русское общество. Вліяніе шло преимущественно черезъ высшіе слои, за которыми тянулось и среднее дворянство. Послѣднее впрочемъ и само по себѣ подпадало польскому вліянію,

благодаря уравненію своему съ польской шляхтой, у которой ему приходилось теперь учиться своимъ новымъ правамъ и тѣмъ самымъ незамѣтно для себя сближаться и сродняться съ новыми обычаями и нравами. Ко всему этому присоединялась всемогущая сила образованія, большаго культурнаго развитія, или-же просто подкупающее вліяніе внѣшности. «Русское дворянство, изъ потребности просвѣщенія, всѣми силами стало стараться быть похожимъ на польское. Ляхъ для русскаго сталъ существомъ высшимъ. Богатые паны, литовскіе и русскіе, завели у себя при дворахъ притоны для приходившихъ ляховъ-цивилизаторовъ... Въ домашней жизни, въ пріемахъ обращенія, въ нравахъ—все, составлявшее признаки русской старины, становилось по современнымъ понятіямъ признакомъ грубости и невѣжества; все польское и западное служило вывѣской образованности и хорошаго тона» [1]... Старинныя русскія однорядки казались теперь безобразными и быстро замѣнились вычурными польскими нарядами; старинныя помѣщенія русскихъ пановъ теперь также сдѣлались неудобными—ихъ стали замѣнять пышные палацы, построенные и убранные во всевозможнѣйшихъ вкусахъ Польши и западной Европы.

Одновременно и нераздѣльно съ вліяніемъ въ сферахъ общественной и бытовой жизни шло столь-же, если еще не болѣе, сильное вліяніе въ сферахъ нравственной и умственной. Половина и конецъ XVI в. было временемъ перелома въ умственной жизни Польши. «Польша тянула къ западу и стремилась впитать въ себя и переработать по своему образованность романскихъ и нѣмецкихъ народовъ. Связанная политически съ Польшей въ одно неразрывное цѣлое, Русь въ лицѣ своего высшаго класса должна была идти невольно за Польшей». Вліяніе польской образованности на высшіе литовско-русскіе классы еще болѣе облегчалось постепенно къ этому времени укоренившимся въ ихъ средѣ обычаемъ поѣздокъ въ западно-европейскія страны и долгаго пребыванія, въ молодости, въ западно-европейскихъ университетахъ. Вліяніе это было тѣмъ сильнѣе, что и дома, за отсутствіемъ собственныхъ средствъ къ образованію, приходилось или отдавать дѣтей въ польскія іезуитскія училища или держать домашнихъ учителей, также въ большинствѣ случаевъ поляковъ и

[1] *Костомаровъ*, Историч. монографіи, т. XIII, стр. 196—200.

іезуитовъ. Вмѣстѣ съ польскимъ или вообще иностраннымъ воспитаніемъ невольно являлась привязанность ко всему польскому или вообще иностранному и отчужденіе отъ своего роднаго. Молодые литовско-русскіе аристократы, воспитанные поляками-іезуитами и долго странствовавшіе потомъ по западнымъ университетамъ, невольно разучивались въ своемъ родномъ языкѣ и дѣлались равнодушными къ своей родной вѣрѣ. Мало того: они нерѣдко начинали глядѣть на все глазами своихъ воспитателей, и во всемъ, что составляло признаки старинной русской жизни, начинали видѣть противоположность просвѣщенію, нѣчто такое, чего нужно не только избѣгать, но и стыдиться.

Всеохватившее вліяніе польской культуры особенно скоро сказалось на языкѣ. Русскій языкъ сталъ быстро замѣняться польскимъ, или ощущалъ на себѣ со стороны послѣдняго столь сильное вліяніе, что дѣлался неузнаваемъ. Въ концѣ XVI вѣка многіе русскіе Литовскаго Княжества по польски говорили и писали больше и охотнѣе, чѣмъ по русски. Въ 70—80 гг. XVI ст. присланную отъ Курбскаго въ славянскомъ переводѣ бесѣду Іоанна Златоуста кн. К. К. Острожскій считаетъ «лѣпшаго ради выразумѣнія» необходимымъ перевести на польскій языкъ [1]). Во времена Курбскаго († 1583 г.) въ литовской Руси, повидимому, легче можно было найти человѣка, знавшаго греческій или латинскій языкъ, чѣмъ знавшаго языкъ славянскій. Въ письмѣ къ одному изъ своихъ литовскихъ знакомыхъ Курбскій передаетъ свою бесѣду съ извѣстнымъ старцемъ Артеміемъ о недостаткѣ въ славянскихъ переводахъ твореній отцевъ церкви; при этомъ Артемій между прочимъ посовѣтовалъ особенно поскорѣе перевести на славянскій языкъ книгу Василія Великаго «Шестодневъ» и просилъ у Курбскаго такого человѣка, который могъ-бы перевести ее съ греческаго или латинскаго: «азъ отвѣщалъ, разсказываетъ Курбскій, аще и добуду грецкимъ умѣющаго або латинскимъ, но словенскимъ не будутъ умѣти» [1]). Въ другомъ памятникѣ конца XVI вѣка читаемъ: «ученіе святыхъ писаній зѣло оскудѣ, паче же словенскаго россійскаго языка, вси человѣцы приложишася простому несъвершенному лядскому писанію, и сего ради

---

[1]) *Сказанія князя Курбскаго*, Спб., 1868 г., стр. 222.

[2]) Тамъ-же, стр. 22[?].

въ различныя ереси впадоша, не вѣдуще въ богословіи силы совершеннаго грамматическаго словенскаго языка» [1]). На то-же жалуется Іоаннъ Вишенскій: «славянскій языкъ, пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ посланій, омерзѣлъ многимъ, его не любятъ и хулятъ» [2]). Славяно-русскій языкъ казался ничтожнымъ, бѣднымъ въ сравненіи съ языкомъ польскимъ и особенно латинскимъ, на которомъ писалась тогда вся научная литература. О литературѣ на славянскомъ языкѣ никто не говорилъ, да ея и не знали; въ отсутствіи всякой литературы на этомъ языкѣ именно и видѣли причину невѣжества литовско-русскаго населенія. «Еще не было, писалъ въ одномъ своемъ сочиненіи Петръ Скарга, на свѣтѣ академіи, гдѣ бы философія, богословіе, логика и другія свободныя науки преподавались по славянски. Съ такимъ языкомъ нельзя сдѣлаться ученымъ. Да и что это за языкъ, когда теперь никто не понимаетъ писаннаго на немъ? На этомъ языкѣ нѣтъ ни грамматики, ни риторики, да и быть не можетъ... Вотъ откуда и невѣжество и заблужденіе»...

Самымъ роковымъ образомъ вліяніе люблинской уніи считалось въ сферѣ религіозной. Политическая унія въ Люблинѣ невольно приводила и привела къ религіозной уніи въ Брестѣ.

Совершившееся государственное объединеніе Литвы и Польши поставило въ самое ложное положеніе православную литовско-русскую церковь. Уже съ 1386 года церковь эта очутилась въ крайне неблагопріятныхъ условіяхъ. Господствовавшее оффиціально литовско-русское православіе фактически являлось вѣроисповѣданіемъ лишь терпимымъ. Польское правительство открыто подвергало его насиліямъ, объявивши, вслѣдъ за уніей 1386 года, послѣдователей его «мятежниками и схизматиками». Еще болѣе рѣшительными стали дѣйствія противъ литовско-русскаго православія со времени уніи 1569 года. Впрочемъ, чаще всего польское правительство дѣйствовало въ отношеніи къ нему двулично. Двуличность была неизбѣжна. Польскіе короли очень хорошо видѣли, что ихъ великое княжество литовское не столько собственно литовское, сколько русское, что русское населеніе является въ немъ господствующимъ, что населеніе это твердо въ своей истиной вѣрѣ, православіи, что языкъ кня-

---

1) *Акты зап. Россіи,* т. IV, № 32 (грамота 1592 года).

2) *Акты зап. Рос.,* т. II, стр. 210.

жества въ массѣ есть языкъ русскій, что и въ высшихъ слояхъ общества, при всѣхъ успѣхахъ здѣсь полонизаціи, есть еще много знатныхъ русскихъ фамилій, владѣющихъ громадными поземельными имуществами, что многіе изъ представителей такихъ фамилій еще свѣжо чувствуютъ свою кровную связь съ Москвой и въ случаѣ чего легко могутъ, со всѣми своими владѣніями, отойти къ великому князю московскому, который не откажетъ своимъ единовѣрцамъ въ покровительствѣ и защитѣ...[1]) Эти и подобныя соображенія заставляли польскихъ королей иногда относиться съ наружнымъ благорасположеніемъ къ православному населенію края. Такъ, при вступленіи на престолъ каждый король обыкновенно давалъ торжественныя клятвы сохранить всѣ права и привилегіи православнымъ; нерѣдко издавались подобныя постановленія и послѣ, во время правленія. Но то, что дѣлалось въ этомъ направленіи одной рукой, тутъ-же разрушалось другой. И личныя католическія симпатіи, и болѣе отдаленныя политическія соображенія заставляли польско-литовскихъ правителей въ душѣ сочувствовать иному и стараться на дѣлѣ проводить строгую политику. Православіе въ литовской Руси являлось если не единственнымъ, то самымъ главнымъ препятствіемъ къ осуществленію исконной политики Польши въ отношеніи къ литовско-русскому краю,—«ополяченію его посредствомъ католицизма»[2]). Отсюда, рядомъ съ постоянными на бумагѣ заявленіями о совершенной полноправности православныхъ, шло систематическое подавленіе, преслѣдованіе западно-русскаго православія на дѣлѣ. Рядомъ съ грамотами, благопріятными для православныхъ, тотчасъ издавались постановленія, совершенно имъ враждебныя: то православные являлись лишенными права занимать высшія должности въ государствѣ, то имъ запрещали строить и даже возобновлять свои церкви, или-же церкви эти прямо отнимались у нихъ и отдавались католикамъ, то лишались православные исконнаго права отправлять торжественно свои церковныя службы и праздники, то вдругъ самое вѣроисповѣданіе пра-

---

[1]) Такіе переходы литовско-русскихъ князей подъ власть московскаго государя не только въ дѣйствительности были, но въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка вызвали даже открытое столкновеніе Москвы и Польши.

[2]) *Макушевъ,* Обществ. и государств. вопросы въ польской литературѣ XVI вѣка. Слав. сборн., т. III, стр. 31—32.

вославное подвергалось открытому униженію—въ оффиціальныхъ бумагахъ называлось схизмою, а православныя церкви синагогами, или наконецъ православные подвергались прямымъ насиліямъ и оскорбленіямъ [1]).

Практиковать въ отношеніи къ мѣстному православію свою коварную политику польскому правительству особенно стало легко со времени люблинской уніи. Въ его рукахъ теперь были всѣ средства къ этому. Наиболѣе могущественнымъ изъ этихъ средствъ было право патронатства польскихъ королей въ отношеніи къ литовско-русской православной церкви, т. е. право короля раздавать по своему усмотрѣнію мѣстныя православныя епископіи, монастыри и церкви.

Въ западно-русскихъ областяхъ міряне издавна принимали значительное участіе въ дѣлахъ своего прихода. Избраніе, напр., епископа здѣсь издавна совершалось не такъ, какъ въ Москвѣ, не соборомъ окружныхъ епископовъ, при согласіи великаго князя, а королемъ съ духовенствомъ, дворянствомъ и всѣмъ «людствомъ» той епархіи, куда назначался епископъ. Мало по малу участіе мірянъ и духовенства стало стушевываться, и назначеніе епархіальнаго архіерея исключительно сосредоточилось въ рукахъ короля [2]). То-же было въ отношеніи къ важнѣйшимъ монастырямъ, или приходамъ. Понятно, какъ должны были пользоваться такимъ важнымъ правомъ короли-католики. Духовныя мѣста стали считаться наградами за гражданскія или военныя заслуги. Интересы самой церкви были для королей совершенно чужды; напротивъ, заднія политическія соображенія должны были заставлять ихъ поступать въ такомъ случаѣ прямо во вредъ этимъ интересамъ. Злоупотребленія явились вопіющія. «Въ епископы и настоятели монастырей избираемы были большею частью лица свѣтскія изъ дворянскихъ фамилій, не приготовленныя къ исполненію высокихъ іерархическихъ обязанностей. Ихъ привлекали богатыя церковныя имѣнія, пожалованныя епископіямъ и монастырямъ древними князьями русскими, великими князьями литовскими и другими лицами, для благоустройства церквей, для устройства школъ и богадѣленъ... Еще при жизни престарѣлыхъ епископовъ, шляхтичи знатныхъ фамилій, желавшіе захватить въ свои руки церковныя

---

[1]) *Преосв. Макарія,* Исторія русск. церкви, т. IX, стр. 9—10.

[1]) *Преосв. Макарія,* Ист. рус. церкви, т. IX, стр. 11.

имѣнія, отправлялись къ королю, упрашивали сенаторовъ, платили деньги—и получали право вступить въ управленіе епархіею по смерти престарѣлаго епископа. До посвященія въ епископскій санъ они назывались «нареченными епископами». Также точно и богатые монастыри, по волѣ короля и по ходатайству сенаторовъ, раздавались въ управленіе свѣтскимъ лицамъ шляхетскаго сословія. Шляхтичъ, получившій отъ короля жалованную грамоту на епископію, могъ передать свое право другому лицу, получивъ за то достаточное вознагражденіе. Иногда право на епископію король предоставлялъ двумъ лицамъ въ одно и то-же время. Въ такомъ случаѣ споръ между «нареченными епископами» обращался въ открытую войну. Они набирали толпу вооруженныхъ людей и насильно овладѣвали епископскою резиденціею и церковными имѣніями, употребляя при этомъ пушки, гаковницы и другое огнестрѣльное оружіе.... Нареченные епископы по нѣскольку лѣтъ управляли епархіями, оставаясь въ свѣтскомъ званіи; но и посвятившись въ епископскій санъ, продолжали вести безпорядочную, буйную жизнь, которою отличалась тогда большая часть польской шляхты. Имѣя въ услуженіи отряды гайдуковъ и другихъ ратныхъ людей, они позволяли себѣ самоуправство и лично участвовали въ разбояхъ, грабежахъ и наѣздахъ, нарушая законы и пренебрегая королевскими повелѣніями [1])... Точно также игуменами въ монастыряхъ часто бывали не монахи, а міряне, которые брали монастырь въ арендное пользованіе, управляли всѣми монастырскими вотчинами, со всѣмъ не думая принимать монашество, да и по закону это было для нихъ не обязательно. Такъ безцеремонно пользовались правомъ патронатства польскіе короли-католики, а примѣру короля слѣдовали и другіе болѣе мелкіе патронаты-католики,—князья и паны, также имѣвшіе въ своихъ помѣстьяхъ православные монастыри и церкви. Такой порядокъ вещей въ корнѣ подтачивалъ православную западно-русскую церковь, уничтожая въ ней самое главное—церковную іерархію [2])...

Этимъ далеко однако не исчерпывались гибельныя послѣдствія люблинской уніи для западно-русской православной церкви. Еще

---

[1]) *Иванишева,* Свѣдѣнія о началѣ уніи, извлеченныя изъ актовъ кіевскаго центральнаго архива. 1876 г., стр. 302—304. (Первоначально статья эта была напеч. въ Рус. Бесѣдѣ, 1858 г., № 3).

[2]) *Преосв. Макарія,* Ист. рус. цер., т. IX, стр. 12—13.

большее ослабленіе послѣдней нанесла унія, открывши свободную дорогу въ литовскую Русь іезуитамъ. Какъ разъ передъ этимъ западно-русское православіе должно было понести сильный уронъ со стороны протестанства.

Въ Польшѣ и Литвѣ протестанство сдѣлалось извѣстнымъ очень скоро, въ самое первое время его появленіи въ западной Европѣ. У Польши и Литвы были частыя сношенія съ западной Европой. Польская и литовско-русская аристократическая молодежь свои молодые годы обыкновенно проводила въ западныхъ университетахъ и не могла не знакомиться съ новыми протестантскими идеями. Конечно, въ этой же продолжительной жизни въ молодости за границей лежали зародыши и будущаго религіознаго индифферентизма, который скоро обнаруживается въ литовско-русской аристократіи и который дѣлалъ для нея дѣломъ весьма не труднымъ перемѣну православія сначала на протестанство, а потомъ на католичество, равно вселялъ общее сочувствіе къ уніи.... Протестантство, впрочемъ, шло въ Литву и другимъ путемъ: въ польскихъ и литовско-русскихъ городахъ издавна было очень много нѣмцевъ-католиковъ; въ XIV и XV вѣковъ ихъ можно было встрѣтить во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ Польши и западной Руси,—между этими нѣмцами переселенцами, кажется, и стало раньше всего распространяться протестанство. Какъ бы то ни было, сдѣлавшись рано извѣстнымъ, протестанство быстро стало пріобрѣтать себѣ послѣдователей въ польскомъ и литовско русскомъ обществѣ. Сочиненія Лютера, Меланхтона, Кальвина и въ польскихъ и въ литовско-русскихъ областяхъ расходились во множествѣ. Уже въ 1520 году и свѣтская и духовная власть въ Польшѣ начинають запрещать эти сочиненія; запрещенія повторяются въ 1523, 1530 и 1532 гг. Въ королевскихъ указахъ полякамъ подъ страхомъ конфискаціи имущества и вѣчнаго изгнанія изъ отечества запрещалось ввозить, продавать и употреблять книги Лютера. Въ 1541 году вышло даже болѣе рѣшительное постановленіе: польскимъ молодымъ людямъ запрещалось ѣздить для образованія въ Германію, а равно и изъ Германіи приглашать учителей въ Польшу; вмѣстѣ съ этимъ, всѣхъ, кто заразился какою либо ересью, предписывалось «лишать дворянства и наказывать, какъ виновниковъ въ оскорбленіи величества» [1]... Очень скоро указы, из-

[1]) *Преосв. Макарія*, Ист. рус. церкви, т. IX, 312 -314.

данные сначала только для Польши, пришлось распространить и на литовскую Русь. Протестанство распространялось въ литовско-русскомъ православномъ обществѣ, кажется, еще быстрѣе, чѣмъ въ Польшѣ. Распространенію здѣсь протестантскихъ идей больше всего помогъ самъ Сигизмундъ Августъ, съ 1544 года избраный литовскимъ великимъ княземъ. Воспитанный въ идеяхъ протестанства, новый литовскій князь, переселившись въ Варшаву, не скрывалъ своихъ симпатій къ этимъ идеямъ. Онъ окружилъ себя въ Вильнѣ лицами свободнаго образа мыслей; изъ его собственной библіотеки публикѣ раздавались для чтенія сочиненія Лютера, Кальвина и другихъ реформаторовъ; его придворные проповѣдники открыто пропо-вѣдывали реформатскія идеи, не смотря на угрозы и противодѣйствія со стороны вѣрныхъ католиковъ. Ставши позднѣе (съ 1548 года) польскимъ королемъ, Сигизмундъ, по политическимъ соображеніямъ, долженъ былъ перемѣнить значительно свое отношеніе къ религіознымъ вопросамъ, но въ юго-западной Руси онъ попрежнему продолжалъ поправительствовать протестанству. Очень много способствовали распространенію въ Литвѣ протестанства нѣкоторые богатые представители литовско-русской аристократіи, какъ князь Николай Радзивилъ Черный и Николай Радзивилъ Рыжій, и богатый магнатъ Янъ Кишка. Это были представатели самыхъ богатыхъ литовскихъ фамилій и пользовались огромнымъ вліяніемъ и въ обществѣ и при дворѣ. Всѣ свои громадныя матеріальныя средства, все свое общественное вліяніе они отдавали на служеніе принятымъ ими идеямъ. Радзивиллы были послѣдователями протестанства въ формѣ кальвинизма, Янъ Кишка былъ сторонникомъ крайнихъ сектъ социніанства. Въ своихъ многочисленныхъ помѣстьяхъ они основывали школы, заводили типографіи, строили протестанскія церкви, собирали переводчиковъ для перевода протестанскихъ книгъ на литовскій и русскій языки, словомъ: принимали всѣ мѣры для протестанской пропаганды среди литовско-русскаго православнаго населенія. Результаты ихъ усилій были огромны. На первыхъ порахъ протестанство особенно распространялось въ средѣ католиковъ. Почти все католическое дворянство края измѣнило своей родной вѣрѣ. Католическіе священники оставались безъ паствъ, цѣлые католическіе приходы переходили въ протестанство. Но скоро, вслѣдъ за католиками, пришла очередь и православныхъ. Новыя

идеи распространялись преимущественно въ высшихъ классахъ православнаго населенія и пріобрѣтали себѣ послѣдователей здѣсь цѣлыми массами. Къ 1596 году въ одномъ Новогродскомъ воеводствѣ (слѣд. въ епархіи, которою непосредственно завѣдывалъ самъ митрополитъ), изъ 600 дворянскихъ домовъ, считавшихся раньше православными, остались православными только 16 домовъ: остальные перешли въ протестанство, именно въ крайнія секты социніанства [1]), послѣдователями которыхъ православные являлись преимущественно передъ другими формами протестантскихъ идей.

При всей своей громадности, вредъ, сдѣланный западно-русскому православію протестанствомъ, былъ ничтоженъ въ сравненіи съ тѣмъ, что было сдѣлано въ этомъ отношеніи вслѣдъ явившимися сюда іезуитами.

Въ Вильну іезуиты были призваны въ 1569 году, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ люблинской уніи. Въ одинъ и тотъ же годъ, справедливо замѣчаетъ по этому поводу преосв. Макарій, совершились два роковыхъ событія, имѣвшія гибельныя послѣдствія для всего западно-русскаго края и существовавшей въ немъ православной церкви. На люблинскомъ сеймѣ утверждена была т. наз. политическая унія Литвы съ Польшей, собственно не унія, не соединеніе двухъ государствъ на равныхъ правахъ, а подчиненіе и порабощеніе одного государства другому, литовскаго польскому, порабощеніе, которое повело къ постепенному ослабленію и подавленію русской народности и русскаго языка въ литовскомъ государствѣ, бывшихъ дотолѣ здѣсь господствующими... А съ прибытіемъ іезуитовъ въ Вильну, вновь начались почти уже забытыя попытки насадить въ Литвѣ т. наз. церковную унію, которая наконецъ и водворилась здѣсь, при содѣйствіи іезуитовъ, и повела къ постепенному подавленію православія во всемъ западно-русскомъ краѣ, сопровождаясь непрерывнымъ рядомъ притѣсненій и бѣдствій для православныхъ, не соглашавшихся принять ее, а затѣмъ и для самыхъ уніатовъ» [2])...

Сильнѣйшимъ средствомъ пропаганды въ рукахъ іезуитовъ стало воспитаніе. Вездѣ первымъ ихъ долгомъ было заведеніе учи-

---

[1]) *Преосв. Макарія*, Ист. рус. церкви. т. IX, стр. 14, 322, 326.

[2]) *Преосв. Макарія*, Ист. рус. церк., т. IX, стр. 350—352 и 353.

лищъ, коллегіумовъ, академій, съ цѣлью воспитанія въ нихъ молодого поколѣнія въ духѣ католичества. Такъ поступили они и въ югозападной Руси. На другой же годъ своего прибытія, они открыли въ Вильнѣ коллегіумъ и при немъ низшую школу. Наставники-іезуиты съумѣли очень скоро привлечь къ себѣ мѣстное населеніе. Ихъ школа или гимназія быстро стала наполняться учениками, всѣ видѣли блестящіе успѣхи ихъ первыхъ учениковъ, особенно въ латинскомъ языкѣ, дѣтей же бѣдныхъ родителей іезуиты принимали къ себѣ даромъ. Къ нимъ стали присылать своихъ дѣтей и православные, чего особенно и добивались іезуиты. Театральныя представленія, публично даваемыя учениками въ школѣ, различныя религіозныя процессіи, въ которыхъ ученики, одѣтые въ соотвѣтственные костюмы, изображали апостоловъ, пророковъ, ангеловъ и т. д., одинаково восхищали и учениковъ и ихъ родителей и быстро распространяли популярность и школы и ея учителей. Другими средствами пропаганды служили публичные диспуты, богослуженіе и проповѣдь. Богослуженіе и проповѣдь особенно сильно дѣйствовали на массу. Проповѣдь была непрерывна. Каждый день, утромъ и вечеромъ, она раздавалась въ іезуитскомъ костелѣ—на четырехъ языкахъ: польскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ. Проповѣдниками являлись такіе блестящіе ораторы, какъ Станиславъ Варшевицкій, первый ректоръ виленскаго іезуитскаго коллегіума, получившій обширное образованіе и славившійся своею ученостью, или Петръ Скарга, вскорѣ прибывшій въ Вильну и быстро пріобрѣвшій извѣстность своимъ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ. Вліяніе проповѣдей того и другого было до того сильно, что нерѣдко весь народъ въ церкви рыдалъ.

Свою дѣятельность іезуиты скоро перенесли и въ другіе пункты югозападной Руси. Покровительство новаго польскаго короля Стефана Баторія особенно помогло имъ въ этомъ. Въ 1578 году королевской грамотой виленскій іезуитскій коллегіумъ былъ преобразованъ въ академію, а въ 1579 г. новая академія вполнѣ была уравнена въ правахъ съ академіей краковской. Въ томъ же году, взявши Полоцкъ, Баторій въ благодарность іезуитамъ, сопровождавшимъ его въ походѣ, основалъ здѣсь для нихъ новую коллегію и костелъ, и отдалъ въ полное ихъ распоряженіе всѣ мѣстные православные церкви и монастыри, а также и принадлежавшія имъ

владѣнія, отдалъ затѣмъ, чтобы, какъ говорилось въ королевской грамотѣ, іезуиты устроили семинарію для воспитанія юношества, распространяли въ «схизматическихъ странахъ» католическую вѣру, основывая приходы... Іезуиты тотчасъ же открыли въ Полоцкѣ семинарію, которая быстро наполнилась учениками, въ томъ числѣ и православными. Въ 1582 г. такая же саминарія была открыта Стефаномъ Баторіемъ для іезуитовъ въ Ригѣ, и при ней низшая школа. Въ 1585 г. новая іезуитская семинарія основана была въ Несвижѣ, на средства малолѣтняго наслѣдника князей Радзивилловъ, кн. Николая Хрнстофора Радзивила, обращеннаго изъ протестанства въ католичество. Кромѣ того, уже съ 1571 года существовала еще одна іезуитская коллегія въ Ярославѣ, въ Галиціи—въ мѣстности съ сплошнымъ русскимъ населеніемъ...

Въ противовѣсъ существовавшимъ издавна въ краѣ, православнымъ церковнымъ братствамъ іезуиты основывали таковыя же собственныя. Такъ въ 1573 году въ Вильнѣ, по мысли Петра Скарги, было учреждено католическое братство св. тѣла Господня; своими блестящими театральными торжествами и процессіями братство это сильно привлекало къ себѣ окружающее населеніе.

Одновременно со всѣмъ этимъ, іезуиты обратились еще къ одному средству пропаганды, оказавшемуся особенно могущественнымъ—къ литературной полемикѣ.

Первымъ и самымъ замѣчательнымъ фактомъ этой полемики была книга Патра Скарги: «O jdności kościoła Bożego pod jednym pasterzem i o greckim od tej jedności odstąpieniu, z przestrogą i prominaiem do narodów ruskych, przy grekach stojących... teras przez Księdza Piotra Scargę zebrania... roku 1577» (О единствѣ церкви Божіей подъ единымъ пастыремъ и о греческомъ отступленіи отъ этого единства, съ предостереженіемъ и увѣщаніемъ русскому народу, держащемуся грековъ... 1577 г.). Книга посвящалась кн. К. К. Острожскому, съ которымъ авторъ былъ знакомъ давно, и посвящалась ему, конечно, въ видахъ большаго успѣха ея въ средѣ православныхъ.

Сочиненіе Скарги раздѣляется на три части. Первая посвящается спеціально доказательству римскаго догмата о главенствѣ папы. Къ своей цѣли авторъ подходитъ издалека. Единственно воз-

можный путь къ спасенію, разсуждаетъ онъ, есть единеніе съ церковью; внѣ церкви нѣтъ спасенія, но спасительнымъ можетъ быть единеніе лишь съ церковью истинною. Далѣе авторъ указываетъ признаки этой истинности, а такіе признаки, по его мнѣнію, могутъ быть открываемы лишь въ одной церкви римской. Однимъ изъ существенныхъ признаковъ истинной церкви является духовное единеніе въ ней всѣхъ ея членовъ съ ея общею главою и между собой, а такое единеніе возможно лишь подъ условіемъ существованія въ церкви единой главы, единаго верховнаго пастыря. Сущность самой церкви, какъ состоящей изъ видимыхъ членовъ, требуетъ, по словамъ автора, чтобы церковь имѣла не только невидимую главу, но и видимую, а такою видимою главою и является намѣстникъ Христа—папа. Самъ Христосъ поставилъ для церкви такую видимую главу въ лицѣ ап. Петра. Верховныя права Петра, разсуждаетъ авторъ, не могли умереть вмѣстѣ съ Петромъ: всякое учрежденіе существуетъ не ради того лица, которое является въ извѣстный моментъ его представителемъ, а ради всей массы людей, для которыхъ такое учрежденіе признано было необходимымъ. У ап. Петра поэтому долженъ былъ быть преемникъ, къ которому должны были перейти, данныя ему Христомъ, исключительныя іерархическія права верховнаго апостола: такимъ преемникомъ могъ быть, конечно, одинъ римскій первосвященникъ, какъ прямой его преемникъ по епископской каѳедрѣ... Цитатами изъ греческихъ и латинскихъ отцевъ церкви авторъ доказываетъ далѣе, что верховная церковная власть дѣйствительно всегда и принадлежала римскому епископу, что онъ всегда созывалъ соборы, наказывалъ, низлагалъ, даже проклиналъ епископовъ и патріарховъ, если они провинялись въ чемъ, что духовенство всего свѣта всегда обращалось къ римскому епископу, какъ къ высшему церковному суду и т. д. Этимъ кончается первая часть книги. Во второй авторъ указываетъ рядъ «отступленій» греческой церкви отъ римской, начиная съ первыхъ вѣковъ и до флорентійской уніи. Эти отступленія, или, какъ онъ ихъ еще называетъ, «расколы», росли, по мѣрѣ стремленій грековъ отдѣлиться отъ верховной власти римскаго епископа, по мѣрѣ ихъ стремленій къ самостоятельности, а сіи послѣднія—вмѣстѣ съ возвышеніемъ на востокѣ константинопольскаго патріархата. Вмѣстѣ съ внѣшнимъ усиленіемъ восточнаго патріар-

хата возростала буйная гордость константинопольскихъ патріарховъ, не хотѣвшихъ признавать законныхъ правъ намѣстника св. Петра. Стремленія патріарховъ къ автономіи поддерживались «жаждой мести, какую питали восточные императоры къ западу, освободившемуся отъ нихъ въ политическомъ отношеніи». Все это часто приводило Римъ и Константинополь въ взаимнымъ столкновеніямъ, временнымъ разрывамъ. Среди такихъ враждебныхъ отношеній патріарха и папы совершилось обращеніе въ христіанство славянскихъ племенъ: одни изъ нихъ были обращены римскими миссіонерами, другіе, въ томъ числѣ русскіе, греческими. Свои враждебныя отношенія къ латинянамъ греки передали теперь и русскимъ. Со времени окончательнаго раздѣленія церквей, греки прямо стали «навязывать» римской церкви разныя ереси, и чѣмъ дальше, все сильнѣе и настойчивѣе выражали «свое непокорство и свою вражду» къ католикамъ. Однако и греки по временамъ «не могли не сознавать своей неправоты, не могли не стремиться къ возсоединенію съ покинутой ими римской церковью». Отсюда рядъ попытокъ ихъ къ такому соединенію. Стремленія къ единству всего сильнѣе выразились на флорентійскомъ соборѣ, когда дѣйствительно состоялся актъ уніи грековъ съ латинянами. Стараніемъ доказать вселенскій характеръ флорентійскаго собора авторъ заканчиваетъ вторую часть своего труда. Здѣсь, какъ видимъ, вполнѣ уже высказываются историческіе пріемы изслѣдованія и практическія цѣли автора. «Восточная церковь, разсуждаетъ онъ, въ составъ которой входитъ и западно-русская, съ самой глубокой древности находилась въ единеніи съ церковью римскою и искони признавала установленныя самимъ Христомъ верховныя права римскаго первосвященника; буйная гордость восточныхъ патріарховъ и императоровъ произвели раздѣленіе церквей; раздѣленіе это есть отпаденіе отъ вселенской церкви только одного ея члена—церкви греческой: это вполнѣ сознавала и послѣдняя, и рядомъ попытокъ старалась возстановить прежнее единство. Попытки не привели ни къ чему; но западно-русская церковь должна видѣть сама, гдѣ истина. Западно-русская церковь соединилась со вселенской (римской) церковью при посредствѣ церкви греческой; теперь это связующее звено окончательно отпало отъ вселенскаго церковнаго организма, слѣд. западно-русская церковь должна отказаться отъ этого посредничества и сама собой,

непосредственно стать въ связь съ церковью вселенской (римской). Это особенно необходимо потому, что, благодаря своей многовѣковой связи съ церковью греческой, въ нее уже и такъ закрались и укоренились «великія заблужденія и ереси». Изложенію этихъ «великихъ заблужденій и ересей» авторъ и посвящаетъ третью и послѣднюю часть своей книги. Подтвержденіе своимъ выводамъ авторъ хочетъ найти въ собственной судьбѣ западно-русской церкви. Рядъ перечисляемыхъ авторомъ «заблужденій и ересей» въ современномъ западно-русскомъ православіи долженъ, по его мнѣнію, сильнѣе всего показывать, какъ опасно для него оставаться долѣе въ единеніи съ церковью греческой. Приводимый рядъ «заблужденій и ересей» очень длиненъ; однихъ догматическихъ ересей Скарга насчитываетъ въ западно-русской церкви 19-ть. Помимо догматики, еще больше «великихъ заблужденій» авторъ открываетъ въ ней со стороны практической, обыденной жизни. Такими «заблужденіями» являются, между прочимъ, невѣжество мѣстнаго православнаго духовенства, отсутствіе въ немъ всякаго образованія, распущенность пасомыхъ, общее внутреннее разстройство церкви. «Заблужденій» послѣдняго рода дѣйствительно было не мало, и на этой почвѣ западно-русскіе православные были беззащитны. Ни въ одной части своей книги авторъ не былъ такъ силенъ, какъ здѣсь. Помимо общей, основной причины «нестроеній» въ западно-русской церкви, ея давнишней связи съ церковью греческой, авторъ указываетъ и другія, болѣе частныя причины отмѣченныхъ нестроеній, это: семейная жизнь православныхъ священниковъ, славянскій языкъ и вмѣшательсто свѣтскихъ людей въ дѣла церковныя. Обремененные семействомъ, принужденные постоянно заботиться о его пропитаніи, православные священники совсѣмъ не имѣютъ времени ни на служеніе паствѣ, ни для своего личнаго образованія; отсюда ихъ собственное невѣжество и невѣжество ихъ пасомыхъ. Паства лишена проповѣди и всякаго вообще наученія, всякаго удовлетворенія своихъ духовныхъ погребностей. Потому и является въ средѣ православныхъ такое множество всякихъ ересей: отъ нихъ ни сами пастыри не умѣютъ защищаться, ни паству спасти. «Вообще на Руси, продолжаетъ разсуждать авторъ, наука пришла въ упадокъ и попы омужичились, и потому никакъ не могутъ приносить своей паствѣ той пользы, какая была-бы желательна». Много препятствуетъ этому,

по мнѣнію автора, и славянскій языкъ. «Есть только два языка, разсуждаетъ авторъ, греческій и латинскій, которые распространили св. вѣру во всемъ мірѣ; помимо этихъ языковъ нѣтъ другого, который могъ-бы быть пригоденъ и для науки вообще, и для науки духовной и церковной. Еще не было на свѣтѣ академіи или коллегіи, гдѣ-бы философія, богословіе, логика и другія свободныя науки преподавались по-славянски. Съ славянскимъ языкомъ нельзя сдѣлаться ученымъ. Да и что это за языкъ, котораго теперь никто не понимаетъ и не разумѣетъ писаннаго на немъ? На немъ нѣтъ ни грамматики, ни риторики—и быть не можетъ. Сами священники православные не понимаютъ теперь этого языка и спрашиваютъ объясненій по польски. Благодаря славянскому языку, у православныхъ нѣтъ другихъ школъ, какъ только самыхъ элементарныхъ, для обученія чтенію. Этимъ и ограничивается вся ихъ наука. Отсюда общее невѣжество и заблужденія. Да и естественно: съ славянскимъ языкомъ выходитъ, что «слѣпецъ слѣпца водитъ»... Общее церковное разстройство увеличивается еще отъ вмѣшательства въ церковныя дѣла свѣтскихъ лицъ: вслѣдствіе этого приходское духовенство находится въ униженіи и не можетъ достойно служить своему назначенію... Таковы многочисленныя заблужденія, ереси, нестроенія современной западно-русской церкви, въ которыя вовлекла ее за собою греческая восточная церковь. Но русская западная церковь—заканчиваетъ свое сочиненіе авторъ—разомъ можетъ выйти изъ своего теперешняго печальнаго состоянія и быстро достигнуть какъ мірскихъ, такъ и духовныхъ благъ: ей нужно для этого только соединиться съ римской [1])...

Книга Скарги для своего времени была явленіемъ чрезвычайно важнымъ. «Это сочиненіе Скарги, замѣчаетъ преосв. Макарій, послужившее прототипомъ для всѣхъ другихъ такихъ же сочиненій, написанныхъ потомъ іезуитами и уніатами, и отличавшееся, по крайней мѣрѣ, кажущеюся исторической ученостью и краснорѣчіемъ, могло производить глубокое впечатлѣніе на русскихъ, почти вовсе незнакомыхъ съ церковною исторіей. И авторъ не безъ основанія разсчитывалъ на успѣхъ своей книги. Книга дѣйстви-

---

[1]) *Преосв. Макарія,* Ист. рус. церкви, т. IX, стр. 369—371. *Завитневича,* Палинодія Захарія Копыстенскаго и пр. Варшава, 1883 г., стр. 36—48.

тельно находила въ средѣ православныхъ значительное число читателей; по крайней мѣрѣ, во второмъ изданіи Скарга горячо заявляетъ, что его книга «многимъ русскимъ принесла пользу, раскрыла имъ глаза, и что многіе изъ нихъ не перестаютъ спрашивать о ней». На силу вліянія книги на православныхъ можетъ указывать и тотъ фактъ, что многіе изъ нихъ скупали ее и жгли...

Энергичная пропаганда іезуитовъ очень скоро начала приносить плоды. Прежде всего іезуиты поколебали протестантство, которое быстро стало падать въ странѣ. Найболѣе могущественные поборники протестантскихъ идей перешли въ католичество. Такъ Варшевицкимъ былъ обращенъ въ католичество прежде заклятый врагъ его, кальвинистъ Ходкевичъ; Петръ Скарга привелъ обратно «къ послушанію римскому престолу» малолѣтнихъ дѣтей Николая Радзивилла Чернаго, наслѣдниковъ громадныхъ владѣній. Оба случая были блестящими побѣдами іезуитовъ. Скоро возвращены были «въ лоно вселенской римской церкви» и многіе другіе пропагандисты протестантства—Сапѣги, Сангушки, Часловскіе и пр.

Дѣятельность іезуитовъ стала быстро сказываться и въ средѣ православныхъ. Больше всего помогало этому воспитаніе юношества; воспитаніе это іезуиты теперь окончательно взяли въ свои руки. Іезуитскія школы были переполнены дѣтьми православныхъ; правда, родители скоро стали раскаиваться въ этомъ, когда увидѣли, что іезуиты изъ своихъ православныхъ учениковъ «мало не всѣхъ», пользуясь ихъ малолѣтствомъ, «намовя ихъ хитролестнѣ», отвратили «отъ родной вѣры и перекрестили въ свое полувѣріе», но это было уже позднѣе: на первыхъ порахъ опасность, повидимому, не вполнѣ сознавалась. Успѣхи іезуитовъ сосредоточивались преимущественно въ высшихъ классахъ, и были здѣсь самые блестящіе: въ какіе нибудь 40—50 лѣтъ, послѣ своего появленія въ Вильнѣ, іезуиты оторвали отъ западно-русской православной церкви почти всю мѣстную аристократію. Въ 1610 году западно-русская православная церковь такъ перечисляла свои потери, понесенныя ею отъ іезуитовъ. «гдѣ тотъ безцѣнный камень, который я, вмѣстѣ съ другими перлами, какъ солнце между звѣздами, носила въ коронѣ на головѣ моей, гдѣ домъ князей Острожскихъ, сіявшій болѣе всѣхъ другихъ блескомъ своей старожитной вѣры? Гдѣ и другіе драгоцѣнные камни моей короны, роды князей Слуцкихъ, Заславскихъ, Збаражскихъ,

Вишневецкихъ, Сангушекъ, Чарторыжскихъ, Пронскихъ, Рожинскихъ, Соломерецкихъ, Головчицкихъ, Каширскихъ, Массальскихъ, Горскихъ, Єоколинскихъ, Лукомскихъ, Пузыновъ и другихъ, которыхъ перечислять было-бы очень долго? Гдѣ прочія мои драгоцѣнности, гдѣ древніе, родовитые, сильные, во всемъ свѣтѣ славные своимъ мужествомъ и доблестью, Глѣбовичи, Ходкевичи, Кишки, Сапѣги, Дорогостайскіе, Войны, Воловичи, Зѣновичи, Пацы, Халецкіе, Тышкевичи, Корсаки, Хрептовичи, Тризны, Горностаи, Мышки, Гойскіе, Сѣмашки, Гулевичи, Ярмолинскіе, Калиновскіе, Кирдеи, Загоровскіе, Мелешки, Боговитины, Павловичи, Сосновскіе, Скумины, Поцѣи?» [1])...

Таковы были результаты люблинской уніи. И протестантство и католичество, съ іезуитами во главѣ, были крайне гибельны для западно-русскаго православія, потому что они нашли западно-русскую православную церковь въ сильной степени собственнаго внутренняго разстройства. По выраженію патр. Іоакима въ его грамотѣ, западно-русскіе православные къ этому времени «оскудѣли всѣми благами». «Оскудѣніе» дѣйствительно было крайнее и заключалось какъ въ отсутствіи общественнаго образованія въ средѣ православныхъ, такъ и въ сильной деморализаціи высшей іерархіи западно-русской церкви.

Въ то время, когда социніане и іезуиты покрывали сѣтью своихъ школъ юго-западную и западную Русь, у православныхъ ея обитателей, повидимому, не было никакихъ собственныхъ средствъ къ образованію. Православныхъ школъ, кромѣ развѣ самыхъ элементарныхъ, долгое время не было; по крайней мѣрѣ, до 70 гг. XVI столѣтія во всей литовско-русской митрополіи не встрѣчается ни одного училища для православныхъ дѣтей [2]). Поступившіе въ духовное званіе ограничивались одною начальною грамотностью, и учились ей, вѣроятно, у различныхъ «отцевъ и мастеровъ» на дому, какъ это въ то время было и въ московской Руси. Общественныхъ православныхъ школъ не существовало не только для дѣтей низ-

---

[1]) *Преосв. Макарія,* Ист. рус. церкви, т. X, стр. 408—409.
[2]) *Преосв. Макарія,* Ист. рус. церкви, т. IX, стр. 299 и 410.

шаго православнаго населенія, но и для дѣтей высшихъ классовъ общества. Поневолѣ приходилось отдавать дѣтей въ іезуитскія школы и коллегіи. Въ отсутствіи православныхъ школъ современники видѣли главную причину внутренняго церковнаго разстройства и отпаденія въ католичество высшихъ слоевъ общества. «То вельми зашкодило паньству русскому, читаемъ въ памятникѣ первыхъ годовъ XVII вѣка, же не могли школъ и наукъ посполитыхъ (общенародныхъ) розширяти и оныхъ не фундовано: бо коли-бъ были науку мѣли, не пришли-бъ до таковой погибели. Читаючи кроники польскія, знайдешь о томъ достаточнѣ, якъ поляци русскія паньства пообсѣдали, попріятелѣвшися зъ ними и цурки своя (своихъ дочерей) за русиновъ давши, чрезъ нихъ свои обычаи оздобные и науку укоренили,—русь, посполитовавшись (здружившись) зъ ними, позавидѣли ихъ обычаямъ, ихъ мовѣ и наукамъ, и не маючи своихъ наукъ, въ науки римскія дѣти давати почали, которые зъ науками и вѣрѣ ихъ навыкли, та́къ по малу малу науками своими все паньство руськое до вѣры римской привели, потомкове княжатъ русскихъ зъ вѣры православной на римскую выкрестились и назвиска и имена собѣ поотмѣняли, якобы николи не зналися быти потомками благочестивыхъ прародителей своихъ» [1])...

У западно-русскихъ православныхъ было мало самыхъ книгъ на славянскомъ языкѣ. Собственной мѣстной литературы во все продолженіе XIV—XV вв. не возникало; письменность ограничивалась немногими грамотами оффиціальнаго характера и лѣтописями [2]). До половины XVI вѣка западно-русское православное общество должно было довольствоваться списываніемъ и употребленіемъ тѣхъ книгъ и сочиненій, которыя случайно заходили сюда изъ Руси московской, да и такихъ книгъ было не много. Въ обществѣ чувствовался крайній недостатокъ въ переводахъ важнѣйшихъ твореній отцевъ церкви.

---

[1]) „Перестрога“ (1600—1605 г.),—Акты зап. Россіи, т. IV, № 148, стр. 204—205. Говоря предъ этимъ о первомъ распространеніи на Руси христіанства, авторъ замѣчаетъ: „были (на Руси) великіе ревнители, яжъ много зъ великимъ коштомъ церквей и монастырей намуровали и маетностями опатрили (надѣлили), золотомъ, серебромъ, перлами и дорогими каменями церкви пріоздобили (пріукрасили), книгъ языкомъ словенскимъ великое множество нанесли,—лечъ того, что было найпотребнѣйшее, школъ посполитыхъ не фундовали“...

[2]) *Преосв. Макарія*, Ист. рус. церкви, т. IX, стр. 137 - 299.

Курбскій не могъ найти «и десятой части книгъ учителей нашихъ старыхъ», которыя оставались непереведенными—«лѣности ради и нерадѣнія властелей нашихъ».... Славянскихъ книгъ было мало въ западно-русскомъ обществѣ и по другимъ причинамъ, чисто мѣстнымъ: католики всячески старались уничтожать ихъ. Именно на это и указываетъ авторъ «Апокрисиса», какъ на причину, почему онъ посвящаетъ свою книгу Яну Замойскому: имя могущественнаго магната должно было сохранить ее отъ истребленія. О томъ-же говоритъ и авторъ «Перестроги»: «въ самомъ Краковѣ корунномъ, замѣчаетъ онъ, и въ костелахъ римскихъ книгъ словенскихъ великими склепами знайдешь замкненыхъ, которыхъ въ свѣтъ не выпустятъ, также есть и во Львовѣ у мниховъ доминиковъ склепъ великій книгъ нашихъ словенскихъ учительныхъ, до купы възнесенныхъ» [1]....

Помимо недостатка образованія въ общей массѣ населенія, величайшимъ несчастіемъ западно-русской церкви была ея тогдашняя іерархія. Злоупотребленія польскихъ королей и польско-литовскихъ магнатовъ правомъ патронатства принесли свои плоды. Къ концу XVI вѣка въ юго-западной Руси со всѣхъ сторонъ слышатся самыя рѣзкія обличенія представителямъ мѣстной церкви и сожалѣнія при видѣ бѣдственнаго положенія, до котораго дошла западно-русская церковь, по небреженію «оплотовъ» своихъ. Въ 1580 году, въ предисловіи къ своей Библіи, кн. К. К. Острожскій, говоря о побужденіяхъ къ этому изданію, пишетъ: «Видѣхъ церковь Христову, честною кровію Его искупленную, отовсюду враги противящимися попираему и нещадными волки, пришедшими въ міръ, безъ милосердія пожираему... Кто бо есть отъ благодарныхъ и благоразумныхъ, его же не подвиже жалость, зряще ветхость церкве Христовы, на паденіе клонящуся, или кто не смирится и не смутится, видя виноградъ, Богомъ насажденный, его же объимаютъ вси мимоходящіи путемъ, разоренія ради оплотовъ его?... Различныя супостаты и многообразныя лукавства обстоятъ ны» [2].... Какъ относились къ нуждамъ мѣстной православной церкви ея «оплоты»,

---

[1]) „Перестрога",—Акт. зап. Рос., т. IV, № 149, стр. 204.

[2]) Предисловіе къ Острожской Библіи 1580—1581 гг., л. 9. *Е. Строева*, Обст. опис. старопечатныхъ книгъ славянскихъ библіотеки гр. Толстаго, М. 1829 г., стр. 54—55.

можно видѣть изъ посланія галицко-русскихъ дворянъ къ кіевскому митрополиту Онисифору Дѣвочкѣ въ 1585 году. Упомянувъ о насиліяхъ и притѣсненіяхъ православнымъ въ Львовѣ отъ католиковъ, дворяне продолжаютъ: «А что сказать о поруганіи св. крестовъ, объ отобраніи колоколовъ въ замокъ и отдачѣ ихъ жидамъ? И ты еще самъ даешь отвореные листы на помощь жидамъ противъ церкви Божіей, къ потѣхѣ ихъ и къ большему поруганію нашего св. закона... Какія при томъ совершаются опустошенія церквей! Изъ церквей дѣлаются іезуитскіе костелы... Въ честныхъ монастыряхъ, вмѣсто игуменовъ и братій, живутъ игумены съ женами и дѣтьми... Изъ того, что отдано въ честь и хвалу Богу, совершаютъ святокрадства, дѣлаютъ себѣ пояса, ложки, злочестивые сосуды для своихъ похотей, изъ ризъ дѣлаютъ саяны, изъ епитрахилей бармы.... Въ великій епископскій санъ возводятся люди негодные, которые, къ поруганію св. закона, на епископскомъ сѣдалищѣ живутъ безъ всякаго стыда съ женами и дѣтей рождаютъ. И множество иныхъ и иныхъ великихъ бѣдъ и нестроеній, о чемъ мы къ сожалѣнію теперь писать не можемъ. Епископовъ наставилось много, по два на каждую каѳедру, оттого и порядокъ сгибъ.... Бога ради осмотрись, вспомни святыхъ твоихъ предмѣстниковъ, митрополитовъ кіевскихъ, и возревнуй ихъ благочестію... Намъ жаль души твоей... Даемъ знать твоей милости, прибавляютъ въ заключеніе дворяне, что архиепископія кіевская, сущая нынѣ подъ твоею властью, отдана нѣкоему еретику жолнеру, а архимандритія Уневская обѣщана такомуже»[1]... Или вотъ что писали спустя семь лѣтъ, въ 1592 году, львовскіе братчики константинопольскому патріарху Іереміи, жалуясь на притѣсненія отъ мѣстнаго епископа Гедеона: «непрестанными бѣдами томитъ насъ, между всякими чиновными людьми оклеветалъ насъ, тако что мы не можемъ сооружать ни церкви, ни школы, какъ бы слѣдовало, и потому мы отпустили нашихъ дидаскаловъ, Кирилла въ Вильну, Лаврентія въ Брестъ, а другіе разошлись по другимъ мѣстамъ, и только Стефанъ остался здѣсь»... А указывая далѣе на недостойную жизнь и другихъ православныхъ епископовъ, что напр. «епископъ Холмскій и Пинскій живутъ съ женами, еще и

---

[1]) *Акт. зап. Рос.*, т. III, № 156. *Преосв. Макарія*, Ист. рус. церкви, т. IX, стр. 476—477.

Перемышльскій епископъ съ женою на епископство возведенъ», тѣ-же братчики пишутъ патріарху: «церковь сильно смущается; люди сановитые, впавшіе въ разныя ереси и хотѣвшіе возвратиться къ своему правовѣрію, нынѣ отказываются отъ того, порицая церковное безчиніе, а всѣ люди единогласно говорятъ: если не исправится въ церкви беззаконіе, то въ конецъ розъидемся, отступимъ подъ римское послушаніе и будемъ жить въ безмятежномъ покоѣ»... «Да вѣдаетъ твоя святыня, продолжаютъ взывать братчики во второмъ своемъ посланіи къ патріарху, отправленномъ вслѣдъ за первымъ, въ томъ же 1592 году,—что у насъ такъ называемые святители суть по истинѣ сквернители, обѣщавшись иночествовать, живутъ невозбранно съ женами..., другіе прижили дѣтей съ блудницами. Если таковы святители, то какимъ же быть священникамъ?... Епископы похитили себѣ архимандритства и игуменства, ввели въ монастыри своихъ родственниковъ и мірскихъ урядниковъ, истощили всѣ церковныя имѣнія и упразднили иночество... Церковь наша православная является исполненною всякаго зловѣрія, и люди смущаются недоумѣніемъ, не настоитъ ли время погибели. Многіе утвердили совсѣмъ предаться римскому единоначальному архіерейству и пребывать подъ папою римскимъ... Власть мірская потрясла всѣ наши города, и готовятся совершать по своему хотѣнію. Народъ-же разсуждаетъ, что вѣра Христова можетъ правовѣрно исповѣдываться и подъ римскою властью, какъ было изначала, потому что во многоначаліи нашемъ безначаліе обрѣтается, отеческіе законы попраны и ложь лицемѣрствующихъ православіемъ учителей покрыла церковь» [1]... «Не стало у насъ учителей, не стало проповѣди слова Божія, не стало науки», пишетъ кн. К. К. Острожскій къ Ипатію Поцѣю въ 1593 году, наканунѣ брестской уніи: «пришло наконецъ на насъ то, что у насъ не остается ничего, чѣмъ бы мы могли утѣшиться въ нашемъ законѣ. Слѣдуетъ намъ сказать словами пророка: кто дастъ главѣ нашей воду и очесамъ нашимъ источникъ слезъ, чтобы мы могли оплакивать день и ночь обнищаніе и упадокъ нашей вѣры и закона? Все ниспроверглось и упало, со всѣхъ

---

[1]) *Акт. зап. Россіи*, т. IV, № 33, стр. 42—47. *Преосв. Макарія*, Ист. рус. церкви, т. IX, стр. 522—526.

сторонъ скорбь, сѣтованіе и бѣда, и если не будемъ заботиться, Богъ вѣсть, что съ нами будетъ» [1])...

Чѣмъ ближе къ 1596 году, тѣмъ ярче и безотраднѣе возникаетъ передъ нами картина бѣдственнаго состоянія западно-русской церкви. Высшіе классы измѣнили православію, представители іерархіи очутились въ крайней степени нравственнаго безсилія и паденія, «оплоты» церкви рушились, нѣтъ учителей, нѣтъ проповѣди, нѣтъ науки! Все сильнѣе и сильнѣе развивается религіозный индифферентизмъ, многіе открыто заявляютъ о своемъ желаніи отдаться Риму, о готовности принять унію....

При такихъ обстоятельствахъ совершилась въ Брестѣ, въ 1596 году, религіозная унія, этотъ «насильственный и самый горькій плодъ тѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, среди которыхъ протекала жизнь западно-русской митрополіи со времени отдѣленіи ея отъ московской».

Но нѣтъ худа безъ добра... То, что способствовало крайнему обезсиленію западно-русской церкви, косвенно въ то же время было причиною ея внутренняго нравственнаго возрожденія. Быстрыя побѣды надъ западно-русскимъ православіемъ сначала со стороны протестанства, потомъ католичества и въ частности іезуитовъ, тѣмъ самымъ вызвали на защиту родной вѣры новыя силы. Овладѣвши безъ большаго труда высшимъ слоемъ общества, найдя прямую поддержку своимъ цѣлямъ въ корыстныхъ и эгоистичныхъ представителяхъ мѣстной православной іерархіи, іезуиты, при всѣхъ усиліяхъ, не могли привлечь на свою сторону собственно народъ, господствующую массу западно-русскаго населенія, городскаго и сель-

---

[1]) *Акты зап. Россіи,* т. IV, № 45, стр. 63—66. Въ „Перестрогѣ“ читаемъ: „Наступовали на столицѣ митрополитове и епископове неискусные, не такіе, якіе исперва бывали... лѣнивые и недобрые настали и за ними порядки церковные у забвеніе пришли. Книги тые, що еще ихъ позостало, порохомъ припали, и все набоженство пришло ко взгордѣ, такъ нжъ не тылько шляхецкого, але и простого люде стану у иновѣрство и отщепенство приходили, отъ духовныхъ соблазнени будучи“ .. „Перестрога“, пам. 1600—1605 гг. Акты зап. Россіи, т. IV, № 149, стр. 205.

скаго, напротивъ, своими происками и насиліями они вызвали въ этой массѣ открытый протестъ и такія силы на защиту своей исконной вѣры, какихъ, повидимому, никакъ не предполагали.

Защитникомъ православія выступило среднее сословіе западнорусскаго общества, городское населеніе, въ лицѣ церковныхъ братствъ.

Начальная исторія западно-русскихъ церковныхъ братствъ не достаточно выяснена. Общественная жизнь въ литовскихъ и западно-русскихъ городахъ издавна была довольно развита. По примѣру западной Европы, здѣсь издавна существовали промысловые и торговые союзы или цехи, члены коихъ всегда принимали значительное участіе въ церковно-приходскихъ дѣлахъ; образованію ихъ способствовало введенное во многихъ городахъ Литовской Руси магдебургское право, занесенное сюда изъ нѣмецкихъ городовъ нѣмцами-переселенцами. Существованіе магдебургскаго права сильнѣе всего способствовало развитію въ юго-западной Руси общественно-городской жизни. Сущность этого права въ томъ, что управленіе городомъ въ значительной степени переходило въ руки самихъ горожанъ. Нужно думать, что въ связи съ этими особыми условіями общественной жизни западно-русскихъ городовъ и возникли упомянутыя церковныя братства. Точнаго момента ихъ возникновенія указать нельзя; первыя историческія извѣстія о нихъ относятся къ половинѣ XV вѣка. Случайное извѣстіе этого времени указываетъ на существованіе двухъ такихъ братствъ—одного въ Львовѣ, другого въ Вильнѣ [1]). На первыхъ порахъ, судя по сохранившимся извѣстіямъ, братства эти являлись съ характеромъ учрежденій церковно-хозяйственныхъ или религіозно-филантропическихъ. Братчики, въ среду которыхъ на первыхъ порахъ принимались и люди католическаго вѣроисповѣданія, даже католическіе духовные [2]), исключительно заботятся о нуждахъ своего прихода и своей церкви; вмѣстѣ съ тѣмъ, братства примыкаютъ къ торговымъ и промышленнымъ городскимъ гильдіямъ, нося на себѣ ка-

---

[1]) *Преосв. Макарія,* Ист. рус. церкви, т. IX, стр. 32. Извѣстно, что братчины и братчинные пиры существовали и въ древней сѣверо-восточной Руси. См. *Соловьева,* Ист. Россіи, т. VII, стр. 142—143.

[2]) *Преосв. Макарія,* Ист. рус. церкви, т. IX, 35, 260.

кой-то торгово-промышленный отпечатокъ. На послѣднее указываютъ самыя названія древнѣйшихъ братствъ: «кушнерское», «кожемяцкое», «купецкое», панское» и т. д. Впрочемъ, каковъ бы ни былъ первоначальный характеръ западно-русскихъ церковныхъ братствъ, уже очень скоро, съ половины XVI вѣка, для многихъ изъ нихъ главною, вполнѣ сознательною цѣлью дѣятельности становится распространеніе въ мѣстномъ православномъ населеніи образованія и защита православія, а вмѣстѣ и своей народности, отъ усилившейся въ это время пропаганды іезуитовъ. На этотъ новый характеръ дѣятельности братствъ ясно указываютъ «чинъ львовскаго братства» 1586 года и «чинъ виленскаго братства» 1588 года [1]). Главнымъ своимъ дѣломъ братства считаютъ заведеніе школъ и типографій, составленіе и печатаніе церковно-богослужебныхъ и духовно-нравственныхъ книгъ, развитіе учебной литературы и борьбу путемъ литературной полемики съ католичествомъ. «Борьба съ протестантствомъ и латинствомъ, замѣчаетъ Чистовичъ, придала этимъ бытовымъ и филантропическимъ учрежденіямъ религіозный характеръ, а унія еще тѣснѣе сплотила эти союзы и направила ихъ къ охранѣ церкви православной. При отпаденіи аристократическихъ родовъ въ протестанство и латинство, среднее сословіе, купцы и мѣщане, сомкнулись тѣснѣе, соединяя бытовые интересы съ церковными и не щадя ни силъ, ни средствъ на помощь нуждамъ церкви [2]).

Упомянутыя древнѣйшія братства, львовское и виленское, были первыми, выступившими на поприще общественно-церковной дѣятельности, съ оффиціальнымъ характеромъ учрежденій, признанныхъ и утвержденныхъ церковной властью. Львовское было утверждено антіохійскимъ патріархомъ Іоакимомъ въ 1585 году, виленское константинопольскимъ патріархомъ Іереміею въ 1588 году. Оба братства были поставлены въ непосредственную зависимость отъ самихъ патріарховъ и надѣлены были, вслѣдствіе этого, обширными полномочіями [3]).

---

[1]) Изложеніе этихъ „чиновъ“ см. у *Пре. Макарія,* т. IX, стр. 412—419.

[2]) *Чистовича,* Очеркъ исторіи западно-русской церкви, т. II, Спб., 1884 г., т. II, стр. 2—3.

[3]) *Чистовича,* Очеркъ исторіи, т. II, стр. 3, 399. Объ отношеніяхъ западно-русскихъ братсгвъ къ мѣстной церковной іерархіи. См. также: *Кояловича,* Лит. церк. унія, т. I, 65—66, 60; *его же,* Чтенія по ист. зап. Россіи, стр. 203—

Рядомъ съ братствами львовскимъ и виленскимъ, уже очень рано въ самой Вильнѣ видимъ нѣсколько другихъ братствъ, какъ упомянутыя «кушнерское», «кожемяцкое», «купецкое» и т. п. Борьба съ католичествомъ и особенно опасность приближающейся уніи быстро увеличивали число братствъ. Конецъ XVI и первые годы XVII вѣка— время ихъ найбольшаго развитія. Вотъ историческія справки: въ 1579 году возникаетъ братство въ Мстиславлѣ, въ 1582 г. братство росское на предмѣстьи Вильны Росѣ, а также въ Гологорскѣ и Гроднѣ, въ 1589 г. «кушнерское» братство въ Могилевѣ, въ 1591 г. въ Брестѣ, въ 1592 г. въ Минскѣ, Кричевѣ, Оршѣ и Перемышлѣ, въ 1594 году, въ грамотѣ мѣстнаго брестскаго собора, упоминается цѣлый рядъ новыхъ братствъ, неизвѣстно когда возникшихъ, но очевидно существовавшихъ уже въ это время, каковы красноставское, гольшанское, городецкое, галицкое, бѣльское и «многія» другія [1]). Вслѣдъ за брестской уніей 1596 года, какъ протестъ противъ нея, открываются новыя братства въ 1597 году въ Минскѣ, въ 1615 г. въ Кіевѣ, въ 1617 г. Луцкѣ и т. д.

Всѣ эти быстро возникшія братства имѣли въ общемъ одинаковое внутреннее устройство и преслѣдовали одни и тѣже цѣли. Дѣятельность ихъ главнымъ образомъ направлялась на поднятіе образованія въ мѣстномъ православномъ населеніи и на борьбу съ католической пропагандой. Въ видахъ того и другого, братства больше всего заботились о распространеніи въ краѣ православныхъ школъ и типографій.

Какъ было уже замѣчено, образованіе въ юго-западной Руси въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ находилось въ крайнемъ упадкѣ и до 70-хъ годовъ XVI столѣтія во всей литовско-русской митрополіи не было правильно организованныхъ общественныхъ школъ для православнаго населенія, а были только частные «мастера», у кото-

---

204. *Преосв. Макарія,* Ист. рус. церкви, т. IX, стр. 421—519. Какимъ значеніемъ пользовалось среди мѣстнаго православнаго населенія напр. львовское братство, можно видѣть изъ посланія къ братству перемышльскаго епископа Михаила Копыстенскаго; см. *Преосв. Макарія,* Ист. рус. церкви, т. IX, стр. 528—529.

[1]) *Флерова,* О православныхъ церковныхъ братствахъ, противодѣйствовавшихъ уніи въ юго-зап. Россіи, Спб., 1857 г., стр. 22, 399. *Кояловича,* Лит. церк. унія, т. I, стр. 112. *Преосв. Макарія,* Ист. рус. церкви, т. IX, стр. 416, 509, 532—533, 546.

рыхъ на дому учились начальной грамотѣ преимущественно поступавшіе въ духовное званіе [1]). Православныя школы начинаютъ появляться въ Литвѣ и юго-западной Руси лишь съ началомъ просвѣтительной дѣятельности братствъ, и на первыхъ порахъ, по почину частныхъ лицъ. Около 1572 года кн. К. К. Острожскій открылъ на свои средства начальную школу въ Туровѣ, а спустя нѣсколько лѣтъ, въ 1577 году, другую школу во Владимірѣ-Волынскомъ. Въ 1580 году имъ же были основаны двѣ «высшія» школы въ Острогѣ и Слуцкѣ, обѣ на собственныя средства князя. Въ 1586 году, по образцу этихъ школъ, львовское братство открыло собственную школу.

До насъ сохранился уставъ этой братской школы, утвержденный патр. Іереміею въ 1586 году [2]). По уставу, учитель долженъ «не только обучать чтенію и письму, но и грамматикѣ, риторикѣ, діалектикѣ, музыкѣ, св. евангелію и книгамъ апостольскимъ», и по всѣмъ этимъ предметамъ выдавать ученикамъ «записки»; кромѣ того, послѣ обѣда, учитель обучалъ воспитанниковъ «пасхаліи, ариѳметикѣ и церковному пѣнію». По праздникамъ и въ воскресные дни дѣтямъ объяснялось значеніе праздниковъ, а также толковались положенныя на тѣ дни чтенія евангельскія и апостольскія. Изъ устава не видно, чтобы въ львовской школѣ преподавался латинскій языкъ; называлась она «школой греческаго и славянскаго письма». Судя по характеру преподаванія учебныхъ предметовъ, думаютъ, что эта школа была, если не изъ высшихъ, то средняя [3])... Въ 1588 году такую-же школу открыло у себя братство виленское. Въ этой школѣ преподавался уже и латинскій языкъ, какъ видно изъ письма виленскихъ братчиковъ къ львовскимъ братчикамъ въ 1619 году [4]); для этой школы, какъ извѣстно, въ 1619 г. Мелетій Смотрицкій, бывшій въ это время преподавателемъ школы, составилъ свою знаменитую «славянскую грамматику». Въ 1591 году возникаетъ школа при братствѣ брестскомъ, для обученія дѣтей русскому языку, почему и называлась въ грамотахъ «русскою школой» [5]); впрочемъ, школа

---

[1]) *Акты зап. Россіи,* т. IV, № 48, отр. 69.

[2]) Напечатанъ въ *Акт. зап. Россіи,* т. II, стр. № 154.

[3]) *Преосв. Макарій,* Ист. рус. цер., т. IX, стр. 415.

[4]) *Акты зап. Россіи,* т. IV, № 217.

[5]) *Акты зап. Россіи,* т. IV, № 28.

брестская уже въ 1597 году, королевскимъ приказомъ, отдана была Ипатію Поцѣю, «чтобы онъ постерегалъ, аже-бы тамъ наука добрая и порядокъ слушный во всемъ быти моглъ» [1]), т. е. для превращенія православной школы въ уніатскую. Въ 1592 году была открыта школа при братствѣ минскомъ, «для науки, т. е. наученья дѣтокъ малыихъ»; братству позволялось въ школѣ «бакаляра ховати и тамъ дѣтей письму греческому и русскому учити» [2]). Кромѣ этой, повидимому, весьма незначительной и, кажется, вскорѣ прекратившейся школы, въ Минскѣ-же при другомъ братствѣ существовала другая школа, возникшая вмѣстѣ съ братствомъ въ 1613 году [3]). Отъ этого другого минскаго братства до насъ сохранился любопытный протестъ, поданный братчиками на монаховъ одной уніатской церкви, по поводу насилій и оскорбленій, какія терпѣли ученики братской православной школы отъ учениковъ уніатской школы: братство жалуется, что уніатскіе монахи научаютъ «выростковъ и хлопятъ своее школы» ловить братскихъ школьниковъ и дѣлать имъ всевозможныя обиды, уніатскіе ученики, «слушаясь чернѣцовъ бакаляровъ своихъ», схватывали православныхъ дѣтей по улицамъ, «били ихъ и кровавили безнаказанно» [4]). Въ 1592 году устроена была школа въ Перемышлѣ, въ 1594 г. въ Бѣльскѣ. Въ 1597 году возникшее братство въ Могилевѣ, вмѣстѣ съ утвержденіемъ своего существованія, выхлопотало особую грамоту, которою учреждалась при братствѣ школа «для безмезднаго обученія дѣтей вписныхъ братій и убогихъ сиротъ языку и письму славянскому, русскому, греческому, латинскому и польскому» и позволялось «держать ученыхъ людей, духовныхъ и свѣтскихъ, для преподаванія въ школѣ и для проповѣди слова Божія» [5])... Братская могилевская школа, нѣсколько разъ, по навѣтамъ уніатовъ, перемѣнявшая свое мѣсто въ городѣ, существовала однако до позднѣйшаго времени и служила въ свое время «однимъ изъ самыхъ твердыхъ оплотовъ православія въ краѣ». Въ 1615 году возникаетъ братство и при немъ школа, будущая академія, въ Кіевѣ; въ 1617 году открывается школа при луцкомъ

---

1) *Акты зап. Россіи,* т. IV, № 122.
2) *Акты зап. Россіи,* т. IV, № 36.
3) *Собр. грам. и актовъ минской губ.* № 123; ср. также № 65.
4) *Собр. грам. и актовъ минской губ.,* № 62.
5) *Акты зап. Россіи,* т. IV, № 119.

братствѣ; въ 1624 году луцкая братская школа составила для себя «уставъ, утвержденный королемъ и дошедшій до насъ подъ названіемъ: «Артикулы правъ школы греко-латино-славянской луцкой и порядокъ школьный» [1]). Въ 1634 году луцкое братство подверглось жестокому нападенію іезуитовъ и уніатовъ: послѣ праздничной процессіи нѣсколько членовъ іезуитской коллегіи, собравъ толпу до ста человѣкъ, вооруженные напали на братство, опустошили церковь, школу, больницу, нещадно избили игумена, монаховъ, старцевъ, учениковъ—всѣхъ, «абы только былъ русинъ» [2])... Луцкое братство и школа существовали около ста лѣтъ, пока наконецъ въ 20-хъ гг. прошлаго вѣка не были отданы уніатамъ [3]). Въ 1633 году открывается новая школа при братствѣ пинскомъ, въ 1649 г. при оршанскомъ и т. д. [4]).

Внутреннее устройство всѣхъ этихъ школъ, нужно думать, было въ общихъ чертахъ одинаково. Помимо упомянутаго устава львовской школы, которая, впрочемъ, въ ряду другихъ братскихъ школъ считалась «высшей», нѣкоторое понятіе объ устройствѣ братскихъ школъ можетъ дать дошедшій до насъ «уставъ» луцкой школы, 1620 года. По правиламъ этого устава, «въ школѣ учатъ только наукамъ и добродѣтели; поэтому запрещается ученикамъ имѣть какіе-либо инструменты и ими заниматься, а также, для пріобрѣтенія и соблюденія истинныхъ добродѣтелей, основывающихся на православіи, они не должны имѣть у себя никакихъ иновѣрческихъ и еретическихъ книгъ»... Ученики дѣлились въ школѣ на три отдѣленія: одни учились «литерамъ и складамъ», другіе «читали на память»; третьи «выкладывали, разсуждали, разумѣли». Утромъ, послѣ молитвы, каждый долженъ прочитать свой вчерашній урокъ предъ учителемъ и показать ему свою тетрадь, на которой онъ переписалъ дома тотъ урокъ, «затѣмъ долженъ учиться, подъ руководствомъ учителя, псалтыри, грамматикѣ и другимъ наукамъ»... Учитель обязанъ выдавать ученикамъ «въ запискахъ ученія отъ св. евангелій, посланій апостольскихъ, пророковъ, св. отецъ,

---

1) *Памятники Кіевской ком.*, т. I, отд. I, Кіевъ, 1847 г., стр. 83—115.

2) *Пам. Кіев. ком.*, т. I, стр. 204—224.

3) *Флерова,* О правосл. церковныхъ братствахъ и пр., стр. 103—104.

4) Тамъ-же, стр. 107.

философовъ, поэтовъ, историковъ и проч.» Суббота употреблялась на повтореніе пройденнаго въ теченіе недѣли; кромѣ того въ этотъ же день «учились пасхаліи и луннаго теченія и церковному пѣнію»... Въ дни воскресные и праздничные «учитель долженъ разсказать дѣтямъ о праздникѣ и учить волѣ Божіей, послѣ же обѣда объяснить евангеліе и апостолъ того праздника». Изъ числа учениковъ выбирали на каждую недѣлю двоихъ или четверыхъ, по очереди, чтобы они подметали и отапливали школу, сидѣли у дверей и замѣчали поздно приходящихъ и рано выходящихъ, также не знающихъ уроковъ, шалуновъ въ классѣ, на улицахъ и въ церкви». Часто опускающаго классы въ школу не принимали... Порядокъ наукъ въ школѣ былъ слѣдующій: «научивши учениковъ складывать литеры, начинали обучать ихъ церковному пѣнію и вмѣстѣ грамматикѣ; затѣмъ приступали къ риторикѣ и діалектикѣ, которыя должны были излагаться на языкѣ славянскомъ; а списавши по русски риторику и діалектику, можно было переходить къ другимъ частямъ философіи»... Ученики каждый день должны были говорить по гречески или по словенски, а не простою мовою» [1]... Такимъ образомъ, курсъ преподаванія въ братскихъ школахъ могъ быть, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, довольно обширнымъ. Въ школахъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ, преподавались: ариѳметика, грамматика, поэзія, риторика, діалектика и другія части философіи [2]). Въ нѣкоторыхъ изъ братскихъ школъ, «высшихъ», курсъ преподаванія повидимому расширялся даже до полнаго объема такъ называемыхъ семи «свободныхъ наукъ», какъ это можно предполагать изъ грамоты, данной въ 1592 году польскимъ королемъ львовскому братству на право содержать школу «pro tractandis liberis artibus» [3]). Подъ семью «свободными науками» разумѣлись: грамматика, логика, риторика, географія, ариѳметика, астрономія, музыка. Но вообще главнѣйшее вниманіе въ братскихъ школахъ обращалось на преподаваніе св. писанія, изученіе твореній отцевъ церкви, церковнаго устава, чтенія и пѣнія [4]). Изъ языковъ, кромѣ русскаго и славян-

---

[1]) *Пам. Кіев. ком.*, т. I, отд. I, стр. 63—115.

[2]) *Акты зап. Россіи*, т. IV, № 24.

[3]) *Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.* 1849 г., май, отд. II, стр. 64.

[4]) *Флёровъ*. О прав. церк. братствахъ и пр., стр. 107—116. *Лип̌чевскій*, Педагогія древнихъ братскихъ школъ и преимущественно древне-кіевской академіи. Труды Кіев. дух. Акад., 1870 г., т. III, стр. 104—154.

скаго, въ школахъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ, преподавались греческій и латинскій: болѣе или менѣе обычнымъ названіемъ школъ въ королевскихъ грамотахъ было «греко-латино-словенскія»; въ 1619 г. виленское братство пишетъ львовскому, что у нихъ «латинская наука иновѣрными (скудости ради своихъ) нѣмцами чтется«[1]. Позже во второй половинѣ XVII вѣка, въ православныя братскія школы переходитъ обычай польскихъ и мѣстныхъ іезуитскихъ училищъ—устраивать въ школѣ, при участіи самихъ учениковъ, театральныя представленія духовнаго содержанія, мистеріи или діалогіи; такъ, въ 1689 году въ львовской школѣ было дано такое представленіе, «съ великою пышностью, при многочисленномъ стеченіи зрителей» [2]...

Но каково бы ни было устройство этихъ школъ, каковъ бы ни былъ уровень преподаванія въ нихъ, изъ сохранившихся отрывочныхъ указаній мы можемъ замѣчать, что уровень этотъ въ общемъ былъ далеко не ничтожнымъ; братскія школы имѣли огромное значеніе для края. Довольно того, что эти школы были первыми школами для западно-русскаго православнаго населенія, первыми разсадниками среди его образованія...

А. Архангельскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) *Акты зап. Россіи,* т. IV, № 217, стр. 506. Сообщая львовскому братству объ устройствѣ у себя каменнаго зданія для школы, виленскіе братчики пишутъ: „лѣта 1617 Божіею помощью сооружихомъ каменнымъназданіемъ домъ школьный, въ пять училищъ раздѣленый, отъ нихъ же во трехъ латинская наука иновѣрными (скудости ради своихъ) нѣмцами чтется, въ четвертомъ русская, пятая во словенскаго и греческаго языка наказаніе“..,

[2]) *Журн. Мин. Нар. Просв.,* іюнь, стр. 122.

ВѢДЬМА.

(Полѣсскій разсказъ).

(продолженіе) [1]).

IV.

Послѣ Стецька и Христи родилась Оленка, а вслѣдъ за нею явился на свѣтъ Абрамко, и уже четверо дѣтей, веселыхъ и здоровыхъ, изъ которыхъ самому старшему было шесть лѣтъ, росли въ хатѣ Ковальчука въ то время, когда жители Сухой Долины развели на распутьи огонь изъ осиноваго дерева. Василина первая пришла на этотъ огонь, какъ ночной мотылекъ, привлеченный на свою погибель блескомъ пламени; слѣдовательно она-то и была та злобная, нечестивая душа, которая въ нѣсколькихъ десяткахъ хатъ отняла у коровъ молоко. Если-бы вмѣсто нея пришла другая женщина, общественное мнѣніе въ селѣ было-бы точно также живо встревожено и противъ нея возбудилось-бы такое-же сильное подозрѣніе; однако при всѣхъ этихъ подозрѣніяхъ могло-бы явиться нѣкоторое сомнѣніе. Чтобы вполнѣ установилась достовѣрность такого факта, нуженъ былъ цѣлый рядъ подготовительныхъ фактовъ; но въ данномъ случаѣ никто не могъ оспаривать того, что настоящее въ значительной степени подтверждалось всѣми предшествующими событіями Это невѣдомое дитя откуда-то забрело сюда вмѣстѣ со

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1886 г., апрѣл. кн., стр. 684—707.

старой бабой, которую гоняла по свѣту какая-то сила, неизвѣстно—добрая или злая. Очевидно, старуха не мало видѣла свѣта и *знала* больше, чѣмъ всѣ остальныя жительницы села вмѣстѣ взятыя. Откуда могла она получить всѣ эти свѣдѣнія?.. Потомъ она ослѣпла. Не было-ли это Божіимъ наказаніемъ за какіе нибудь дурные поступки, которые она могла совершить вдали отъ людскихъ глазъ, или даже за какіе нибудь сношенія съ нечистымъ? А та страстная любовь, какую бѣдная дѣвушка, «приблуда», возбудила въ сердцѣ одного изъ самыхъ зажиточныхъ хозяевъ, Степана Джурджи? А ея непонятный выходъ замужъ за парня, который не видѣлъ ее въ продолженіи шести лѣтъ и все таки не забылъ? А обнаруженіе вора, а всѣ ея лекарства и совѣты? Теперь вѣдь по ея примѣру всѣ дѣвушки въ селѣ жгли вѣники, когда хотѣли имѣть гостя въ хатѣ; въ силу ея предостереженія никто никогда не поднялъ бы съ земли тесемки, связанной рядомъ узловъ, потому что тотчасъ-же у него должны были вырости бородавки.

Правда, довольно значительный запасъ такого рода житейской мудрости существовалъ въ Сухой Долинѣ и вообще въ цѣлой околицѣ независимо отъ Василины и раньше ея появленія въ селѣ. Правда, еще отъ «дида-прадида» ни одна изъ мѣстныхъ женщинъ ни за что въ мірѣ не взялась-бы за веретено во все время отъ Рождества Христова до праздника Богоявленія, зная, что отъ этого вся домашняя птица должна погибнуть отъ головокруженія. Ни одна не ходила въ лѣсъ за грибами и ягодами въ день Воздвиженія Честнаго Креста, потому что этимъ самымъ привела-бы въ свою хату всѣхъ змѣй и червей, какіе только живутъ въ лѣсу. Каждая женщина съ особеннымъ вниманіемъ слѣдила затѣмъ, чтобы не срѣзать серпомъ колосьевъ, связанныхъ или загнутыхъ извѣстнымъ образомъ, потому что такую «закрутку» дѣлаетъ обыкновенно враждебная рука на несчастье той, кто сожнетъ ее. И много еще подобныхъ примѣтъ и повѣрій изъ рода въ родъ хранило населеніе Сухой Долины, но Оксана и ея внучка знали ихъ несравненно больше. А чѣмъ объяснить напримѣръ такое богатство кузнеца и его

жены? Хата скорѣе напоминаетъ домикъ въ усадьбѣ какого нибудь мелкаго шляхтича, возъ окованный, какъ бричка, хорошая лошадь и такая-же упряжь, коровы, овцы, всего вдоволь. А въ хатѣ самоваръ, блестящія ложечки и даже нѣсколько бѣлыхъ тарелокъ. Шутка-ли такое богатство? Откуда оно могло у нихъ браться? Давно ужо Степанова Варка, а за нею и многія другія женщины дивились во весь голосъ и кричали по всему селу, что Ковалиха, точно барыня какая, дома чаи распиваетъ, носитъ платья изъ покупнаго ситцу, иногда, отправляясь въ церковь, покрываетъ голову «каламайковою хусткою», а самъ онъ ходитъ въ чамаркахъ, сюртукахъ, въ красивыхъ сапогахъ, въ щегольскихъ шапочкахъ; простой крестьянской свитки и бараньей шапки на немъ никогда не увидишь. Варка просто приходила въ бѣшенство, а несчастная Параска даже плакала, спрашивая сама себя и своихъ сосѣдокъ: откуда могло взяться такое богатство у кузнеца и его жены? Сосѣдки начинаютъ соображать, что вѣроятно Михайло принесъ съ собою сколько нибудь денегъ, заработанныхъ своимъ ремесломъ, что и теперь онъ много трудится и зарабатываетъ, потому что къ нему какъ на «отпустъ» съѣзжаются люди съ заказами, что у него хорошій надѣлъ, а Василина прекрасная хозяйка и т. д. Въ особенности защищала ее молодая Лободиха, очень любившая Василину. Но Варка, Параска и нѣкоторыя другія сплетницы на всѣ доводы недовѣрчиво качали головою, вопросительными глазами посматривая на Якова Шишку, который по большей части присутствовалъ при такихъ разговорахъ и, выпрямляясь, торжественно произнесъ:

— Чортъ видьми черезъ коминъ гроши носить. Отъ звидкиль у ихъ те багатство!

Теперь старый Шишка торжествовалъ.

— А що? хто прыйшовъ на огонь? говорилъ онъ; хто коровамъ молоко побравъ?

Село раскинулось на большое пространство и не всѣ жители были равно заинтересованы этимъ дѣломъ; но въ нѣсколькихъ десяткахъ хатъ кипѣло въ тотъ вечеръ, какъ въ котлѣ. Мужчины съ удивленіемъ пожимали плечами, въ раздраженіи

сжимали кулаки, но говорили мало, какъ это всегда бываетъ до тѣхъ поръ, пока водка не развяжетъ имъ языки. За то женскіе языки летали, какъ мельничные крылья. Варка быстрая, какъ бѣлка, съ сычащимъ, какъ змѣиное жало, языкомъ, кружилась между людьми то въ хатахъ, то на улицѣ, даже послѣ того, какъ передъ полночью пропѣли первые пѣтухи.. Степанъ вошелъ въ пустую хату, добылъ огня, зажегъ лучину, воткнулъ ее въ расщелину стѣны и склонилъ свое угрюмое лице надъ спящимъ въ его объятіяхъ ребенкомъ. Дѣйствительно-ли эта нескладная головка, покрытая рѣдкими льняными волосами, съ распухшимъ, желтымъ, какъ воскъ, личикомъ, съ опущенными вѣками, которыхъ желтыя рѣсницы не отличались отъ цвѣта кожи, принадлежала живому ребенку? Степанъ вглядывался въ это жалкое личико при свѣтѣ лучины. Почему сынъ его былъ такимъ уродцемъ, тогда какъ самъ онъ былъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ и рослыхъ крестьянъ въ селѣ и въ цѣлой околицѣ? Сжатыя постоянною какою-то скорбью губы Степана прошептали надъ самымъ личикомъ ребенка:

— Ой, сердешный ты, бидолашный! ще якъ тебе мати въ утроби своiй носила, батько твій бивъ іи, бо зненавидивъ дуже... а ледви почавъ ты одъ земли пидниматись, паскудна мати вдарила тебе по голови лопатою...

Обычная угрюмость его лица смѣнилась выраженіемъ страданія. Онъ поцѣловалъ въ лобъ спящаго ребенка; дитя проснулось и обняло ручонками шею отца.

— Татку, ïсти!

Придерживая дитя одною рукою, онъ засунулъ другую въ печь, вынулъ горшокъ съ остатками чуть-чуть теплой каши и, отыскавши деревянную ложку, началъ кормить ребенка. Часть каши падала изо рта и изъ ложки на край печи, дитя кашляло и смѣялось въ тоже время. Степанъ также началъ улыбаться; вскорѣ однако брови его снова нахмурились, а изъ устъ сорвалось тихое проклятіе. Почему у него въ богатой хатѣ господствовала такая нищета, что онъ принужденъ кормить ребенка остатками холодной каши, а самъ долженъ оставаться голод-

нымъ,—почему въ домѣ ѣсть нечего? Вѣдь комора у него полная, только хата пустая. У нихъ единственный ребенокъ, а жена между тѣмъ бѣгаетъ по селу, высунувъ языкъ, какъ собака.

— Сука! проворчалъ онъ съ новыми проклятіями и опять обратился къ ребенку.—Отъ якъ-бы тамъ-та була твоя мати, не такій-бы ты бувъ...

Черезъ минуту бѣдное дитя снова заснуло, уложенное на сѣнникѣ отцевскими руками, а Степанъ съѣлъ принесенный изъ коморы кусокъ хлѣба съ саломъ и задремалъ, сидя подъ стѣной на лавкѣ. Онъ цѣлый день косилъ въ полѣ и теперь такъ усталъ, что вся фигура его покачивалась отъ сна то взадъ, то впередъ. Однако-же онъ не ложился спать и ждалъ жену. Было-ли это проявленіемъ супружеской нѣжности, убѣдиться въ томъ могла Варка, воротившись домой не задолго предъ полуночью. Она возвращалась въ отличномъ расположеніи духа. Ее безконечно радовало, что наконецъ Василина была поймана «на гарячимъ вчинку», съ поличнымъ, доказывающимъ, что она причиняетъ вредъ людямъ; теперь не только цѣлое село возненавидитъ ее, но и самъ Степанъ навѣрно почувствуетъ къ ней отвращеніе. Эта послѣдняя надежда наполняла ея сердце страстнымъ блаженствомъ. Вѣдь она не по принужденію и не изъ разсчетовъ, а по любви шла замужъ за Степана. Люди предостерегали ее, что онъ очень злой человѣкъ.

— Я вже ёму дамъ раду, отвѣчала она. Противъ злости есть злисть и ще не знати, хто кого подужае. Нехай бъе, абы тильки любивъ.

Но вскорѣ ей пришлось убѣдиться въ томъ, что мужъ совсѣмъ не любилъ ее и женился только потому, что за смертью матери необходимо было имѣть хозяйку въ домѣ. Вотъ ту первую онъ любилъ и какъ еще любилъ. О, если-бы она не боялась суда, она-бы сто разъ уже убила Василину! Впрочемъ, теперь она и такъ все равно, что убита. Она вѣдьма, которая въ союзѣ съ нечистымъ причиняетъ вредъ людямъ. Теперь уже и Степанъ будетъ плевать на нее каждый разъ, какъ только увидитъ.

Эта надежда наполняла ее счастьемъ и нѣжностью къ мужу. Она потихоньку вошла въ хату и увидѣвъ Степана, все еще сидящаго на лавкѣ, подскочила къ нему, какъ бѣлка, сѣла рядомъ и обняла его шею обѣими руками. Глаза ея сверкали, какъ два горящіе угля, а сквозь узкія улыбающіяся губы блестѣлъ рядъ бѣлоснѣжныхъ зубовъ. Обхвативъ руками шею мужа, она хотѣла прижаться къ нему, какъ вдругъ онъ поднялъ кулакъ и съ такою силою ударилъ ее въ спину, что она скатилась съ лавки и упала на колѣни. Онъ тотчасъ началъ кричать, допрашивая, гдѣ она такъ шаталась, почему не приготовила ужина, почему не пришла къ ребенку. Тогда Варка снова пришла въ ярость, поднялась съ колѣнъ и подбоченившись стала наступать на него и выкрикивать съ ѣдкой усмѣшкой:

— Видьма твоя Василина! Видьма твоя мила! Видьма твоя любка наймилійша! видьма! видьма!

Степанъ поднялся съ лавки, схватилъ ее за волосы и снова бросилъ на землю. Въ эту минуту шумъ и крикъ пробудили спящаго мальчика, который, увидѣвъ дерущихся посреди хаты родителей, поспѣшно выскользнулъ изъ-подъ «рядна» и тихо со страхомъ забился въ уголокъ подъ лавку. Зналъ онъ хорошо по опыту, что мать послѣ каждой драки съ отцемъ вытаскивала его изъ постели за волосы или за рубашенку и какъ щенка бросала на средину хаты. Въ такихъ случаяхъ отецъ бралъ его на руки, носилъ по хатѣ, утѣшалъ и цѣловалъ, но иногда, если бывалъ уже слишкомъ разъяренъ, также отталкивалъ его ногою.

Между тѣмъ Василина зашла къ мужу въ кузницу, и поговоривши съ минутку, возвращалась домой. Она тоже наработалась за цѣлый день, половши въ огородѣ бураки и капусту, и передъ заходомъ солнца отправилась на часокъ въ поле собирать свои любимыя травы. Она знала, что еще воротится во время, чтобы приготовить ужинъ.

Старая Оксана тоже провела цѣлый день на травѣ въ огородѣ подлѣ внучки; теперь она заняла уже свое обычное мѣсто на печкѣ; вокругъ нея столпились трое старшихъ дѣтей, а самое

младшее спало въ люлькѣ. Въ лѣтнихъ сумеркахъ, наполнявшихъ хату, при свѣтѣ звѣздъ, мерцавшихъ сквозь оконныя рамы, группа изъ четырехъ людскихъ фигуръ разной величины темнѣла и двигалась почти подъ самымъ потолкомъ, наполняя своими неясными очертаніями группу тѣней. Среди окружающей тишины, прерываемой только отдаленнымъ стукомъ кузнечнаго молота, то слышался мѣрный хриплый шопотъ старой бабы, то какъ серебрянные колокольчики раздавались тонкіе дѣтскіе голоса. Старуха что-то разсказывала дѣтямъ, то серьёзно, то сопровождая свои слова сухимъ смѣхомъ; они поминутно прерывали ее вопросами и восклицаніями. Смѣлѣе и чаще другихъ отзывался шестилѣтній Стецько, первенецъ и любимецъ отца, который уже помогалъ матери въ уходѣ за меньшими дѣтьми, иногда кормилъ на печи слѣпую бабушку, водилъ ее за руку по двору и по саду. На этотъ разъ онъ былъ чѣмъ-то необыкновенно заинтересованъ и голосомъ избалованнаго ребенка поминутно осаждалъ старуху вопросами.

— Де-жъ винъ бувъ, бабуню? де Абрамко бувъ, поки не прыйшовъ до нашои хаты? Де винъ перше бувъ?

Его именно занимало то, откуда взялся маленькій братъ, за мѣсяцъ передъ тѣмъ появившійся въ хатѣ, и что онъ дѣлалъ, прежде чѣмъ пришелъ къ нимъ? Старуха долго смѣялась и наконецъ отвѣчала:

— Въ лиси бувъ Абрамко, въ лиси бувъ твій братичокъ маленькій, поки до насъ не прыйшовъ.

— А що винъ тамъ робивъ? послышался новый вопросъ.

— Зайчикивъ въ лиси пасъ, отвѣчала бабушка.

— А я, де бувъ перше, поки сюды прыйшовъ?

Теперь старуха, уже не задумываясь, отвѣчала:

— Ты на высокому, высокому дереви сидивъ и пташки въ повитри пасъ...

— А я? а я, бабуню? а я?

— Ты, Христе, на дни сыненькои воды сидила та рыбки пасла...

— А Оленка? бабуню, а Оленка?

— А я? бабуню, а я, де була?

Въ темнотѣ слышно было, что бабушка поцѣловала свою трехлѣтнюю любимицу и со своимъ старческимъ смѣхомъ, въ которомъ звучало полное довольство, отвѣчала:

— Оленка въ густи травы сидила, та кузочокъ пасла...

Въ эту минуту стукнула дверь и по хатѣ прошелъ сильный запахъ полевыхъ травъ

— То ты Василино? спросилъ въ темнотѣ хриплый голосъ старухи.

— Мамо! зазвенѣли хоромъ дѣтскіе голоса.

— Чи вси вы тутка?

— А вси!

— Абрамко спить?

— А спить!

— Ну, то й дякувати Богу. Отъ заразъ огонь роспалю, та зварю картопли, що нынька на городи накопала...

— Ой, добра картопля... молода... съ видимымъ удовольствіемъ зашепеляла старуха.

— Ой, добра картопелька, добра! подхватили дѣти въ одинъ голосъ.

Черезъ минуту яркій огонь запылалъ въ печи и освѣтилъ хату, въ которой за истекшіе нѣсколько лѣтъ замѣчались нѣкоторыя перемѣны. Впрочемъ эти перемѣны были къ лучшему. По мѣрѣ того, какъ росло благосостояніе хозяевъ, росли и улучшенія въ домашней обстановкѣ. Въ простѣнкѣ между окнами стоялъ комодъ, а на немъ красовались два мѣдные подсвѣчника и лампа со стекломъ. На окнахъ висѣли цвѣтныя ситцевыя занавѣски, стоялъ душистый гераній, весь облитый пунцовыми цвѣтами; въ шкапѣ за стекломъ видпѣлись бѣлыя тарелки, а на стѣнѣ красовалось нѣсколько картинъ въ блестящихъ рамкахъ. Все это были затѣи Михайла. Оттправляясь по какому нибудь дѣлу въ городъ или въ мѣстечко, онъ бывало каждый разъ привезетъ домой что нибудь хорошенькое и потомъ самъ, какъ дитя, любуется этими обновками и женѣ велитъ любоваться. Впрочемъ, она и безъ того сама радовалась не менѣе его самого.

Глаза ея съ любовью останавливались на яркихъ краскахъ ситцевыхъ занавѣсокъ, на блестящихъ подсвѣчникахъ и другихъ украшеніяхъ и среди такого довольства ее огорчало только то, что слѣпая бабушка не могла видѣть всѣхъ этихъ прелестей и всѣхъ удобствъ, какими она теперь пользовалась. За то она описывала ей все до мельчайшихъ подробностей и каждую новую вещь давала ощупать руками. Впрочемъ всѣ старыя вещи оставались въ хатѣ на прежнихъ мѣстахъ; лавки, столы, три стула, деревянная посуда, ткацкій станокъ Василины, въ одномъ углу большая куча разнаго желѣза, а на стѣнѣ надъ нею висѣло нѣсколько новыхъ, только что выкованныхъ для продажи топоровъ, пилъ, крючковъ, щипцовъ и т. п. Разостлавши рядно на кроснахъ, Василина высыпала изъ передника принесенныя травы и занялась приготовленіемъ ужина; дѣти, какъ птички, слетѣли съ печи, увивались вокругъ нея босыми ножками и наперерывъ другъ передъ другомъ щебетали о тѣхъ чудесахъ, какія бабушка разсказывала имъ въ сумерки.

— Мамо! я на дни синенькои воды сидила и рыбокъ пасла...

— А я въ густи трави сидила та кузочокъ пасла...

— А я на высокому, высокому дереви сидивъ и пташокъ въ неби пасъ...

— А Абрамко въ лиси сидивъ, зайчикивъ пасъ...

Высыпая картофель въ горшокъ, Висилина весело шутила съ дѣтьми, а на печи старуха заливалась отъ смѣху надъ этими дурачками, которые такъ и повѣрили всему, что она разсказывала.

Черезъ полъ-часа кузнецъ возвратился домой, дѣти бросились къ нему на встрѣчу.

— Татку! я въ синенькій води...

— А я, татку, на высокому дереви ..

— А я въ густи трави...

— А Абрамко въ лиси...

Михайло бралъ ихъ на руки одного за другимъ, подымалъ высоко надъ головою и поцѣловавши, снова опускалъ на землю. Затѣмъ подробно и съ видимымъ удовольствіемъ распрашивалъ

дѣтей о томъ, что они тамъ дѣлали въ той водѣ, въ травѣ, на деревѣ и когда это было. Теперь это былъ уже настоящій мужчина въ полномъ развитіи силъ и здоровья; широкія плечи еще больше развились отъ кузнечной работы, смуглое лице приняло почти бронзовую окраску отъ огня, а большіе черные усы надъ кроткими губами смѣнили прежніе щегольскіе усики. Въ немъ видна была сила работника и достоинство человѣка, зависѣвшаго исключительно отъ своего собственнаго труда. Въ черныхъ глазахъ свѣтилось счастье, когда онъ цѣловалъ дѣтей и озирался по хатѣ, въ которой все дышало довольствомъ. Садясь на лавку, онъ весело крикнулъ:

— Зозуле! намахався я при роботи, трохи руки не поодпадали! Исти хочеться!

Онъ почти никогда не называлъ жену иначе, какъ «зозуля», по имени той милой беззаботной птички, которая своимъ веселымъ кукованьемъ объявляетъ цвѣтущую весну.

— Заразъ буде вечеря! весело отвѣчала женщина и поставила на столъ зажженную лампу. Въ послѣдніе два года Михайло привыкъ постоянно ужинать при свѣтѣ лампы; лучину зажигали только въ зимніе вечера, чтобы свѣтлѣе и веселѣе было въ хатѣ. Въ одно мгновеніе обѣ маленькія дѣвочки очутились у отца на колѣнахъ, Стецько помѣстился у него подъ бокомъ и всѣ трое говорили разомъ, хоть никто ихъ не слушалъ. Василина поставила на столъ миску дымящагося картофеля, подала мужу хлѣбъ и ножъ и принесла изъ сѣней кувшинъ кислаго молока.

Дѣти уснули вскорѣ послѣ ужина. Стецько на лавкѣ подъ клѣтчатымъ одѣяломъ, Христя и Оленка на печи возлѣ бабушки. Накормленная руками правнука слѣпая старуха, перецѣловавши внучатъ и насмѣявшись вволю надъ ихъ шалостями и болтовнею, перекрестила ихъ на сонъ грядущій и готовилась уже и сама расправить на печи свои старыя кости, какъ вдругъ Василина отозвалась, перемывая ложки и миски.

— Ага! я вамъ ще й доси не росказала, що мени нынька трапилось...

Занятая цѣлый вечеръ мужемъ, дѣтьми и ужиномъ, она совершенно забыла обо всемъ, что не относилось къ окружавшимъ ее близкимъ и дорогимъ людямъ. Впрочемъ, она мало придавала значенія нынѣшнему своему приключенію и смѣясь разсказывала о немъ мужу и бабушкѣ, извѣстно, какъ молодая женщина, которой голова занята исключительно своею любовью и благополучіемъ и которая ничего, чтобы съ нею ни случилось, не могла истолковать во вредъ себѣ. Ковальчукъ смѣялся своимъ громкимъ задушевнымъ смѣхомъ и надъ крестьянами, разводившими огонь для привлеченія вѣдьмы, и надъ случайностью, которая привела его жену на этотъ огонь. Но старая Оксана была видимо встревожена. Она уже начинала готовиться ко сну, но теперь сидѣла выпрямившись и неподвижно, а ея беззубыя челюсти двигались такъ, будто съ трудомъ пережевывали что-то твердое. Это былъ у нея несомнѣнный признакъ тревоги или печали. Когда Василина окончила свой разсказъ и принялась разставлять на полкѣ вымытыя миски и ложки, старуха въ глубокомъ раздумьи, отозвалась съ печи.

— Не добре, ой не добре, Василино, що ты перша на той огонь прыйшла!..

— Дурниця! засмѣялся Ковальчукъ, махнувъ рукою, но Василина быстро обратила къ ней лице.

— Чому? спросила она.

Послѣ минутнаго раздумья старуха снова заговорила.

— Бо зъ початку вже видомо, що на такій огонь завжды видьма приходить. То вже видомо, такъ воно вже повинно бути, такъ вже Господь милосердный зъявляе на людськи очи нечисту силу. То й чому-жъ ты, Василино, прыйшла нынька на той огонь?

Молодая женщина вдругъ безжизненно опустила руки и широко раскрытыми глазами смотрѣла въ лицэ бабушкѣ.

— Або-жъ я знаю чому? тихо проговорила она полуоткрытымъ отъ испуга и удивленія ртомъ.

— Отъ! беззаботно отозвался кузнецъ, ишла то й прыйшла. Нема чого турбоватись!

Однако Оксана не обратила вниманія на скептическое замѣчаніе Михайла, а Василина даже не слыхала его. Съ полуоткрытымъ ртомъ она большими глазами смотрѣла на бабушку, которая продолжала:

— А друга ричъ, що теперъ вже лыхи люде не дадуть тоби спокою. Теперъ-то вже напевно зроблять тебе видьмою и...

Тутъ она усиленно начала двигать челюстями и только черезъ минуту окончила, собравшись съ духомъ.

— И нехай вже Господь Святый боронить тебе одъ усякого нещастя!

При этомъ жолтая рука ея нѣсколько разъ сдѣлала въ воздухѣ крестъ въ сторону Василины, а слѣпые глаза подъ напряженно поднятыми вѣками блестѣли яркою бѣлизною среди жолтаго лица. Василина, какъ стояла, такъ и опустилась на землю и сидѣла по прежнему съ открытымъ ртомъ и сжатыми руками. Михайло замѣтилъ уже не такимъ беззаботнымъ тономъ, какъ прежде.

— То вже й я боронитиму іи одъ усякого нещастя... але яке тамъ зъ того може бути нещастя? Не доведи Боже нещастя!

Видно было, что хотя онъ приписывалъ подобнымъ вещамъ гораздо меньшее значеніе, чѣмъ другіе, однако слова слѣпой старухи произвели и на него нѣкоторое впечатлѣніе После минутнаго молчанія она снова заговорила:

— Давно вже я, ой давно живу на цимъ свити, чимало свита выходила, багато людей чула и такихъ чула, що власными очима бачили колышни часы, таки давни часы, що теперъ вже й памъять про нихъ помижъ людьми загинула ..

— Отъ якъ пишла я въ чужый свитъ зъ маленькою Василинкою на рукахъ, та зайшла колись до одного села; а тамъ живъ соби одинъ дидъ, такій старый-старезный, наче мохомъ ёго вкрыто; казали люде, що вже ёму мабуть бильше якъ сто годъ було. За молоду надись бувъ винъ въ салдатахъ, по дворахъ служивъ и багато свита выходивъ: то було якъ почне казати та росповидати, уси чисто роты пороззявляють, та слухають; уси... хто-бъ не бувъ.. навить паны и дуже вчени люде

приходять було и просять, щобъ росказавъ имъ про давни часы. И я було просю и слухаю... Ой, старый Захаръ, старый Захаръ! теперъ вже и кисточки ёго мабуть порозсыпалися въ могыли и душа вже передъ Богомъ стала, а те, що винъ казавъ та росповидавъ, таки й доси ходить по свиту, мовъ живе... Отъ я и слипа, а такъ мени, мовъ живе, стоить передъ очима все, що винъ про ту вндьму росповидавъ; чувъ винъ то одъ свого батька, а той вже самъ все те бачивъ своими власными очима. А теперъ мени все те, мовъ живе, стало передъ слипыми очима...

Старуха снова умолкла на минуту. Воспоминанія, которыя, какъ живыя, проносились передъ ея слѣпыми глазами, вывели ее изъ прежней неподвижности; ея тонкая, сухая фигура покачивалась то взадъ, то впередъ и прежде, чѣмъ продолжать разсказъ, она раза два тяжело вздохнула. Бѣлые глаза не блестѣли уже какъ за минуту передъ тѣмъ, на нихъ пересталъ падать ровный свѣтъ огня, который мало по малу угасалъ въ печи и бросалъ по хатѣ только блѣдныя полосы свѣта, колыхавшіяся среди окружающаго мрака. Въ одной изъ такихъ полосъ сидѣла на полу Василина, уже съ закрытыми губами и выраженіемъ тревоги въ лицѣ, обхвативъ руками колѣни. Въ другомъ углу развалилась на столѣ и на лавкѣ могучая фигура кузнеца; вѣроятно изъ экономіи потушивъ лампу, онъ опустилъ голову на руки и слушалъ со вниманіемъ разсказъ старухи. Онъ всегда съ большимъ удовольствіемъ и вниманіемъ выслушивалъ всѣ ея сказки и разсказы про старину и въ свою очередь платилъ ей разсказами о своихъ путешествіяхъ по свѣту, обо всемъ видѣнномъ и слышаномъ. Въ такихъ разсказахъ нерѣдко проходили у нихъ праздничные послѣ обѣда и зимніе вечера. Теперь, хоть ему уже не много хотѣлось спать, онъ все таки слушалъ, а изъ мрака, покрывшаго печку, снова послышался хриплый, но еще сильный голосъ слѣпой старухи.

— Була соби въ великому, та багатому сели дивчина, якъ червона калина, а высока та ривненька, якъ тополя, и така гарна, що ажъ уси люде дивувалися. Молоди парубки то було просто шаліють за нею, та й панычи було приходять до неи

та просять: «хочъ подивись на мене, Мартуню! Хочъ разъ мени рученьку подай». Такъ-же Мартуня никого не хотила, ани парубка, ани panыча. Було иде до криныци, якъ та короливна; спидныця стёжками пообшивана, янтари та намисто на шіи, а голова вся заквичана—иде тай пышается, изъ усихъ сміеться, били зубы показуе. И почали вже люде на неи гниватись, усяки прикладки прикладати и пильно придивлятись, що вона такого робить, що вси до неи, якъ ти мухи до меду, а сама вона ни на кого не дивиться. Ажъ отъ дивились, дивились, тай бачать, що Мартуня не завжды сміеться, парубкивъ та panычивъ дратуе, але часомъ тежъ ходить понура, на людей гадомъ дивиться; пиде у лисъ, тай сидить день, другій, третій, а якъ вернеться, почне варити нишкомъ якесь зилля, шепче надъ нимъ и якись дывни знаки робить, а потимъ дае вже людямъ пити те зилля противъ ломоты, колёкъ, противъ нудьги и противъ усякои халепы, яка тилько бувае въ свити. Були таки люди, що купували въ неи те зилля, а потимъ дякували и выхваляли іи кожному; казали, що вона дуже цикава и черезъ те такъ багато де чого познала, а за своею цикавостью забула й про кохання. Для неи милійше було зиллячко въ лиси, анижъ парубокъ на добрій рилли, або навить и панычъ у двори. И була-бъ соби Мартуня жила спокійно и свое робила, бо не мала никого, хто-бъ іи до чого небудь присиловувавъ, а на сели вси вже призвычаились до того, що вона не така, якъ инши дивчата. Кажуть було про неи, що вона зъ иншимъ серцемъ, зъ иншими думками народилася на свитъ, и давали ій святый спокій Коли-жъ на нещастя покохавъ іи якійсь двирській чоловикъ, дирехторъ, чи писарь, чи щось такого. А вона соби жартуе зъ его, такъ самисинько, якъ и зъ другихъ. Було прыйде до церкви, стане навпроти его, якъ та короливна, въ тонѐнькій сорочци, спидныця стёжками пообшивана, а на шіи янтари та намиста; стане соби тай сміеться зъ дирехтора, били зубы ему показуе. Винъ довго терпивъ, та все просивъ, щобъ покохала его; а дали вже якъ побачивъ, що ничого зъ того не буде, розлютувався вельми, поихавъ до миста, тай поскаржився передъ ксендзами та вели-

кими урядниками, що отъ такъ и такъ, Мартуня видьма. Тоди вже зробилося въ сели. якъ въ пекли. Понаиздили ксендзы та велыки урядники, та й почали робити надъ Мартунею слидство. Поскликали людей зъ цилого села, тай пытаються: а що вона робить? а чого вона у лисъ ходить? а що вона шепче, якъ варить зилля? а що-то за зилля? а чи до неи чортъ ходить у гости? а звидки въ неи стильки стёжокъ, кораливъ, янтаривъ и всякого добра? Роспиталися про все гарненько, звязали Мартуни руки й ноги, поклали на визъ, тай повезли до миста. А въ мисти показували іи на рынку усимъ людямъ, а до того ще й приказували, що то видьма. Такъ и такъ, казали, така й така. Продала нечистому свою душу христіяньску, казали; зъ нечистымъ духомъ въ лиси розмовляла, казали; нечистый носивъ ій черезъ коминъ янтари, намиста и всяке добро, казали. А дали поклали на середъ рынку страшенну силу дровъ, запалили, а катъ въ червони сорочци вхопивъ Мартуню за косы, та й вкинувъ въ огонь. Полумъя знялося ажъ до неба, а Мартуня горила въ ёму, якъ та трисочка, и такъ страшенно кричала, що голосъ іи розходився по цилому свитови и доходивъ ажъ до неба, до самого Бога, а одъ іи тила, що горило на велыкимъ огни, розходився духъ по цилому мисту. А тымъ часомъ ксёндзы голосно выспивували молитвы на славу Божу и король, сидячи на престоли, самъ тишився и всимъ людямъ наказувавъ тишитись, що отъ такъ скарали видьму за те, що продала нечистому свою душу христіяньску...

Старуха умолкла и въ хатѣ воцарилось глубокое молчаніе. У кузнеца и сонъ пропалъ при этомъ разсказѣ о вѣдьмѣ. Вѣрилъ онъ или не вѣрилъ въ существованіе чертей и вѣдьмъ, этого онъ и самъ хорошо не зналъ. Обыкновенно, преобладаніе практическихъ инстинктовъ заставляло его скептически относиться къ такого рода суевѣріямъ, а веселый темпераментъ склонялъ его къ шуткамъ и насмѣшкамъ на эту тему. Однако такіе разсказы, какъ только что слышанный, производили на него сильное впечатлѣніе, колебали его невѣріе и возбуждали живое любопытттво Такъ было и на этотъ разъ. Между тѣмъ Васи-

лина съ поблѣднѣвшимъ отъ страха лицемъ и широко раскрытыми глазами слушала разсказъ бабушки; когда говорилось объ огнѣ, который почти доставалъ до неба, изъ груди ея вырвался глухой крикъ испуга, а когда услышала о смрадѣ, расходившемся по цѣлому городу отъ горящаго тѣла Мартуни, сильная дрожь потрясла ее съ головы до ногъ. Только черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ умолкла старуха, она отозвалась такимъ тонкимъ и жалобнымъ голосомъ, какимъ никогда еще не говорила:

— Бабуню! чи вона справди була видьма? чи то такъ тильки... лыхи люде на неи выгадали?...

— То вже невидомо, медленно и задумчиво отвѣчала Оксана: того вже и старенькій Захаръ не знавъ. Може була, а може й ни. Якъ-що справди була видьма, то въ неи на спыни мусивъ бути червоный слидъ одъ чортячои ратыци. Я сама того знаку николи не бачила и Захаръ не бачивъ, але казавъ мени, що ёго дидъ та казавъ ёго батькови, що самъ своими очима бачивъ и що такъ повинно бути ..

Послѣ минутнаго молчанія въ темномъ углу на печи снова заколыхалась сухая фигура слѣпой старухи и хриплый голосъ заговорилъ:

— Ой старый Захаръ, старый Захаръ! вже й кисточки твои порозсыпалися въ могыли и душа твоя вже передъ Богомъ стоить, а те, що ты казавъ та росповидавъ, таки и доси, мовъ живе, ходить по свитови...

— Атъ! дурныця! произнесъ Ковальчукъ, подымаясь съ лавки. Я тежъ чимало свита выходивъ; багато чувъ и бачивъ, а ниде не чувъ такого, щобъ видьму палили. Теперъ вже того не вильно робити. Теперъ того вже немае. Ходи спати, зозуле!

Она медленно и какъ-то тяжело поднялась съ полу, а въ ея выразительныхъ глазахъ отражалось безпокойство. Круглыя щеки поблѣднѣли и все лице какъ будто вытянулось отъ сильнаго напряженія мысли. Черезъ нѣсколько минутъ глубокая тишина наполнила хату; вскорѣ прервалъ ее громкій хрипъ кузнеца и почти одновременно послышался шелестъ шаговъ и кто-

то сталъ взбираться на печь; въ темнотѣ послышался на печи тихій шопотъ:

— Бабуню! чи вы спите, бабуню?

Она спала, но старый сонъ ея былъ легкій и чуткій; впрочемъ она уже привыкла къ тому, что ее среди ночи будили спавшія подлѣ нея правнучки. Однако на этотъ разъ ее разбудила не маленькая дѣвочка, а взрослая женщина, которая легла рядомъ съ нею и обняла горячею рукою ея сухое тѣло.

— То ты Василино?

— Я! Тихо-жъ тилько, бабуню, щобъ Михайла й дитей не збудити...

— А чого-жъ ты сюды прыйшла? Чи тебе кольки напали, якъ торикъ? чи може Абрамко не дае спати?

Въ теченіи нѣсколькихъ минутъ не было отвѣта, потомъ шопотъ еще тише спросилъ:

— Бабуню, чи якъ я народилась, батько й мати носили мене до церкви, вводили въ святый хрестъ?

— А тожъ якъ? шопотомъ возразилъ другой голосъ, якъ-же бъ ты жила безъ хреста святого? А вже-жъ носили.

— Бабуню, а якъ я була малою, вы мене хрестили на ничъ святымъ хрестомъ?

— Ну, а якъ-же? хрестила, кожного вечера хрестила...

— Щобъ нечиста сыла до мене не пидступалась?

— Щобъ нечиста сыла до тебе не пидступалась и щобъ Господь милосердный боронивъ тебе, бидну сироту...

— Бабуню! мени здáеться, що я ничимъ тяжкимъ передъ Богомъ не согришила...

Старческій шопотъ отвѣчалъ послѣ минутнаго молчанія:

— Мени здаеться, що ты передъ Богомъ така чиста, якъ роса небесна, якъ та била квитка, що на иконахъ малюють..

При этихъ словахъ изъ молодой груди вырвался протяжный вздохъ облегченія; потомъ разговоръ продолжался тѣмъ-же тихимъ шопотомъ.

— Бабуню! то-й чому-жъ я нынька на той óгонь прыйшла?

Отвѣта долго не было. Вопросъ заключалъ въ себѣ задачу, чрезвычайно трудную для разрѣшенія. Наконецъ Оксана шепнула послѣ продолжительнаго молчанія.

— А може то й не видьма коровамъ молоко забрала?

— А хто-жъ, коли не видьма?

— Може ропуха...

— Ага!

Въ этомъ восклицаніи звучало торжество.

— То напевно ропуха. Бо й ропухи, якъ розгниваються на людей, то такъ само коровамъ молоко однимають.

— Але!

— Ну, то напевно ропуха.

— А вже-жъ ропуха, бо якъ-бы не ропуха, то-бъ видьма на огонь прыйшла, а не ты...

— Эге-жъ. На добра-ничъ вамъ, бабуню.

— Спи зъ Богомъ, моя зозуле, спи...

На слѣдующій день было воскресенье, а извѣстно, что въ праздникъ крестьянину и крестьянкѣ все на свѣтѣ кажется свѣтлѣе и прекраснѣе; правда и въ этотъ день есть кой-какія обязательныя работы, но по окончаніи ихъ не нужно уже гнуться въ хлѣву или на току въ «клунѣ», надъ «ночвами» или надъ ткацкимъ станкомъ. Большую половину дня они могутъ на свободѣ смотрѣть на солнце, на небо, на все, что выростаетъ на землѣ, могутъ посидѣть, погулять, отдохнуть, поговорить, пѣть пѣсни—однимъ словомъ, каждый дѣлаетъ, что хочетъ. Погода въ это воскресенье была прекрасная. Едва только утренняя заря показалась надъ березовымъ лѣсомъ, а первые лучи солнца, подымаясь снизу вверхъ, озолотили въ саду листья на деревьяхъ, Василина уже сходила къ колодцу, принесла воды и развела огонь въ печи. Потомъ сбѣгала къ пруду, принесла охапку душистаго «аеру» и разсыпала его по хатѣ, на чисто выметенномъ полу, усыпанномъ бѣлымъ пескомъ. Когда проснулся кузнецъ, въ хатѣ пахнуло «аеромъ», какъ на лугу, а сквозь два открытыя окна лилась теплая струя солнечнаго свѣта; старая бабушка сидѣла уже на своей постели, кругомъ нея

шумѣли дѣти, а Василина, въ бѣлой рубашкѣ, застегнутой у ворота на блестящую пуговицу, въ цвѣтной ситцевой юпкѣ и въ красномъ платкѣ на головѣ, стояла передъ огнемъ и чистила картофель, тщательно сбрасывая шелуху въ лоханку, чтобы не пачкать праздничной подстилки. Раскрывъ глаза, кузнецъ оглядѣлся по хатѣ, остановилъ взглядъ на женѣ и произнесъ, зѣвая и протягивая изъ-подъ «рядна» свои сильныя руки:

— Ой, зозуле ты моя, зозуле!

Она весело засмѣялась въ отвѣтъ и такъ ловко бросила въ него горсть картофельной шелухи, что засыпала ему все лице и грудь, ничего не просыпавъ на землю. Почти до самаго полудня Василина суетилась по хатѣ, надѣляя всю семью пищею и попеченіями: умыла и расчесала бабушку и дѣтей, одѣла всѣхъ въ чистое платье, кормила и качала на рукахъ маленькаго Абрамка, отпускала мужа на цѣлый день въ мѣстечко и, собирая ему припасы на дорогу, спокойно дружески бесѣдовала съ нимъ о томъ, что тамъ нужно было купить и продать.

Уже послѣ полудня Стецько въ чистой рубашкѣ, подвязанной цвѣтнымъ пояскомъ, повёлъ гулять въ садъ прабабушку. Держа ея желтую, костлявую руку въ своей маленькой, загорѣлой ручкѣ, онъ исполнялъ обязанность проводника молча, серьёзно, съ большимъ вниманіемъ, вытянувъ губы. Старуха шла за нимъ, ощупывая передъ собою землю палкою, одѣтая въ синій *полотникъ* домашняго издѣлія, въ низкихъ башмакахъ и въ праздничномъ очипкѣ съ блестящимъ галуномъ, свѣтившимся на солнцѣ вокругъ бѣлыхъ волосъ. Она усѣлась на травѣ подъ яблонею въ своей обычной позѣ, прямая и неподвижная, какъ статуя. Хотя она и ничего не видѣла, но чувствовала, какъ теплый вѣтерокъ ласкалъ ея лице и шею, слышала щебетаніе птичекъ и голоса правнуковъ, ощущала подъ рукою теплую, мягкую траву и довольная улыбка открывала ея узкія, безцвѣтныя губы, а бѣлые глаза, казалось, пристально и съ наслажденіемъ смотрѣли на Божій свѣтъ. Василина разостлала передъ хатой рядно съ принесенными наканунѣ травами и, усѣвшись тутъ-же у порога на низкомъ камнѣ, принялась раз-

бирать и сортировать ихъ, складывая въ отдѣльныя пучечки *чебрецъ*, *шавлію*, *дивину*, *деревій*, *материнку* и разныя другія травы и листья. Занятая этою работою, она время отъ времени въ полъ-голоса напѣвала пѣсню, иногда оставляла травы и обращала взоръ въ открытое поле, въ которомъ въ этотъ день не было видно ни души человѣческой. Теперь оно тихо дремало подъ золотымъ солнечнымъ покровомъ, какъ-бы отдыхая въ воскресный день по примѣру людей. За то изъ села доносился гулъ, слышались голоса людей и животныхъ; передъ корчмою, которую издали легко было отличить отъ другихъ жилищъ, шумѣла и двигалась толпа народа. Посматривая въ сторону села, Василина начинала скучать. Кривая, узкая тропинка, которая пролегала между «клунями» и плетнями огородовъ и вела изъ села къ хатѣ кузнеца, по прежнему оставалась пустою. Только дозрѣвавшая въ огородахъ конопля свѣшивала черезъ плетень свои растрепанныя верхушки, да выглядывали между ними желтые пучки *пыжма;* не слышно голоса людскаго, только по временамъ громко закудахтаетъ курица, да захлопаетъ крыльями и запоетъ пѣтухъ. Но ни души человѣческой не видно было на тропинкѣ въ тотъ день. А между тѣмъ почти каждое воскресенье Василину навѣщали многія жительницы Сухой Долины; иныя приходили за совѣтомъ, другія такъ просто поговорить по пріятельству. Обыкновенно приходила по воскресеньямъ молодая Лободиха и приводила своихъ мальчиковъ поиграть къ Стецьку; приходила дочь Максима Бодрука, которую Василина спасла когда-то своею *девъяторанкою*, и многія другія. Теперь ни одна не пришла и Василинѣ грустно сдѣлалось на сердцѣ.

Не долгій августовскій день уже приближался къ концу, солнце клонилось къ закату. Теперь по тропинкѣ, вьющейся между плетнями, должны были идти дивчата, которыя по праздникамъ приходили пѣть къ Василинѣ. Никто въ цѣломъ селѣ не обладалъ такимъ сильнымъ и чистымъ голосомъ, какъ она; никто также не зналъ столько пѣсенъ. Она обыкновенно бывала распорядительницею тѣхъ хоровъ, которые собирались лѣтомъ

почти каждое воскресенье въ сумерки передъ хатою кузнеца, усаживались на «призьбѣ» и на травѣ и до поздняго вечера оглашали воздухъ громкими пѣснями. Въ этотъ день ни одна не пришла. Солнце уже заходило, когда Василина замѣтила на дорожкѣ женскую фигуру, направлявшуюся къ ея хатѣ. Она издали еще узнала Приську, внучку Якова Шишки. Здоровая, коренастая дѣвушка съ очень симпатичнымъ, хотя некрасивымъ лицемъ и блестящими синими глазами, одѣтая по праздничному, но очень бѣдно, какимъ-то жалобнымъ голосомъ поздоровалась съ Василиной и, не дожидаясь приглашенія, усѣлась возлѣ нея на «призьбѣ». Обѣ женщины знали другъ друга еще съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, жали часто на одномъ полѣ, гребли сѣно на одномъ лугу, вмѣстѣ пѣли пѣсни, шутили и танцовали въ корчмѣ или на игрищѣ, собиравшемся подъ открытымъ небомъ. Когда на канунѣ Василина пришла первая на огонь, Приська такъ глубоко задумалась о чемъ-то, что на минуту забыла даже о присутствіи Клима. Тогда на лицѣ ея можно было прочесть, что она что-то обдумывала про себя, строила въ головѣ какіе-то планы и надежды. Теперь она пришла къ Василинѣ съ этими планами и надеждами и, помолчавъ съ минуту, начала жалобнымъ голосомъ:

— Ой, бидни-жъ вы, титко, бидни! Вельми вже люде на васъ нападають. Выдумують, та выгадують...

Василина быстро обернулась къ дѣвушкѣ и засыпала ее вопросами:

— Що кажуть? Хто каже? чи й Петро Джурджа тежъ розгниваный и Гапка, и Лободы, и Бодруки?

Приська передала ей дословно все, что говорилось въ селѣ, а потомъ обняла ее за шею руками и, прищуривъ глаза, ласково погладивъ ее по лицу, начала:

— Я до васъ, титко, зъ великою прозьбою... Коли вы вже така знахарка, що можете людямъ и добре, и зле поробити, такъ порятуйте мене въ моій великій биди та пригоди.

Василина быстро отшатнулась и съ неудовольствіемъ отворотила вспыхнувшее отъ гнѣва и печали лице.

— Яка я тоби знахарка! крикнула она; иди соби одъ мене и не докучай...

Но Приська придвинулась еще ближе и опять обняла ее за шею.

— Не гнивайтесь, титко, не гнивайтесь на мене... Я не зъ лихого серця... ой! якъ-бы вы знали, яка я нещасна, то нещасливійшои вже мабуть и на свити нема... Сказано, сирота убога, все одно, що въ чужій хати... Дидова хата не батьковська... И дядьки надо мною знущаються, и жинки ихъ знущаються... Працюешъ, горюешъ, якъ той вилъ у ярми, и доброго слова ни одъ кого не почуешъ.. Сами побъються, то й мене бъють, та разъ у разъ тымъ хлибомъ, що я ïмъ, дорикають... Вже мени и життя остогидло, а за грызнею, та за слизми свита Божого не бачу...

Дѣйствительно, закрывъ лице красными, огрубѣвшими отъ работы руками, она горько заплакала.

Тогда Василина сама уже придвинулась къ ней и проговорила грустнымъ голосомъ:

— Знаю я, добре знаю, що не солодко тоби жити въ дидовій хати... Дядьки въ тебе люти и пъяници, а жинки въ ихъ паскудни... И достатку у васъ нема. Але чимъ-же я можу тоби порадити ў такій пригоди?

— Ой, можете, можете, абы тилько схотили! застонала Приська и обнявъ мокрыми руками свою собесѣдницу, принялась цѣловать ее такъ усердно, что у той все лице сдѣлалось влажнымъ отъ ея слёзъ и поцѣлуевъ. Потомъ всѣмъ своимъ плотнымъ тѣломъ повисла ей на плечо и нѣсколько минутъ что-то шептала на ухо.

Василина снова сдѣлала быстрый жестъ отказа и неудовольствія.

— Не хочу! вскрикнула она, никому вже бильше не буду давати порады, хочъ-бы тамъ не знаю хто бувъ, никому! ій Богу, не буду!

Не выпуская ее изъ своихъ объятій, Приська опять зашептала ей на ухо, на половину смѣясь, на половину со слезами. Василина твердила по прежнему:

— Не хочу! не дамъ! не пораджу! отъ вже й побожилась, що не пораджу!

Но ей очевидно становилось жаль дѣвушку и саму начинало одолѣвать женское любопытство. Она давала отрицательные отвѣты, а между тѣмъ сочувственно и съ любопытствомъ прислушивалась къ шопоту Приськи.

— Чи винъ-же тебе хочъ трохи любить? не вытерпѣла она.

Дѣвушка подперла мокрое лице своими грубыми руками и, устремивъ заплаканные глаза на свою собесѣдницу, отвѣчала:

— Богъ-же ёго святый знае, але мени здаеться, що таки трошки любить. Отъ вже два роки зъ того часу минуло, якъ винъ мене вперше зачепивъ. Я ще тоди була молоденька и на жадного парубка ще не дивилась. А-жъ ось разъ коло криныци, якъ дасть мени хтось у потылицю, ажъ я вся затрусилась. Дивлюсь, Климъ. Я ёму воду зъ видра просто въ вичи, а винъ мене обхопивъ, тай гладить по спини. «Ты, каже, Приськo, не до цеи криныци приходь по воду, а до тамъ-теи, що ближче до нашои хаты». И дали вже завжды такъ. Нехай тилько де побачить, заразъ зачепить. Зимнёи добы то було гнилички за пазухою приносить, та цилыми жменями у хвартухъ мени кидае, а отъ вже два тыждни тому, такъ ни зъ кимъ не танцювавъ у корчми, тилько зо мною...

— Ну, то й добре! замѣтила Василина, то значить любить...

Дѣвушка стыдливо закрыла глаза рукою и продолжала:

— Коли-жъ бо иноди, то и мисяць, и два, и три ани гляне на мене и такъ само другихъ дивчатъ зачипае... А тутъ мени въ хати таке лихо, що нехай Богъ милуе. Дидъ лае и дядьки лають, и дядины женуть зъ хаты. Иди въ службу, кажуть; хто тебе дурну визьме? кажуть; Климъ тебе не визьме, кажуть; отъ вже два роки, кажуть, винъ тебе все зводить, та дурить, а ты ймешъ виры...

И снова заплакала, ломая руки.

— Я и вирю, и не вирю, говорила она сквозь слезы, чи мени-бъ таки Богъ давъ таке велике щастя, щобъ узявъ мене

за жинку хазяйскій сынъ... Ой, то вже таке щастя, таке щастя, що бильшого мабуть и на свити нема...

Василину видимо трогали эти признанія. Она къ каждому живому существу относилась съ расположеніемъ, а бѣдствія и стремленія этой дѣвушки напоминали ей ея собственное прошлое. Приська бросилась цѣловать ей руки.

— Рятуйте, титко, рятуйте, допоможить! я вамъ весь викъ дякуватиму, ридною матирью зватиму, викъ за васъ Бога молитиму.

— Коли-жъ бо, начала Василина уже колеблющимся голосомъ, коли-жъ, хочъ-бы й тее... батько ёму не дозволить зъ тобою одружитись... хазяйскій сынъ... багатый и самъ такій вродливый... Я чула, що Петро хоче цеи зимы засылати для ёго старостивъ до Бодрукивны...

— Ой, якъ-бы тильво винъ схотивъ, застонала Приська, абы тилько винъ самъ схотивъ, а зъ батькомъ не буде клопоту. Винъ у свого батька праве око въ лоби, батько нимъ тилько й на свитъ дивиться...

— То правда, подтвердила Василина, винъ у батька все одно якъ одинъ, бо зъ дурного Ивася не велика помичъ...

— Абы тилько винъ схотивъ! Абы справди покохавъ... вздыхала Приська и снова цѣловала руки своей пріятельницы, покрывала ея лице слезами и поцѣлуями.

Василина все еще находилась въ раздумьи; отъ сильнаго безпокойства платокъ у нея на головѣ ссунулся на бокъ; очень не во время подоспѣла эта горячая просьба бывшей подруги. Но сердце не камень. Въ самомъ дѣлѣ, если бы Приська могла выйти замужъ за Клима, это было бы для нея такимъ же точно счастьемъ, какимъ было для нея самой замужество съ Михайломъ. Наконецъ, Петръ былъ дѣйствительно добрый человѣкъ, очень любилъ сына и можетъ быть не слишкомъ противился-бы его волѣ, если-бы тотъ серьезно захотѣлъ этого.

— Ну, добре!.. сказала она; бабуня казала мени колись про таке зилля. . Я николи ще ёго никому не давала... а тоби, вже

нема чого робити, може й дамъ. Якъ що знайду, то дамъ, тилько не знаю, чи знайду. Приходь завтра, навидайся...

Въ порывѣ неудержимой радости Приська бросилась на землю и обняла колѣни *знахарки.* Потомъ вскочила на ноги и подбоченившись выпрямилась въ торжествующей позѣ. Радость и торжество сіяли въ ея плутовской, румяной физіономіи и въ блестящихъ синихъ глазахъ, а маленькій носъ, придававшій ей задорный видъ, казался еще болѣе вздернутымъ. Она топнула ногою и хлопнула руками.

— Отъ тоди вже я имъ дамъ! отъ тоди вже я имъ покажу! и дядькамъ, и дядинамъ... На порогъ до себе въ хату не пущу,.. куповану спидныцю надину, тай ходитиму передъ ними... якъ побачу, що котора хлибъ ӥсть, я-жъ ій одною рукою ковбасу покажу, а другою дулю зсучу...

Василина смѣялась до упаду надъ торжествующимъ видомъ и надъ угрозами Приськи. Очевидно было, что дѣвушка не столько заботилась о любви Клима, сколько о той завидной будущности, какая должна была послѣдовать для нея отъ этого замужества. И эти чувства понимала и отчасти раздѣляла Василина. И ей, когда-то убогой сиротѣ, также пріятно было теперь ходить по селу въ покупныхъ нарядахъ и принимать прежнихъ хозяевъ въ своей богатой хатѣ.

— Добре, повторила она, що-жъ робити? Якъ тутъ людей не порятувати... коли можна? приходь завтра...

Приська стрѣлою пустилась обратно въ село; ей хотѣлось поскорѣе быть въ корчмѣ, гдѣ уже начинали играть скрипки и Климъ навѣрно уже былъ тамъ. На слѣдующій день она уже поздно вечеромъ возвращалась изъ кузнецовой хаты. На этотъ разъ она шла медленно, въ раздумьи, можетъ быть замечтавшись о будущемъ, и поминутно прижимала рукою что-то, лежавшее на груди за пазухою. Какъ вдругъ, при концѣ тропинки между плетнями огородовъ и пустыми кустами терна, растущими на краю поля, кто-то схватилъ ее за платье. Дѣвушка крикнула въ испугѣ и начала креститься, какъ вдругъ въ перегнувшейся черезъ плетень фигурѣ узнала Варку, которая, ловко перескочивъ

черезъ низкую ограду, тотчасъ начала допрашивать своимъ свистящимъ шопотомъ:

— А видкиля це ты, Присько? Одъ Ковалихи? ты й вчора туды ходила. Не бійсь! я все бачу. А що тамъ чувати въ Ковалихи? Зилля варить, ропухи годуе, чи зъ чортомъ розмовляе? га?

Приська сразу не хотѣла отвѣчать и попробовала было идти дальше, но Варка опять придержала ее за платье.

— Чого тикаешъ? Не терпиться тоби до дидовои лайки, та до дядьковихъ кулакивъ? На, сидай тутъ и ïжъ. Побалакаемо зъ тобою.

Съ этими словами Варка всунула ей въ руку большой, свѣжій, зеленый огурецъ и, вынувъ другой такой-же изъ-за пазухи, усѣлась на межѣ между кустами. Такъ неожиданно предложенное угощеніе сразу расположило Приську въ пользу женщины, которая не подавала ей никакихъ поводовъ къ враждѣ или неудовольствію. Варка, напротивъ того, даже оказывала ей нѣкоторое расположеніе, вступалась за нее, когда ее сильно притѣсняли дома, а однажды подралась даже за нее съ тетками. Впрочемъ, это было довольно понятно. Приська ничѣмъ не могла вызывать въ ней гнѣва или зависти, а напротивъ возбуждала состраданіе своею сиротскою долею. Итакъ обѣ онѣ усѣлись между терновыми кустами и, грызя огурцы, заговорили въ полъ-голоса. Огородъ, подлѣ котораго онѣ расположились, былъ пустъ, на дорожкѣ не видно было ни души. Варка допрашивала дѣвушку, зачѣмъ она ходила къ Василинѣ, та вдругъ опять расплакалась надъ своею горькою учаастью и начала причитать:

— Ой, яка я нещасна, то нещасливійшои мабуть вже й на свити нема. Сказано, сирота убога, все одно якъ въ чужій хати... И продолжала причитать тоже самое и также точно, какъ часъ назадъ передъ Василиною. Варка сочувственно кивала головою и наконецъ спросила:

— А чого-жъ ты до Ковалихи ходила?

Но Приська продолжала свое.

— Богъ же ёго святый знае, чи винъ любить, чи ни, але мени здаеться, що таки трошки любить. Отъ вже два роки ми-

нуло, якъ колись надъ криницею якъ дасть мени хтось у потылыцю, я вся ажъ затрусилася. Дивлюсь, Климъ. Я ёму воду зъ видра просто въ вичи...

И такъ далѣе, до конца. Тоже самое и также точно, какъ передъ тѣмъ говорилось Василинѣ. Сначала Варка слушала терпѣливо, но черезъ минуту не выдержала и снова прервала ее.

— А чого ты до Ковалихи ходила?

Но Приська не успѣла еще выложить всего того, что сложилось въ ея головѣ, какъ «Отче нашъ».

— А иноди зновъ, то и мисяць, и два, и три а ни гляне на мене и такъ само другихъ дивчатъ зачипае...

— Чого ты до Ковалихи ходила?

— Я и вирю, и не вирю, щобъ мени Богъ таке велике щастя давъ..

— Чого-жъ ты до Ковалихи ходила?

Не смотря на весь запасъ дипломатіи, какой она намѣревалась пустить въ ходъ въ данномъ случаѣ, Варка находилась въ состояніи, близкомъ къ взрыву. Приська, сама не зная зачѣмъ и почему, поцѣловала ей руку и отирая пальцами слезы, продолжала:

— Рятуйте, титко, рятуйте, допоможить .. я вамъ цилый викъ дякуватиму..

— Ага! протянула Варка, и глаза ея блеснули въ темнотѣ, какъ два уголька.

— То ты до Ковалихи за порадою ходила!..

— Эге-жъ!

— Дала яку?

— А дала... нехай вже ій Богъ дае усёго доброго...

Варка повисла всѣмъ своимъ гибкимъ тѣломъ на шею дѣвушки и принялась шептать ей въ самое ухо быстрые, страстные, настоятельные вопросы. Приська отпиралась съ минуту, стыдливо и робко отворачивая лице. Она и стыдилась, и боялась своей тайны. Но Варка, обнявъ ее одною рукою, другою совала ей въ ротъ кусокъ своего недоѣденнаго огурца и въ порывѣ нѣжности [illegible]гибала ее къ землѣ, такъ что нако-

нецъ обѣ почти лежали на травѣ. Потомъ она осыпала свою жертву всевозможными ласковыми именами: голубки, зозульки, рыбки и пр. Приська не привыкла къ такимъ нѣжностямъ въ своей тяжелой, сиротской жизни; особенно подкупало ее то, что такъ обходилась съ нею женщина уже не молодая и хозяйка богатой хаты. Она поцѣловала руку Варкѣ, назвала ее теткой и опять начала плакаться и жаловаться. Варка утѣшала ее, переплетая вопросами свои утѣшенія, а когда обѣ черезъ часъ поднялись съ земли, чорные глаза женщины, не смотря на темноту, свѣтились радостью и торжествомъ. Она уже выпытала у дѣвушки все, что хотѣла знать, и вдругъ, оставивъ ее между кустовъ, стрѣлою пустилась бѣжать въ село. Не переводя духу, бѣжала она по пустынной сельской улицѣ, пока не остановилась передъ хатою Петра Джурджи. Сперва она намѣревалась ворваться сюда, какъ ураганъ, и сразу высказать все, что узнала. Но вдругъ въ головѣ ея создался новый планъ. Теперь она никому слова не скажетъ, а тогда уже, когда надъ Петровою семьею стрясется бѣда, когда Климъ непремѣнно захочетъ жениться на Приськѣ, а отецъ воспротивится этому, когда между отцемъ и сыномъ подымется раздоръ и несогласіе,—тогда она придетъ къ нимъ и откроетъ виновника всего несчастья. Интересно, какъ поступитъ тогда Петръ Джурджа, который ни за что въ мірѣ не согласится на то, чтобы сынъ его женился на первой попавшейся дѣвушкѣ, да къ тому-же изъ воровской семьи. Самъ онъ никогда не кралъ и не захочетъ назвать невѣсткою внучку вора. Сколько тогда подымется въ этой хатѣ всякихъ раздоровъ и горя! Ой, достанется-жъ тогда Василинѣ и отъ Петра, и отъ всѣхъ порядочныхъ людей! Зададутъ ей тогда! Ой, достанется той, черезъ кого жизнь ея испорчена, черезъ кого она не знала любви отъ мужа, черезъ кого на всемъ тѣлѣ ея было столько синяковъ, сколько звѣздъ на небѣ! Пускай бъетъ, лишь-бы любилъ. А то и не любитъ, и бъетъ постоянно, а все черезъ ту...

Стоя въ потьмахъ передъ Петровой ха[illegible] [illegible]а заплакала, отерла рукавомъ глаза и медленно [illegible]. Отъ в[illegible]льше. Къ чему

было спѣшить? Вѣдь она уже напередъ знала о томъ, что ждало ее дома. Съ утра заболѣло дитя, а извѣстно, что въ такихъ случаяхъ постоянная тоска Степана переходила въ жестокую злость, которую онъ сгонялъ на женѣ. Какъ будто она виновата въ томъ, что ребенокъ вышелъ такимъ малосильнымъ? Правда, когда ему было два года, она однажды такъ ударила его лопатою по головѣ, что онъ на нѣсколько недѣль лишился разсудка и онѣмѣлъ. Но развѣ онъ отъ того такой слабый и неразвившійся?

— Де тамъ? Така, така вже моя доля погана—тай тильки!

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧТО СЛЫШАЛОСЬ И ЧТО ВИДѢЛОСЬ.

I.

Тепло уже стало. Весна. Еще до Евдокіи (1-го марта) вдругъ какъ то сошелъ весь снѣгъ и хоть еще и снова налетали снѣговыя тучки и сыпали хлопьями, но весна брала свое: ночные приморозки не пересиливали теплоты увеличивающагося весенняго дня и хлопчатый снѣгъ только не давалъ просыхать, или, какъ говорятъ, провѣтриваться отталой послѣ зимы землѣ. Скатилась скоро въ Днѣпръ весенняя вода по крутымъ ярамъ гористой нашей мѣстности, осталась только въ припухшихъ какъ-бы прудахъ. Но за то размяклая глинистая и черноземная почва дѣлала дороги едва возможными для проѣзда.

«На Теплого Олексы» (17-го марта) въ мѣстечкѣ Потокѣ первая весенняя ярмарка въ нашей мѣстности. Всякому эта ярмарка нужна, всѣ спѣшатъ удовлетворить на ней свои хозяйственныя нужды и домашнія потребности. Нужно кое-что купить, кое что продать, промѣнять, прикупить, кое-что нужно къ плугамъ, нужно купить новыя колеса къ обыкновеннымъ и чумацкимъ возамъ, подновить кое-чѣмъ къ предстоящему празднику Пасхи наряды—много койчего нужно и вмѣстѣ съ тѣмъ хочется участвовать въ этомъ разнобразящемъ будничную сѣрую жизнь сборищѣ людей. Поэтому-то все взрослое, особенно мужское, населеніе всей округи отправляется на эту первую «на провесни» ярмарку. Ѣдутъ обыковенно на ярмарку за сутки до урочнаго дня, а ужъ наканунѣ самой ярмарки обязательно, съ такимъ разсчетомъ, чтобы кое-какія потребности исполнить еще на «подторжьѣ» и справившись съ покупками въ самый день ярмарки пораньше, поспѣшить къ вечеру домой. Огульный выѣздъ ярмарочныхъ изъ нашего села начался еще съ ран-

няго утра 16 марта. Еще не свѣтало, какъ уже по скрипу возовъ и не умолкаемому лаю собакъ я зналъ о начавшемся проѣздѣ мимо моего двора. Ѣхали на волахъ, на лошадяхъ, шли пѣшкомъ при возахъ, часто подгоняя не обшедшуюся на привязи какую-нибудь назначенную для продажи скотинку... Все это прошло, проѣхало, прогналось съ разсвѣта часовъ до 9—10 утра, «до раннихъ обидивъ», такъ что, выѣхавъ изъ двора часу въ первомъ по полудни, я уже ѣхалъ одинокій по разбитой ярмарочнымъ поѣздомъ грязной дорогѣ, увязая чуть не по самыя ступицы въ грязи.

Но не доѣзжая Потапецъ, я нагналъ одиноко идущую по краю дороги женщину. Высоко приподнятые запаска и подолъ рубахи, надѣтый черезъ плечо мѣшокъ, палка въ рукахъ и наконецъ размашистая походка ея доказывали, что она идетъ не въ Потапцы ко всенощной, а направляется конечно туда, куда стремятся и всѣ сегодня по этому пути, т. е. на ярмарку. Я радъ былъ попавшейся спутницѣ, а потому, поровнявшись съ нею и опознавъ ее, пригласилъ присѣсть ко мнѣ на возъ. Она не заставила меня повторить приглашеніе, очистила палкою налипшую на сапогахъ грязь, сняла и положила свой мѣшокъ, опустила немного подобранный свой костюмъ и помѣстилась со мной въ телѣгѣ. Отдыхиваясь отъ усиленной ходьбы, баба, послѣ обычнаго привѣтствія, стала высказывать свою благодарность и пожеланія всѣхъ благъ не только мнѣ, но и моему коню, а вмѣстѣ съ тѣмъ разсказала, какъ она по причинѣ не полученія денегъ отъ пана Х—скаго опоздала выходомъ изъ дому, почему и упустила попутчиковъ, какъ ей необходимо быть на ярмаркѣ, и какъ некому замѣнить ее при старости въ этомъ дѣлѣ. «Сынъ, поясняла она, нанялся въ экономію къ п. Х—скому, а дочь—«що воно тамъ тямить», а тутъ и полотно нужно продать и «де що зъ пôсуду купить, а всего болѣе надо купить нѣсколько «бердъ» къ ткацкому станку, а «берда» на эту ярмарку вывозятъ богуславцы, а то вѣдь управившись съ огородомъ, прійдется приниматься за тканье напряденнаго за зиму... и т. д., и т. д. Все это торочила мнѣ моя спутница, обрадовавшаяся возможности доѣхать со мной до мѣстечка, а не идти пѣшкомъ на ярмарку.

Словоохотливая моя пассажирка была изъ нашего же села почтенная старуха, баба Горобчиха. Слово «баба» приставлялось къ ея фамиліи не только по ея лѣтамъ,—ей было болѣе 50

лѣтъ, но и по ея почетному ремеслу сельской повитухи. «Нихто вже такъ не побабуе, якъ вона», говорили про нее наши сельчане, при чемъ она пользовалась извѣстностію, какъ знахарка: она умѣла «пристритъ обмывать, сояшныци заварювать, бишиху зашиптувать»... однимъ словомъ бабуся эта «знала де що и одъ чого».

Я тоже радъ былъ моей случайной спутницѣ: вѣсу немного она прибавляла своимъ худенькимъ тѣльцемъ, а ѣхать вдвоемъ все таки веселѣе, да и въ случаѣ чего—какой нибудь поломки или иной оказіи, возможной при весенней распутицѣ, все таки есть кому хоть телѣгу постеречь.

Какъ бы обдумывая свое горькое положеніе, молчала моя спутница и только вздыхала. Такъ мы проѣхали Потапцы. При подъемѣ изъ села на гору насъ обогналъ выѣхавшій изъ панскаго двора на парѣ бойкихъ лошадокъ потапецкій экономъ (прикащикъ въ помѣщичьей экономіи, управляющій небольшимъ имѣніемъ). Объѣзжая насъ, онъ поздоровался, приподнявъ немного шапку. Я отвѣчалъ тѣмъ же, моя спутница степенно кивнула головою.

— Видите, какъ теперь стало, Боже нашъ! отозвалась баба Горобчиха, вздыхая.

— А что такое? спросилъ я.

— А то, что вотъ ѣдетъ «ляшокъ», да не только объѣхалъ, но еще и поздоровался вѣжливо. Боже нашъ, Боже нашъ! Не тотъ свѣтъ сталъ: то, бывало, попробуй не свернуть ему съ дороги, такъ, и полоснетъ кнутомъ. Сколько разъ приходилось видѣть! А ужъ, чтобы поздоровался «звычайненько», этого и не ожидай! А теперь —вотъ видите...

Я обрадовался этой темѣ разговора. Въ то время всеобщихъ симпатій къ освобожденному отъ крѣпостной зависимости народу, особенно въ средѣ тогдашней молодежи, это была интересная тема разговора, оправдывающая, такъ сказать, нашу любовь къ мужику. Я тогда тоже былъ молодъ. Нужно было поддержать разговоръ, вызвать словоохотливую бабусю на разсказы про недавно минувшее.

— Да почему же это такъ было? Да и всѣ ли паны были такіе?

— А то какъ же?! Тогда они имѣли власть, ихъ воля была. Помѣщики, «велыки паны»—еще сюды туда: кое когда, бывало, и обойдутся ласково. Вотъ хоть бы и покойный нашъ панъ-полковникъ, на что ужъ былъ строгій, суровый съ виду, молчаливый, на-

супленный, брови постоянно сдвинуты, взглянуть, было, не смѣешь на него; а и то, бывало, попадешься ему на встрѣчу, ну ужъ, разумѣется, какъ подобаетъ, остановишься, поклонишься, онъ и ничего. —Здравствуй, здравствуй, скажетъ, баба или молодица, а то, какъ кого, то и по имени назоветъ. А вѣдь тоже ляхъ...

— Да вѣдь это, бабусю, былъ не ляхъ, а нѣмецъ, да еще и полковникъ русской службы.

— Ну, я ужъ по вашему не знаю, какъ тамъ назвать его. Полковника дворскіе, было, называютъ «баринъ», мы и себѣ говоримъ: «баринъ». Такъ ужъ звали его, а «воно однаково выходитъ по нашому ляхъ». Отецъ нашей барыни, что въ Ч—махъ, генералъ. Онъ же и откупилъ насъ отъ прежней пани Товбички на приданое дочери, теперешней барынѣ полковницѣ; она была выдана за полковника. Ну то былъ генералъ, а то полковникъ—все равно ляхи...

— Такъ вы говорите, бабусю, что сами помѣщики были не такіе еще лютые?...

— Да разумѣется! Можетъ быть и лютовали гдѣ, вотъ хоть бы въ П—цахъ, а только наши паны все таки были помягче. Хоть вотъ и полковникъ былъ. Боялись его, правда. Бывало разлютуется, кричитъ, ругается, все было по военному—сейчасъ на конюшню; кой-кого таки и сѣкъ, гдѣ ужъ тамъ безъ этого. Только, бывало, если ужъ очень разойдется, наши и бѣгутъ къ барынѣ просить. А она у насъ, страсть, какая добрая была, вотъ какъ и теперь её видите; только тогда она еще была молодая, такая красивая, что и сказать нельзя, онъ въ ней души не слыхалъ; такъ мы вотъ это сейчасъ къ ней, а она ужъ и упроситъ барина: сейчасъ въ плачь, станетъ просить его, а онъ и уймется. Да такъ, что даже поссорятся бывало между собою. Онъ это и начинаетъ ей:

— Твои, скажетъ, подданные! Ихъ распусти только, они и слушатъся перестанутъ. Впрочемъ дѣлай сама, какъ знаешь.... А она плачетъ.

— Такъ то! Самые паны все таки меньше донимали насъ, говорила моя собесѣдница, и какъ бы обдумавъ, продолжала:

— А можетъ быть это намъ такъ сдавалось черезъ то, что они не по всякъ часъ были при насъ. Ну, а что ужъ эти экономы, да «сипаки» изъ нашего-же брата-мужика, такъ просто въ душу впивались. Не даромъ сказано: «не такъ паны. якъ пидпанки». Боже праведный! чего

только не творили они съ нами, какъ только «не знущались». Всего и не раскажешь и не объяснишь. И вспомнить страшно! Экономы такъ и ходили съ арапниками. Чуть что такое, сейчасъ и начнетъ кнутомъ, а то и протянуть велитъ. Ну, одно слово, «катували» народъ. Такъ ажъ сумъ було возьме. Только на Бога взглянемся. Сердце, было, кровью такъ и обольется. Только и слышишь, только и видишь: того отлупилъ такъ, того такъ, того на полѣ, того на гумнѣ били, того на конюшнѣ высѣкли! Эхъ Господи!

— А васъ женщинъ, бабусю, тоже наказывали? спросилъ я.

— Нѣтъ! Меня таки Господь милосердный хранилъ, отвѣчала старуха, не понявъ моего вопроса и относя его къ себѣ лично. Разъ только накинулся было на меня, такъ мой мужъ, царство его душенькѣ, заступился.

— Жали мы пшеницу на панщинѣ; а я въ ту пору «не порожня» была, такъ-то ужъ тяжело было нагинаться, извѣстное дѣло. Покойникъ и послалъ меня посносить и поскладать въ «пятки» снопы. Иду я это «постатью» по ряду, смотрю, а сноповъ больше десятка порѣзано у насъ.

— Какъ это порѣзано?...

А такъ, возьметъ да и перерѣжетъ «перевесло», а снопъ и разсыпется. Нужно опять перевязывать. У нихъ была такая мѣра для сноповъ, какой толщины должны быть они. Чуть не два локтя. [1]) Смѣряетъ снопъ, чуть не по мѣрѣ, сейчасъ ножемъ чикъ.... снопъ разсыпается. А мѣрять можно всячески.... Ну, посмотрѣла я, что снопы порѣзаны—досадно стало. И такъ не по себѣ, а тутъ перевязывай съизнова, я за свёслами, что лежали подъ копной въ тѣни; мы ихъ смачиваемъ водою, чтобы не высыхали. Беру я эти свёсла да про себя и выругалась, досадно такъ. «Бодай, говорю, чтобъ такъ тоби въ животи, та въ печинкахъ ризало». И не примѣтила, что онъ тутъ же за копной стоитъ. Какъ выскочитъ же онъ, какъ накинется на меня съ бранью! Такъ таки, по ихъ поганому обычаю, «по соромець-

---

[1]) По инвентарнымъ правиламъ опредѣлялся размѣръ сноповъ въ 5 четвертей. Экономы и досмотрщики жнецовъ имѣли у себя мѣры изъ бичевки, заканчивавшейся деревянными чурками, на которыхъ имѣлись печати экономіи. Шнуръ измѣрялся намоченный, а когда высыхалъ, то, разумѣется, удлинялся и вытягивался до $1^1/_2$ аршина.

ки». Да какъ стеганетъ мени кнутомъ черезъ спину, я такъ и за**вопила**: такъ это неожиданно онъ выскочилъ ко мнѣ, испугалась я, **кричу**.... *Мой* услыхалъ крикъ—бросился къ намъ. Глянула я на **него**, а на немъ и лица нѣтъ: бѣлый какъ глина, страшный, глаза **такіе** «палючіе», серпъ въ рукѣ.... Вижу я ужъ, что бѣда, затряслась вся и голоса не отведу, сама не своя стала, а онъ только: «не тронь молодицы, пане!», такъ какъ-то вполъ-голоса, а только твердо сказалъ, больше ничего и не сказалъ. Спостерегъ, видно, вражій ляшуга, что тутъ такъ не обойдется, опустилъ руку съ арапникомъ да и пошелъ себѣ прочь; отошелъ этакъ подальше, поднялъ кнутъ и погрозился. Ну, постой-же, говоритъ, пся кревь!...

— Я какъ стояла, такъ и упала на свесла съ плачемъ...

— Що се ты наробивъ, винъ тебе закатуе!—тужу. А мой такъ еще и прикрикнулъ на меня...

— Замолчи! говоритъ. Ступай къ своему дѣлу! и самъ пошелъ къ пшеницѣ.

— Такъ-то, Боже нашъ, сталось. И долго-ли тутъ до грѣха? Они, паны, думаютъ, что у мужика и души нѣтъ!...

— Ну что-жъ? Такъ и сошло вашему мужу? допытывался я, вередя боль моей влюбленной въ мученика-мужика души.

— Охъ, хо, хо! Гдѣ ужъ тамъ сошло! Не прошло такъ: принялъ онъ, сердечный, муку за меня.... Только и по смерть свою, царство души его, не говорилъ. Пошелъ самъ на другой день во дворъ. Пришелъ оттуда хмурый такой, будто тучею укрытый! Я стала было расспрашивать, а онъ только буркнулъ что-то, да и погнался съ быками на пастьбу. Кума Горпина, вотъ что теперь стара Климиха, разсказывала послѣ, что онъ, покойничекъ, заходилъ въ корчму и вышелъ оттуда пьяный-препьяный, такъ и шатается. Послѣ ужъ мнѣ разсказывали. Я и сама догадывалась, такъ расспрашивать и стыдно и больно. То бывало перемѣняетъ сорочку, «простить у цёму слови», въ хатѣ, насъ вѣдь было тогда только двое, я да онъ, а то внесла я ему въ недиленьку сорочку, изъ скрыни, а онъ взялъ и пошелъ въ комору переодѣваться. Ну, а тутъ въ скорости и я слегла родами; не до того ужъ было.... Не словоохотливый былъ покойникъ, земля ему пухомъ: все было молчитъ, всегда хмурый такой. Иногда улыбнется, словно солнышко изъ за тучи осенней выглянетъ, а то все хмурый былъ, до самой смерти про этотъ случай не

вспоминалъ. Ну, а людямъ рмзсказывать нечего: кому охота чужую душу своей бѣдой морочить.

Сталъ проклятый панъ все придираться къ намъ. Я, разумѣется послѣ родовъ не сейчасъ-же пошла на панщину: завелись за нами неотработанные дни... Ну, и мучилъ же онъ насъ: тутъ одно нездорова, по дому некому управляться, тутъ дитя малое, такое слабое было, такъ и умерло перваго года, а онъ и вздохнуть не даетъ. Пока-то отработали «залеглые» дни, пока-то стали опять въ порядокъ отбывать панщину.... Только ужъ съ той поры перестали у насъ женщинъ сѣчь розгами. Полковница, «нехай iй легенько згадаетьця», упросила барина, чтобы не сѣкли. Грициха и разсказывала, какъ она упрашивала. А то, бывало, Боже милостивый, какъ только не издѣвались... «Я, было, кричитъ люблю смотрѣть, какъ васъ порютъ!» Осрамятъ, бывало, наглумятся клятые!.... Которая, бывало, ходитъ «не порожня», такъ что выдумали: велитъ ямку выкопать, да и положитъ, простите, на этомъ словѣ, животомъ въ ямку, чтобы не придавить, да такъ и сѣкутъ. А то такъ велитъ на плечи кому взвалить и держать, вотъ какъ «въ переваги—ваги» дѣти играютъ. «Я, было, глумится проклятый ляхъ, берегу это *быдло*, чтобы плодились!» Вотъ какъ издѣвались, клятые! Боже праведный!...

— И больно сѣкли? По одежѣ вѣдь?...

— А то не больно?.. Стонъ стоитъ, бывало! По одежѣ! Какое по одежѣ! Такъ таки прямо, извините, «заголювали». Сраму, сраму этого! Господи! «Ажъ сумъ по селу»! Въ глаза другъ другу поглядѣть стыдно, бывало. А только имъ, вражимъ ляхамъ, не стыдно было, простите, заглядать.....

Не долго былъ тотъ проклятый, что было напался на меня: баринъ его скоро какъ-то по осени и протурилъ за то, что онъ пару коней, ѣздивши въ Степанцы, съ пьяна загналъ. Ну, ужъ и проводили же мы его!...

— Какъ это проводили?

— А такъ, какъ годится провожать такихъ чертей! У насъ ихъ, этихъ панскихъ экономовъ, всегда такъ провожаютъ. Развѣ уже какой ночью какъ нибудь выѣдетъ. А то возьмутъ въ возокъ всякой гадости понакидаютъ, кизяковъ, сору, какую нибудь дохлятину—кошку, щенка или курицу, да еще и «протюкаютъ» черезъ все

село. «Тю! тю!» кричатъ со всѣхъ сторонъ. Такъ и протюкаютъ. Ругаютъ, насмѣхаются, а дѣти такъ еще и комьями грязи швыряютъ. Уску изъ оси выдернутъ, хомутъ какъ нибудь подрѣжутъ.... Проѣдетъ это немного селомъ, а колесо и спадетъ, что нибудь въ упряжкѣ оборвется какъ разъ посреди села и сталъ. А тутъ со всѣхъ сторонъ изъ-за хатъ, изъ-за плетней: тю! тю! Ругань, свистъ!...

Замолкла бабуся, какъ бы передумывая пережитое, перетерпѣнное. У меня этотъ разсказъ непосредственнаго очевидца поднялъ цѣлую бурю въ душѣ. Больно мнѣ было и за весь этотъ строй общества, и за мое панское происхожденіе. Эта ужасная правда колола мои дворянскіе глаза. Мысль отказывалась понимать это совмѣщеніе безчеловѣчія съ одной стороны и этого адскаго терпѣнія съ другой. Не уразумѣвалось, какимъ образомъ эта масса народа выдерживала столь ужасное положеніе. Фигура мужа разкащицы, блѣдная, хмурая, съ искрящимися глазами, съ серпомъ въ дрожащей рукѣ, грозно сдержанная, какъ живая вставала въ моемъ возбужденномъ воображеніи. Въ ней, въ этой грозной, готовой прорваться местью раба фигурѣ я видѣлъ всю злосчастную Украину, «запропащенную панамъ», по выраженію народа. Я понималъ Галайду Шевченка, я готовъ былъ чувствовать... «и то, что чувствовалъ Маратъ»... въ словахъ другаго поэта. Какое же скверное, ужасное время!

Мы доѣхали до Шандры и спускались съ горы къ корчмѣ, стоящей у самой гребли, которою запруженъ большой Шандровскій прудъ. Вода ревѣла во всѣхъ шлюзахъ и, не вмѣщаясь въ нихъ, шла черезъ плотину. Не мало тутъ было ѣдущихъ на ярмарку: стояли, отъѣзжали и прибывали. Выбравъ посуше мѣсто, я остановился, разсчитывая дать вздохнуть притомленной грязной дорогою лошади и закусить самимъ. Бабуся, по случаю великаго поста, не захотѣла выпить водки, а потому я самъ отправился въ корчму и подкрѣпился чаркою сивухи. На плотинѣ раздавались понуканья воловъ и лошадей: «но, но, собъ, цабе»!.... Фигуры крестьянъ въ черныхъ киреяхъ и высокихъ шапкахъ тиснулись у дверей корчмы; они то входили, то выходили туда и оттуда. Къ мельницѣ прошелъ убѣленный *обметыцею* (мучною пылью) мирошникъ, покрякиваніемъ и плевками докызывавшій, что онъ выпилъ въ корчмѣ. Тутъ же шелъ осмотръ какой-то лошаденки, очевидно, предназна-

ченной для продажи. На западѣ прояснилось небо, предвѣщая вѣтеръ на завтра....

Было уже около 5-ти часовъ, когда мы порѣшили трогаться въ путь, подкрѣпясь сами, покормивъ и напоивъ лошадь. Оставалось еще верстъ 12-ть прескверной дороги по раскисшему чернозему.

Развлеченная сценами около корчмы мысль моя, какъ только мы переѣхали греблю, опять вернулась къ сюжету разсказовъ бабы Горобчихи, которая за греблею слѣзла съ воза и сторонкою выходила на гору. Впереди и сзади меня ѣхали ярмарочные. Выбившись на гору, я нарочно свернулъ съ дороги изъ ряда ѣдущихъ и замѣшкался, подтягивая черезсѣдельникъ: мнѣ хотѣлось поотстать отъ спутниковъ и вызвать бабусю на дальнѣйшій разсказъ про изизвѣстныя отчасти мнѣ дѣла не давно еще минувшихъ тогда дней, хотѣлось вередить боль души, какъ вотъ, бываетъ, царапаешь наболѣвшій струпъ.

— Такъ вотъ какъ жилось вамъ подъ панами!... началъ я вызывающе, когда бабуся усѣлась въ телѣгѣ и когда мы, поотставъ отъ ѣдущихъ, очутились опять вдвоемъ.

— И не доводь Господи никому, не то що нашимъ дитямъ, а й лихому ворогови оттакъ жить, отвѣтила, вздохнувъ, бабуся и замолкла, какъ бы обдумывая сказанную фразу или, можетъ быть, по свойственной украинцамъ сдержанности и недовѣрчивости, жалѣя даже о томъ, что было ею раньше сказано. Но я не отставалъ.

— Ну, вотъ вы, бабусю, говорите, что васъ всѣхъ сѣкли паны. Какъ же такъ, я не пойму: вѣдь не сами же паны и ихъ экономы сѣкли, не своими же руками?! Вѣдь собственно сѣкли розгами, ну, наконецъ, держали сѣкомыхъ свои же братья мужики?....

— Да то кто-же, какъ не свой братъ! Разумѣется, свои. Такіе ужъ выискивались! Такъ *воно* уже на то пускалось. Совѣсть ли уже теряло, или ужъ такъ хотѣлось *ему* быть угоднымъ пану, или изъ боязни... кто его разберетъ. Только бывали такіе *катюги*, такіе лютые. Не даромъ ихъ прозвали *сипака*-ми. Не даромъ говорится: «не такъ паны, якъ пидпанки». Пановъ еще, бывало, можно было сякъ-такъ одурить, а ужъ этихъ своихъ *сипакъ* не проведешь! Да и какъ его обманешь? Онъ тутъ-же между нами, все знаетъ, все видитъ. Вотъ вы знаете Карпа Заманенка.... Какимъ сталъ те-

перь: и чубъ подстригъ въ кружокъ, и «ставникъ» [1]) въ церкви теперь у него свой, и говорить сталъ по нашему. А то, бывало, куда тебѣ! Чубъ на бокъ, сорочка на немъ бумажная съ косымъ воротомъ, все чтокастъ, да чубомъ потряхиваетъ, какъ лошадь отъ оводовъ. «Такъ и одвернувсь було у чужу виру, дарма що не кателикъ, а хрещеный». Развѣ такіе миловали насъ?! Такъ и норовитъ, чтобъ быть поближе къ панамъ. Онъ, этотъ Карпо, и въ люди, было, не ходитъ, все во дворѣ панскомъ натирается. Съ экономомъ чуть не за панибрата, на насъ же и смотрѣть не хочетъ. А ляхи его и жалѣли за то, что угождалъ имъ. Вотъ это какая молодица впадетъ эконому въ око, сейчасъ Карпо и начнетъ подбивать ее на грѣхъ, прости Господи!

— Развѣ и это было?... подзадоривалъ я бабусю, какъ будто ничего прежде и не зналъ про эту сторону рабства.

— А то развѣ и не было?! Все было. И вспомнить страшно! Про молодицъ что ужъ и говорить, а бывали случаи и съ дивчатами. Боже нашъ, Боже! чего только не бывало! Вѣдь вотъ Цимбаленкова Приська такъ и вѣкъ свѣковала «покрыткой», такъ и загубилъ её проклятый ляшуга! Боже праведный! Тогда насъ только-что закупилъ было генералъ, отецъ нашей барыни-полковницы, отъ Товбички. Генералъ жилъ то въ Кіевѣ, то въ Чернышахъ въ своей *дидизнѣ*, а сюда къ намъ наставилъ экономомъ того самого ляха. Онъ гдѣ-то, разсказывали, служилъ подъ генераломъ, подъ его командою. Такой здоровенный ляшище, и все было у него по военному. Станетъ говорить, такъ мы его и не понимаемъ: кто его знаетъ, что онъ говоритъ и по каковски, только не такъ, какъ вотъ говорятъ паны. Пановъ, когда они говорятъ по лядски, все таки мы понимали, а его нѣтъ. Наши продразнили его чудно такъ: *анцыдрій*. Все было, какъ оглашенный, кричитъ на насъ: Скарэй!

---

[1]) На Украйнѣ по селамъ, какъ остатокъ прежнихъ братствъ, сохраняется обычай, по которому набожные прихожане, именующіеся братчиками, держатъ въ церкви собственныя, большихъ размѣровъ, какъ предъ намѣстными иконами, свѣчи или по мѣстному „ставники“ и во время литургіи, отъ выхода съ евангеліемъ и до Отче нашъ, стоятъ съ ними впереди молящихся противъ царскихъ вратъ. Младшіе братчики, или парубки, тоже имѣютъ свои свѣчи или одну общую *парубоцькую* свѣчу, которую держитъ въ церкви ихъ *отаманъ*. У запорожцевъ въ церкви были ставники отъ всѣхъ куреней.

такъ чтобъ было *анцыдрій* [1]). А что ужъ это значитъ, мы и не знали. Вотъ этотъ-то проклятый и «збавивъ дивчину». Наши тогда такъ и «заворушилась». Она, несчастная, хотѣла, прости Господи, утопиться: въ прудъ бросилась. Вотъ вы знаете Калениченковъ, такъ ихъ отецъ ее и вытянулъ изъ проруби. На разсвѣтѣ пригналъ воловъ поить, а она тутъ какъ тутъ: сбѣжала къ пруду, добѣжала до того мѣста, гдѣ теперь криница, а тогда тамъ были родники и вода никогда не замерзала, да и бросилась туда прямо въ одежѣ; какъ выскочила отъ проклятаго ляха, такъ и не пошла домой, а прямо въ воду, а Калиниченко тутъ и подхватилъ ее. Тамъ хоть и не глубоко, а все-жъ таки долго-ли до грѣха? Сбѣжался народъ, прибѣжала Цымбалка, голоситъ. Пошли всею громадою къ генералу. А онъ хоть и ляхъ, а добрый былъ, такой заслуженый, да еще и то, что тогда еще онъ по новости нашимъ сталъ... Ну, сейчасъ же и смѣнилъ этого проклятаго. Такъ призвалъ къ себѣ, да больше уже и не пустилъ къ намъ, и куда-то его запряталъ. А она, сердешная, такъ и осталась....

У насъ въ деревнѣ этой пакости до тѣхъ поръ не бывало. Тутъ были прежде двѣ пани-сестры, такъ хоть онѣ и притѣсняли народъ работою, да разными «хаптурками», а только этихъ срамныхъ дѣлъ не слышно было. И генералъ, какъ сразу показалъ, что этого не любитъ, такъ оно и осталось. А можетъ быть и то, что ляхи и боялись трогать дивчатъ, чтобъ не засудили. Въ П—хъ одинъ было распустился такъ-то, такъ его засудили. Кто его знаетъ, отъ того ли или отъ другаго, а только у насъ, сколько помню, кромѣ этого случая съ Приською, другаго не было.

Помолчавъ не много, бабуся продолжала:

— А что на счетъ молодицъ, такъ всего бывало. Иной (экономъ) попадется такой собака, такой песище! Плачутъ сердечныя молодицы! Одно срамота, а тутъ свой таки мужъ станетъ докорять, бить станетъ: всякіе мужья бываютъ, иной чего не подумаетъ. Въ Піяхъ изъ за этого мужъ зарубилъ жену. Его послѣ и палачъ наказывалъ, а послѣ заслали куда-то. Боже праведный! Боже милостивый! Зазовутъ было за чѣмъ нибудь во дворъ, а тамъ, что хочетъ, то и дѣлаетъ.

---

[1]) Экономъ этотъ былъ нѣмецъ и имѣлъ привычку для означенія скорости говорить: *ein, zwei, drei;* отсюда прозваніе: *анцыдрій.*

— Разъ что случилось! Вы вотъ не застали Илью Зиньченка. Вотъ это его двѣ дочки солдатки, Феська да Остапчиха. Это у него отъ второй жены, а отъ первой дѣтей не было. А онъ былъ отаманомъ въ *дворѣ*. Тамъ такой лютый былъ, такой *сипака*, что дальше ужъ и некуда. А ужъ до пановъ, до экономовъ этихъ такой «прихильный», какъ чортъ до грѣшной души, прости Господи! Покойный Кіяниця какъ бывало выпьетъ, такъ и начнетъ корить его. — Эй, было говоритъ, Илько, схаменись, не встрявай у ту пакость, пошануй чужу честь! Грѣхъ не замолимый тебѣ! Богъ невидимо накажетъ!...

Такъ нѣтъ, не каялся. При молодой женѣ, отъ которой Богъ и дѣтей ему послалъ (хоть и дочерей, а все же дѣти), еще какъ то болѣе сталъ льститься къ панамъ.

Насталъ къ намъ новый экономъ, Богуцкимъ звали его. Такой здоровенный катюга. Вотъ вы знаете Прокопенковъ, на что ужъ рослые, а то еще покрупнѣе. Сильный такой, еще и не старый, все хмурый. Только, нужно правду говорить, бить не билъ самъ никого. Сѣчь приказывалъ, а самъ бить не билъ: боялся, разсказывали, чтобы не убить—очень ужъ сильный былъ. А паны наши жили тогда въ Кіевѣ зимою, а на лѣто только, бывало, пріѣзжаютъ, да такъ иногда баринъ навернется. Зимою большой домъ только изрѣдка протапливали.

Илько такъ и прилипъ къ этому Богуцкому: тамъ днюетъ и ночуетъ и ужъ на счетъ этой пакости такой ужъ *догадливый*.

Только разъ, постомъ великимъ, пришло извѣстіе, что самъ *баринъ*-полковникъ пріѣдетъ къ намъ по какому-то дѣлу. Ну, извѣстно, въ дворѣ къ пріѣзду пана прибираютъ, комнаты отапливаютъ. Съ вечера еще заказали жинкамъ идти на другой день во дворъ птицу «патрать». Иду я это чуть свѣтъ, повстрѣчалась у панскаго двора съ Кулиною Ярошенковою и съ Приською, вотъ что я разсказывала, Цымбаленковою. Сейчасъ пришли, отправились съ Домахою Довбанкою (она тогда кухаркою была), половили курей, порѣзали, стали чистить въ кухнѣ. Мужчины всѣ поразошлись по своему дѣлу: давать кормъ скотинѣ, лошадямъ. Тихо такъ въ кухнѣ, слышно, какъ дрова въ печкѣ трещатъ. Только вдругъ послышалось, на экономской половинѣ кто-то какъ будто крикнулъ. Мы насторожили уши, притихли... Крикнуло сильнѣе. Мы въ сѣни; слышимъ,

за стѣной у эконома кто-то, очевидно, женщина, кричитъ, охаетъ, плачетъ. Что тамъ творилось, мы сразу догадались. Приська сердечная на себѣ это испытала; схватилась за меня да и дрожитъ вся. Я таки посмѣлѣе была, да и то подумала, что вотъ сегодня панъ пріѣдетъ, и говорю: пойдемъ. Кинулись мы всѣ на экономское крыльцо, что тутъ же рядомъ, да въ его сѣнечки, а тамъ Илько стоитъ, да какъ крикнетъ на насъ:

— Геть, говоритъ, вамъ тутъ дѣла нѣтъ!—Столпились мы около дверей; Приська такъ и впилась въ меня руками, какъ «несамовита стала», ей такъ бывало еще съ того разу... Тутъ хлопцы надошли отъ конюшни. Илько прогоняетъ насъ, а мы стоимъ, оторопѣвши, не отходимъ: страшно такъ. А на дворѣ уже совсѣмъ разсвѣло, видно стало. Вдругъ слышимъ, двери изъ горницы брякнули и изъ за Илька, изъ темныхъ сѣнецъ, выскочила прямо на насъ молодица. Плачетъ, голоситъ, оправляетъ «очипокъ»; растрепанная вся, запаска сползла, только однимъ угломъ и держится за поясомъ... Тужитъ, причитаетъ: сякой-такой сынъ, «опаскудивъ собака, и посту святаго не пошанувавъ».

Смотримъ мы и глазамъ не вѣримъ; это Палажка, жена Илька! Такъ и онѣмѣли мы! И слова промолвить не можемъ. И Илько, какъ вышелъ на крыльцо, такъ и сталъ окаменѣлый: глаза раскрылись, руки разставилъ... Ничего не поймемъ, а она, сердешная, такъ и подалась черезъ дворъ, «голосячи». Приська моя сердешная еще больше вцѣпилась за меня, дрожитъ какъ въ лихорадкѣ. Повела я это ее въ кухню, только что хотѣла дать ей воды напиться, какъ Кононъ, что тогда былъ при лошадяхъ, вбѣгаетъ, выхватилъ кружку у меня и опять на дворъ. Вышли мы и видимъ, что Илька водою отливаютъ; лежитъ, какъ не живой на крыльцѣ, обомлѣлъ. Еле отходили. Такой грѣхъ случился!

Такъ и пошли толки по селу. «Що се таке! Що се таке!» Еще этого и не бывало, чтобы мужъ да свою же жену подводилъ на грѣхъ... Это ужъ такой грѣхъ, такой грѣхъ! Послѣ ужъ выяснилось: Илько еще съ вечера заказалъ Оришкѣ Дорошенковой, чтобы чуть свѣтъ приходила къ пану грубы топить. Охъ ужъ эти грубы! А Оришка эта еще въ дѣвкахъ подруговала съ его Палажкой. Обѣ онѣ такія красивыя были и такія подруги, такія подруги, что ихъ и водой не разлить. Палажка вышла за мужъ года на

два раньше Оришки, а послѣ ужъ и Оришку отдали за Василія Дорошенка, и опять они, какъ близкія сосѣдки, дружили между собою. Собралась это Оришка до свѣту идти во дворъ по наряду, а у ней какъ разъ въ ту пору коровка стала телиться. Она и попроси Палажку пойти за нее грубы топить. А онъ, треклятый ляхъ, «и заходивсь коло неи». Такъ ужъ Господь попустилъ на кару Илько. Не узналъ ли Богуцкій Палажки (онъ ее мало и видѣлъ, потому что она на послугу не ходила, какъ жена отамана), или онъ не разбиралъ,—кто его знаетъ! А Илько не распозналъ голоса жены и еще насъ прогонялъ... Такъ-то Господь невидимо караетъ.

Не долго и побылъ Илько у насъ въ селѣ. Такъ таки съ того дня и не пошелъ во дворъ. И баринъ пріѣхалъ, не пошелъ, и наказывали его, не пошелъ. Запьянствовалъ, да такъ послѣ «Великодныхъ святъ и помандрувавъ на Бессарабію». Да куда тамъ уже и жить ему было здѣсь! «Просвитку» не давали по селу; все докоряли, просмѣивали... Осталась она съ дѣтьми. Ей и не докоряли, потому она не виновата была, не по своей волѣ въ грѣхъ впала— это всѣмъ видно было. Его же такъ и не слышно стало. То было, разсказывали, гдѣ-то чумаки видывали, а теперь вотъ уже годовъ пятнадцать и не слышно. И Палажка, царство ей небесное, умерла, и дочки повыходили замужъ, а про него ни слуху, ни вѣсти. Боже нашъ, Боже нашъ!

— Ну, а Богуцкому такъ и сошло!..

— А что ему?! Онъ у насъ еще послѣ того съ годъ пробылъ и перешелъ куда-то въ *грапщину* (имѣніе гр. Б.). Оттуда, говорятъ, выѣзжалъ по панскому наказу въ Бессарабію разъискивать бурлакъ сердешныхъ. Иные паны, было, посылаютъ ловить своихъ подданныхъ туда ажъ подъ Одессу. Проглаголали какъ-то, что его гдѣ-то на Тилигулѣ бурлаки зарѣзали, да кто его знаетъ, правда ли. Намъ и припоминать его, клятаго, противно.

Мы подъѣзжали къ ярмаркѣ, до насъ доносился обычный гамъ, кой-гдѣ уже свѣтилось въ избахъ. Разыскали мы своихъ...

II.

Скоро какъ-то послѣ ярмарки, нашъ односелецъ Василь Ярошенко, возвратившись изъ Канева, гдѣ онъ ночевалъ у полицей-

скаго разсыльнаго, привезъ извѣстіе, что къ намъ повели черезъ станъ какого-то бурлаку. Кто бы это былъ такой?! толковали наши селяне, припоминая всѣхъ, кто когда-либо выбылъ изъ села «въ мандривку на Бесарабію». А такихъ выбывшихъ на памяти было только трое. Одинъ ушелъ еще во времена Товбички. Она хотѣла его отдать въ солдаты за какую-то провинность, а онъ и ушелъ бурлачить. Но это было такъ давно, что изъ живыхъ людей только дѣдъ Тарасъ чуть-чуть помнитъ. Другой—это былъ Илья Зиньченко: его и видывали чумаки гдѣ-то за Бугомъ и въ Одессѣ, а послѣ и не стало его. Третій бѣжалъ недавно; онъ былъ не старъ и попалъ въ солдаты во время крымской войны, когда въ Херсонщинѣ ловили бурлакъ нарочно посылаемые за тѣмъ козаки; его убили гдѣ-то въ Крыму, какъ разсказывалъ Григорій Суциненко, солдатъ изъ Гр—цъ, служившій съ нимъ въ одномъ полку. Изъ всѣхъ трехъ только послѣ Зиньченка оставались въ селѣ дочки, а тѣ два были безродные... Много было высказано предположеній по поводу принесенной Ярошенкомъ вѣсти. Были и такіе, что высказывали предположеніе, не чужой-ли какой человѣкъ нарочно назвался нашимъ, чтобы подъ чужимъ именемъ скрыть свое преступное прошлое. Наше небольшое село все узнало эту новость, всѣмъ до дѣтей включительно было извѣстно, что къ намъ ведутъ «якогось сердегу», при чемъ личности этаго «сердеги» въ разсказахъ придавалась какая-то таинственная окраска, почему то предполагалось, что онъ будетъ приведенъ къ намъ подъ конвоемъ чуть не цѣлаго отряда солдатъ, а что будетъ въ кандалахъ, такъ въ этомъ никто ужъ не сомнѣвался. Не освоившійся еще со свободою недавній панскій подданный не могъ представить себѣ, чтобы съ человѣкомъ, виновнымъ въ бѣгствѣ отъ панской власти, могли поступать иначе, чѣмъ въ такихъ случаяхъ поступали прежде паны.

Недѣли полторы спустя послѣ первой вѣсти о бурлакѣ, котораго повели къ намъ, я увидалъ на дорогѣ къ селу идущихъ двухъ человѣкъ. Въ одномъ изъ нихъ я призналъ сотскаго изъ Потока; чинъ его доказывался бляхою на груди и палкою въ рукѣ, несомою по начальнически. Сотскій еле поспѣвалъ за бѣжавшимъ почти впереди его старикомъ. Сѣдая, немного полысѣвшая голова старика не была прикрыта ничѣмъ, и волосы развѣвались на ходу. Совершенно бѣлая, растрепанная борода спадала на грязную сорочку,

засунутую въ неменѣе грязные полотняные штаны, прихваченные въ щиколодкахъ ногъ оборками какихъ-то стоптанныхъ котовъ. Не смотря на теплый майскій день, старикъ былъ одѣтъ въ разпахнутый спереди, измызганый, съ отрепанными полами кожухъ. Во всей фигурѣ старика, въ его порывистой походкѣ, въ безустанно поворачивающейся во всѣ стороны головѣ, съ блѣднымъ лицемъ, глубоко сидящими въ орбитахъ свинцовыми глазами и высоко поднятыми густыми бровями, не было той усталой степенности, какую обыкновенно мы видимъ въ нашихъ украинскихъ «дидахъ». Все въ немъ было до нельзя нервно, лихорадочно: онъ не шелъ, а какъ бы летѣлъ на распахнутыхъ крыльяхъ своего кожуха, онъ не смотрѣлъ, а пожиралъ глазами село, поле, все окружающее его.

Они оба подошли къ мостику, перекинутому черезъ водотоку отъ моихъ воротъ. Подходя, сотскій спросилъ старика, узнаетъ ли онъ меня, и, здороваясь, взошелъ на мостикъ и подалъ мнѣ бумагу. Старикъ присмотрѣлся ко мнѣ, тоже здороваясь, но, оставаясь за мостикомъ, отвѣчалъ:

— Нѣтъ, этого не узнаю. А усадьба это *Вовкивська* (на ней жилъ прежде крестьянинъ Вовкъ).

Я сказалъ сотскому, чтобы онъ несъ пакетъ съ книжкой къ старостѣ, но онъ приглашалъ и меня идти туда, такъ какъ староста все равно не прочитаетъ и не роспишется въ разносной книжкѣ. Староста жилъ не далеко отъ меня и я, крикнувъ кому то изъ своихъ, чтобы принесли перо и чернило, пошелъ туда. Старикъ опередилъ насъ и, подойдя къ двору старосты, сказалъ:

— А тутъ Володько живетъ; это его дворъ!..

Испуганныя видомъ такого страннаго старика нѣсколько дѣтей, игравшихся на улицѣ, шарахнулись черезъ плетни, какъ воробьи. Старикъ смѣло пошелъ черезъ дворъ въ хату старосты, не обращая вниманія на лаявшую собаченку. Мы, т. е. я и сотскій, пошли за нимъ. Былъ какой-то майскій праздничекъ, Іоанна-ли Богослова (8 мая), Симона-ли Зилота (10 мая), не помню хорошо, и у старосты въ семьѣ, видно, только что пообѣдали. Двери изъ избы въ сѣни были настежъ открыты. Старикъ вошелъ прямо въ хату и громко и бойко поздоровался.

— Здравствуйте, Володьку!.. и сейчасъ-же, обтерши рукавомъ губы, поцѣловался со старостою, который этимъ поцѣлуемъ былъ засти-

гнутъ какъ-то врасплохъ и нѣсколько сконфуженъ. Ему, какъ видно, хотѣлось поддержать начальническій престижъ.

— Да вы, диду, хто-же такій? спросилъ староста строгимъ голосомъ, въ свою очередь сконфузивъ старика.—Цѣлуйся, молъ, цѣлуйся, а я свое дѣло знаю, говорила вся постать старосты, принявшая вдругъ какой-то серъезно-озабоченный и важный видъ.

Видно, старику приходилъ въ голову вопросъ о томъ, какъ-то его пріймутъ въ родномъ селѣ и не отрекутся-ли отъ него односельцы изъ какихъ-либо побужденій—по не желанію-ли принимать въ свою среду новаго соучастника владѣнія землею, или въ силу недоброй памяти о его прошломъ. Все это, вѣроятно, передумано было старикомъ, и вотъ почему онъ такъ торопливо указывалъ мнѣ и сотскому, чья была та усадьба, на которой я поселился, равно гдѣ живетъ Володько. Потому-то онъ и выглядѣлъ сконфуженнымъ, когда староста своимъ вопросомъ показалъ ему, что онъ его не узнаетъ. Наконецъ замѣшательство пришельца, можетъ быть, увеличивалось подъ вліяніемъ пытливыхъ взглядовъ, которые устремила на него вся семья старосты, равно и я съ сотскимъ. Послѣдній впрочемъ, слѣдуя со старикомъ изъ Потапецъ къ намъ, изъ разговоровъ съ нимъ видимо успѣлъ убѣдиться въ его самоличности и теперь интересовался только тѣмъ, какъ разрѣшится здѣсь дѣло признанія утомившаго его непомѣрно скорымъ шагомъ дѣда. Усталость сотскаго выразилась тѣмъ, что онъ, какъ вошелъ въ сѣни, такъ прежде всего напился воды, а потомъ уже вошелъ въ хату и подалъ пакетъ старостѣ, озадачившему старика своимъ вопросомъ.

— Да развѣ вы, Володьку, не узнаете меня? отвѣчалъ старикъ, пока я распечатывалъ переданную мнѣ старостою бумагу. Я Илья Зиньченко, помните?..

— А, это вы были когда-то отаманомъ?

— Да я-же, никто иной, какъ-бы винясь въ этомъ, говорилъ дѣдъ. Староста обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Что-же тамъ написано?

Въ конвертѣ оказалось предписаніе становаго пристава п—кому волостному правленію съ передаточною надписью этого правленія сельскому нашему старостѣ, сущность-же предписанія заключалась въ томъ, что изъ г. Ананьева херсонской губерніи препровождается назвавшійся крестьяниномъ нашего села Илья Зиньченко,

а потому предписывается предъявить его обществу и буде таковое признаетъ, то водворить его въ нашемъ селѣ, взыскавъ съ него Зиньченка или, если у него ничего нѣтъ, то съ общества какую-то мелкую сумму денегъ за путевое довольствіе и выданные ему коты. На случай-же непризнанія онаго Зиньченка обществомъ предписывалось представить его подъ строгимъ карауломъ въ становую квартиру. Пока я все это по порядку читалъ и послѣ прочтенія объяснялъ ничего не понявшему изъ бумаги старостѣ, въ избѣ всѣ пріутихли, только дѣти чмыхали носами.

Староста нахмурился, обдумывая, какъ поступить ему въ семъ случаѣ, и не отвѣтилъ ничего на два-три вопроса старика, заюлившаго опять послѣ прочтенія мною бумаги и сдѣланныхъ объясненій и какъ-бы спѣшившаго этими вопросами уничтожить всякое сомнѣніе, прервать неловкое молчаніе. По всей его лихорадочности видно было, что онъ опасался отказа въ принятіи его. Упоминаніе о взысканіи денегъ съ общества усиливало его сомнѣніе. Спрашивалъ онъ о комъ-то изъ сельчанъ, живы-ли они. За молчавшаго и въ раздумьи почесывавшаго затылокъ старосту отвѣчала его жена, обрадовавшаяся случаю вступиться въ дѣло, чему до сихъ поръ мѣшала нѣкоторая оффиціальность обстановки.

Староста, сообразивъ что-то и какъ-бы только въ тотъ моментъ послышавъ предлагаемые старикомъ вопросы, обратился въ свою очередь къ нему съ вопросомъ:

— Ну, а еще кого вы, *диду*, тутъ знаете?

Дѣдъ поспѣшно началъ перечислять нѣсколько именъ и прозвищъ; староста послѣ каждаго изъ произнесенныхъ именъ, не измѣняя своей нахмуренности, кратко повторялъ:

— Эге-жъ, такъ! и посматривалъ на *дида*.

— Ну, а за якого-жъ оконома (т. е. въ бытность какого эконома) вы змандрували одъ насъ? спросилъ онъ наконецъ.

Дѣдъ какъ-то смѣшался, но сейчасъ-же оправился и понуро отвѣтилъ:

— Да все-жъ за того...

— Которого?

— Та того-жъ пропадющого... отвѣчалъ нехотя дѣдъ и замялся.

Мнѣ уже надоѣдалъ этотъ безцѣльный, по моему убѣжденію, допросъ, такъ какъ и я вполнѣ убѣдился въ самоличности старика,

но послѣдніе вопросы и уклончивость отвѣтовъ допрашиваемаго возбудили интересъ минуты.

— Якого пропадющого?

— Да того-жъ клятого, здорового ляха...

Старостиха даже пригнулась и лѣзла бойкими глазами въ душу дѣда.

— Якого ляха? якъ ёго звали? не отставалъ староста, то опуская глаза и что-то соображая, то пытливо вскидывая ихъ на старика.

— Да Богуцькимъ-же! выговорилъ наконецъ дѣдъ.

— Да развѣ-жъ онъ пропалъ? спросилъ староста опять.

— Пропалъ, хмуро, отрывисто отвѣтилъ дѣдъ и потупилъ глаза.

— А мы объ этомъ и не слыхали, сказалъ староста и что-то лукавое на мгновеніе блеснуло въ его глазахъ. Гмъ, гмъ! не слыхали мы.

— Да и я навѣрное не знаю, а такъ слышно было между бурлачнею, что пропалъ, а я и себѣ говорю. А я его и не видалъ съ той поры, вотъ и побожиться не грѣхъ... Что-жъ, ведите меня на громаду,—какъ-то вдругъ, какъ-бы спохватившись, сказалъ дѣдъ.

При этой ни къ чему не идущей божбѣ староста опять было впился глазами въ дѣда и еле замѣтно покачалъ головою. Но тѣмъ не менѣе оставилъ свой допросъ и, надѣвая свиту съ пришпиленнымъ знакомъ и подпоясываясь, только почмыхивалъ подозрительно. Сотскаго мы отпустили съ моею роспискою въ разносной книгѣ и вышли, предшествуемые старикомъ, изъ хаты.

Какими ужъ путями облетѣла село вѣсть о приводѣ давно ожидаемаго бурлаки, я не знаю; но что въ селѣ объ этомъ уже знали, видно было по числу дѣтей, сбѣжавшихся къ воротамъ двора староты. По улицѣ сюда же, опережая другъ друга, бѣжали хлопчики съ развѣвающимися бѣлыми чубами (лѣтомъ волосы у дѣтей на солнцѣ выцвѣтаютъ до чисто льнянаго цвѣта). Отъ избы старосты, расположенной на бугрѣ, видна была часть села и видно было, какъ сельчапе по своимъ усадьбамъ подходили къ воротамъ и плетнямъ, прилегающимъ къ улицѣ, по которой должны проводить бурлаку. Вдоль по улицѣ появилось больше, чѣмъ въ обыкновенное, хотя бы и праздничное время очипковъ, брилей, шапокъ надвинувшагося къ улицѣ народа.

Сейчасъ же за порогомъ старостиной хаты, оглянувъ часть села, которая видна была отсюда, старикъ оживился, опять явилась въ немъ таже лихорадочность, таже нервность и онъ спѣшно зашагалъ къ воротамъ, отъ которыхъ шарахнулись дѣти. На ходу невнятно скороговоркой старикъ указывалъ, гдѣ кто живетъ, на что староста еле успѣвалъ давать объясненія, или подтверждая указанія, или говоря: «о! винъ уже рокивъ десять якъ померъ!» Дѣдъ вскоромашъ крестился, говоря «царство небесное!» и опять начиналъ указывать, тарантить, поворачивая во всѣ стороны голову и все и всѣхъ осматривая глазами, надъ которыми опять поднялись высоко густыя его брови. Очевидно, стыдясь своего грязнаго бѣлья, дѣдъ запахнулъ полы кожуха и придерживалъ ихъ лѣвою рукою, а правою размахивалъ на ходу и показывалъ намъ, гдѣ кто жилъ въ его время. Дѣти валили за нами цѣлою толпою, а встрѣчавшіеся торопно прижимались къ плетнямъ, давая намъ дорогу.

Мы приближались къ хаткѣ солдатки Феськи, дочери старика бурлаки. Въ этомъ мѣстѣ сосредоточивался весь интересъ настоящаго событія, это, такъ сказать, былъ фокусъ всей драмы, и всѣ это чувствовали—сюда сошлось больше всего людей. На бугоркѣ около бѣдной маленькой хатенки горемычной солдатки Феськи стояли двѣ женщины. Молодыя, красивыя, въ праздничныхъ костюмахъ, онѣ, склонясь одна на другую и обнявшись, представляли собою картинную группу на темномъ фонѣ сосѣдняго сада. Всѣ какъ-то попримолкли, даже дѣти замолчали со своимъ пискливымъ: «диви, диви!» Старикъ все также жадно оглядывалъ улицу, людей, хаты, все также торопливо шагалъ.

— А що, диду, не познаете онъ тихъ молодыць? какъ то рѣзко и громко сказалъ староста, будто брякнулъ по натянутымъ нервамъ всѣхъ.

— Ни, не вгада . . . но не кончилъ дѣдъ.

Разомкнувшись, съ воплемъ: «таточку-жъ ты нашъ! Ридненькій»!.. кинулись къ старику Феська и Остапчиха (это они стояли на бугоркѣ). Какъ вкопаный, остановился старикъ на всемъ своемъ скоромъ ходу, отшатнулся, поднялъ руки, глянулъ своими старыми помутившимися глазами и буквально упалъ на обнявшихъ его плачущихъ дочерей. У всѣхъ насъ навернулись слезы на глаза, женщины всхлипывали, вторя плачу Феськи и Остапчихи, дѣти такъ

и остались съ разинутыми ртами, только у него, этого стараго бурлаки, этого изгнанника судьбы, не стало слёзъ на эту минуту, на эту встрѣчу: онъ только склонилъ свою сѣдую голову на головы припавшихъ къ нему дочерей и прикрылъ ихъ цвѣтные платки своею длинною растрепанною бородою. Староста потупился, ковыряя землю палочкою и слегка мотнулъ головою, какъ-бы стряхивая нахлынувшее нѣжное чувство...

Вся эта сцена встрѣчи длилась минуты двѣ, но я буду долго помнить ее. Долго мнѣ стояла въ глазахъ эта группа—плачущія, молодыя красивыя женщины, обнимающія стараго, отрепаннаго бурлаку. Они не знали, не помнили его, своего отца, онъ забылъ ихъ, своихъ дочерей; но такъ или иначе они знали про существованіе свое взаимно въ данный моментъ и родственное чувство прорвалось во всей силѣ.

Сторонившіеся по сю пору сельчане столпились къ Ильѣ и его дочерямъ, послышались вздохи и возгласы: «охъ, хо! бачъ! якъ-то приведе Господь! Оттаке то! Эге! и т. п. Какая то старуха признала дѣда и приставала къ нему съ распросами. Но старикъ стоялъ съ поникшей головой и еле ступая, поддерживаемый дочерьми, двигался въ срединѣ все увеличивающейся толпы.

Рѣшеніе громады съ этого момента можно было считать уже опредѣлившимся; собирать ее не нужно было, она сама собою собралась. Но тѣмъ не менѣе староста соблюлъ формальность: бумага была прочитана и объяснена и головы громадянъ на минуту посвѣшивались, палочки копнули землю, какъ-бы выкапывая отвѣтъ на заданный вопросъ о принятіи Ильи Зиньченка въ общество и объ уплатѣ за него нѣсколькихъ рублей. Общее настроеніе было въ пользу утвердительнаго отвѣта и умный Гаврило Кваша только резюмировалъ его, давая отвѣтъ старостѣ и прервавъ неловкое молчаніе громады.

— А что-жъ тутъ толковать! Разумѣется, принимаемъ! Не отъ добра вѣдь бѣжалъ! А плата? Что-жъ? заплотитъ за него его зять, Остапецъ. Вѣдь на его-же усадьбѣ живетъ, а дѣдъ еще кой-что и поможетъ ему...

— Такъ, такъ! вѣрно! Принимаемъ! А вже-жъ заплатить!—прорвались голоса громады. Старикъ въ сторонѣ здоровался съ представленнымъ ему его зятемъ Остапцемъ.

Вечеромъ у Остапца я уже видѣлъ дѣда въ чистомъ бѣльѣ за столомъ, достаточно пьянаго совмѣстно съ другими. Тянулась заунывная пѣсня:

Охъ и доля-жъ ты доля, та доля проклятая!
Та чомъ-же ты не такая, якъ доля чужая!..

Дѣдъ много разсказывалъ про бурлачество, вспоминали прошлое не добромъ, но про Богуцкаго никто не вспомнилъ; старики щадили Илью, молодые мало знали его прошедшеė.

— А вже винъ (Богуцкій) ёго (дѣда Ильи) рукъ не минувъ—койкогда пришлось слыхать послѣ.

Борисъ Познанскій.

ЗАПИСКИ НОВО-ОСКОЛЬСКАГО ДВОРЯНИНА И. О. ОСТРОЖСКАГО-ЛОХВИЦКАГО

(съ добавленіемъ замѣтокъ сына его Петра Ивановича).

(1771—1846 г.).

(Продолженіе) [1])

Начало зъ Богомъ 1790-го года. Мѣсяцъ генварь.

1-го палъ неболшой снѣгъ, и я зъ женою отправился въ Чернявку къ свояку въ гости, гдѣ за гибелью снѣга пробылъ до 5-го числа. Потомъ помощію мороза 5-го числа прибылъ лѣсною дорогою по полудни въ 3-мъ часу домой благополучно. Будучи въ Чернявки во время прохода рекрутской съ Воронежа партіи, видѣлъ проданнного мною въ рекруты Шидловскому крестьянина Феодора, котораго я продалъ за дурныя ево дѣла и намѣреніе къ побѣгу. Боже! управи путь ево. А жену ево отпустилъ я къ братьямъ въ Михальполья, село князей Соколинскихъ, ибо у этой дѣтей съ мужемъ не было.

16-го числа по полудни въ 9-мъ часу, вышедъ я на дворъ съ покоевъ своихъ, увидѣлъ дивныя два круга около мѣсяца: одинъ весма великой и ясной, а другой потемнѣе, и не таковыя, какъ бываютъ обыкновенно знакомъ около сонца или мѣсяца противу какой непогоды или вѣтра, но другимъ отмѣннымъ положеніемъ, почему и бывшихъ у меня тогда гостей вызвавъ на дворъ, смотря, удивлялись доволно. Кое произшествіе, впредь для памяти и что по оному послѣдуетъ, изображено здѣсь.

Кругъ ясный въ началѣ 10-го часа исчезъ, а темнаго знакъ еще былъ. Въ одинадцатомъ-же часу паки ясный кругъ прежнимъ дѣйствіемъ показался не на своемъ мѣстѣ, а къ востоку, а потомъ въ 12-мъ часу оба круга изъ видѣнія очей скрылись совершенно. 17-го числа, то есть, на другой день сего явленія, день былъ весма

---

[1]) См. „Кіев. Стар." 1886 г., апрѣл. кн., стр. 729—763.

ясный и тихій, слѣдователно сіи круги вѣтра и непогоды не значили, а что нибудь другое отъ Провидѣнія Божія предвѣщали. Въ семъ генварѣ мѣсяцѣ сталъ хлѣбъ дешевле и продавалась аржаного четверть 2 р., а грешневаго 1 р. и 20 к., вину-жъ цѣна прежняя.

Февраля 8-го отправился я въ Воронежъ для торговъ объ откупахъ винныхъ для Шидловского и пробывъ тамо марта по 15-е число, а какъ сего числа выѣхали съ Воронежа и пріѣхали къ Дону въ село Манашево, то за невозможностію переѣхать чрезъ Донъ, простояли въ томъ селѣ по 19-е число. И всякій день, отъ скуки выходя на берегъ, удивлялись силѣ и дѣйствію воды, какъ бурею и силою своею ломало ледъ и составляло со оного великия горы. Ломило также стоявшія въ гаваняхъ великія будари и причиняло хозяевамъ великой убытокъ. Потомъ, заплативъ перевозщикамъ за переправку нашего обоза 13 р., съ великою нуждою и страхомъ, 19-го числа по полудни въ 2-мъ часу переправились черезъ Донъ и поспѣшили домой. Прибылъ я 22-го числа въ велику́ю пятницу рано домой и готовился въ великую субботу сообщиться святымъ Тайнамъ, чему Богъ силный меня и удостоилъ 23-го числа въ 2-мъ по полудни. И такъ сей день и празновалъ я благополучно. Потомъ 27 числа заболѣлъ силно зубами и сею несносною болезнію страдалъ апреля по 7 число, мучаясь и день и нощъ, изыскивая и выдумывая разныя лекарствы. Но не имѣлъ никакой помощи, пока отпѣлъ угоднику Христову Антипѣ молебенъ и отъ того времени получилъ облегченіе. Апреля-жъ въ первыхъ числахъ бывшая наша старая деревянная церковь сломана и свезена въ село Афонкино, цѣною за 500 р., зъ бывшимъ въ оной старымъ иконостасомъ. Маия 9-го въ 11-мъ часу по полуночи привезенъ новой, купленный мною въ Воронежѣ, колоколъ, вѣсомъ въ 49 пудъ и 25 фунтовъ. Купленъ не на мои, а на общественныя деньги, но слава Богу, что моимъ стараніемъ и укладою на оной толко 25 р. денегъ собственныхъ. Боже! до сего времени 160 лѣтъ, какъ слобода поселена Слоновка, а имѣла до прежде купленного мною 13 пудоваго, только въ 2½ пуда колоколъ. Богу тако угодно было.

Мая 25-го, день своего рожденія и тезоименитства и исполненія 40 лѣтъ отъ рожденія, гулялъ я въ домѣ зъ гостями и на горѣ въ новомъ саду съ пушечною палбою, слава Богу, благополучно. 31-го привезенъ съ коренной ярмонки купленной ктиторемъ

Петромъ Ступаловымъ на деньги Михайлы Корецкого съ протчими потиръ съ дикосомъ, звѣздою и лжицею, вѣсомъ въ 6 фунтъ и 83 золотника, цѣною въ 200 р. Я на дискосѣ подъ исподомъ здѣлалъ подпись таковую: «1790 года маия мѣсяца 24-го дня купленъ сей дискосъ съ потиромъ, звѣздою и лжицею отъ подаянія слоновского жителя Михайлы Корецкого съ протчими въ коренной ярмонки». И такъ, слава Богу, въ церкви нашей стало два сосуда съ дискосами серебренныя съ позолотою. Въ семъ мѣсяцѣ начали класть новую каменную колоколню на воротахъ ограды и золотить новой иконостасъ, а иконы писцомъ всѣ окончены. Июня 3-го въ 4 часа по полуночи умре михайловской протопопъ Иосифъ Ковалевскій; былъ мнѣ дядя по матушкину роду. 11-го выѣхалъ я въ Харковъ для покупки связного на колоколню желѣза, котораго и куплено съ рѣзнымъ мелкимъ желѣзомъ 128 пудъ и 18 фунтовъ, цѣною по 1 р. 50 к. пудъ связного, а срѣзного по 1 р. 70 к. пудъ. Изъ Харкова, по свиданіи зъ своими родственниками, возвратился благополучно. Хлѣбу въ семъ мѣсяцѣ была продажа арженому четверть 1 р. 50 к., грешневой 90 к., пшеница и пшено 4 р. 50 к., а вина полугарного ведро 1 р. 50 к., пѣнного 1 р. 80 к. Въ сихъ мѣсяцахъ весма горѣла силная со шведами на сушѣ и морѣ война, и самыхъ началныхъ генераловъ много убито и ранено; о чемъ ясно можно видѣть изъ получаемыхъ газетовъ мною сего 790-го года.

Июня 29-го отправился я по дѣламъ Шидловского въ Воронежъ и заключилъ тамо контракты объ откупахъ городовъ: Валуекъ, Бирюча и Мценска впредь на 4 года. Изъ Воронежа-жъ пріѣхалъ домой 12-го августа и засталъ всѣхъ своихъ домашнихъ въ добромъ здоровьи. Сія путь была мнѣ не совсѣмъ здорова, ибо былъ я боленъ лихорадкою и поносомъ. Въ началѣ-жъ августа получено увѣдомленіе по монаршей волѣ о заключеніи со шведами мира на прежде бывшихъ границахъ. И сіе удивително, что Россія, имѣвъ въ рукахъ побѣду и въ среди самаго огня, нечаянно заключила миръ на тѣхъ-же границахъ, каковы были и до войны. Но о сей тайнѣ не намъ испитивать, а коронованнымъ главамъ и ихъ совѣтникамъ то извѣстно. Примѣчателно, что наблюдены съ другой стороны лутшія выгоды, а не здѣсь. Съ турками-жъ на сушѣ и моряхъ война въ сіе время горѣла жестоко. Сентября 13-го въ каменной нашей церквѣ новой иконостасъ позолотою и всѣмъ, что подлежало,

окончаніе возъимѣлъ и поставленъ весь на своемъ мѣстѣ. Многия во время празника Воздвиженія Креста какъ здешнія, такъ и сторонныя люди, смотрѣли на оной съ прилежаніемъ и восхваляли сіе богоугодное дѣло, яко въ здешнихъ мѣстахъ превосходное отъ протчихъ. Слава Богу, тако изволившему устроить начать и совершити!

Посовѣтовавъ зъ своими слоновскими жителми Ѳеодоромъ Панченкомъ и протчими 19-го октября, отправился въ Курскъ и тамо въ казенной палатѣ заключилъ контрактъ впредъ на четире года поставлять вина въ Новой Осколъ по сто по дватцати ведръ въ каждый годъ, ценою ведро по 95 копѣекъ. Принявъ къ себѣ въ товарищество пять человѣкъ казенныхъ жителей и за себя и оныхъ отдалъ казнѣ въ залогъ своихъ крѣпостныхъ людей, а съ ними договорился по всягодно получать отъ нихъ по триста рублей и поставку ставить имъ-же. Зъ своихъ заводъ исъ Курска прибылъ 9-го ноября благополучно. Въ сей пути дорога отъ непогоды жестоко меня безпокоила. На сихъ-же дняхъ получено извѣстіе, что на кубанской сторонѣ турокъ и горскихъ черкесъ съ абазынцами до двадцати тысячъ разбито нашими войсками, коими командовалъ нашъ курской намѣстникъ графъ Дебалменъ, который по разбитіи оныхъ чрезъ шесть дней умре.

Октября 29-го умре бригадиръ старикъ Степанъ Ивановичъ Тевяшовъ. Былъ человѣкъ весма добродѣтелной и доброй, доживъ старости 90 лѣтъ и съ чистымъ покаяніемъ умре и погребенъ въ своей слободѣ Колыбелки надъ Дономъ, пониже города Острогожска. Я его милостми весма много ползовался и получилъ въ подарки лошадей и хлѣбъ, за что ему служилъ во время слоновскихъ жителей прозбъ на него о мелницѣ и успѣлъ здѣлать тишину, и прежнее владѣніе, какъ было, ему доставилъ чрезъ суды. Хлѣбу въ сихъ мѣсяцахъ была продажа арженой 1 р. 80 к., грешневой то-жъ, ибо во все сіе время была силная гроза и дожди, а снѣгу вовсе не было. Вино пѣнное 1 р. 80 к., полугарное 1 р. 50 к. Дрова за непогодой весма дороги.

6-го декабря пріѣхалъ ко мнѣ Евдокимъ Шидловской со всѣмъ своимъ семействомъ и просилъ меня о поѣздки въ Санктъ-Питербургъ по нужнымъ для него дѣламъ о деревняхъ айдарскихъ, которыя были въ спорѣ съ маіоршами Бѣгиною и Удаловою, а ему

достались покупкою съ хлопотами; куда я ѣхать для сходныхъ мнѣ о чинѣ и протчемъ выгодъ согласился на всемъ ево коштѣ и отправился благополучно туда декабря 16-го зъ Божіею помощію, а что въ пути и тамо послѣдуетъ, записывать не премину, если Богъ продлитъ мою жизнь. Поѣхалъ и теперича въ пути.

17-го декабря въ 1-мъ часу по полудни благополучно зъ Божіею помощію отъправился въ санктъ-петербургской путь и прибылъ въ Курскъ 20-го въ 4-мъ часу по полудни, гдѣ удержанъ былъ господиномъ губернаторомъ Афанасіемъ Николаевичемъ Зубовымъ до 25 и въ празникъ Рожества Христова послѣ обедни разъговѣвши, пустился въ 3-мъ часу въ путь, поставя въ Курскѣ лѣтнюю повозку на зимней, ибо отъ Слоновки не было до Курска снѣгу, а отъ Курска снѣгъ, и прибылъ въ Орелъ 26-го числа въ 11-мъ часу по полуночи. Въ Орлѣ былъ у вицъ-губернатора, прежняго моего милостивца, Захара Ивановича Карнѣева, а потомъ, по исправленіи дорожнихъ нуждъ, выѣхалъ съ Орла въ 5-мъ часу по полудни. Во Мценскъ приѣхалъ въ 3 часа по полуночи и, перемѣня лошадей, ѣхалъ ни мало нигдѣ, кромѣ перемѣны лошадей, не останавливаяся. Въ Тулу-жъ прибылъ 27-го въ 4 часа по полудни, гдѣ взявъ мало роздыху чрезъ ночъ и поутру отдавъ писмы князя Григорію Ивановичу Вяземскому и купя пару пистолетъ и что еще нужно было для дороги, выѣхалъ 28-го въ 10-мъ часу по полуночи, слѣдуя денно и ночно съ перемѣною лошадей. 29-го числа въ 11-ть часовъ по полуночи прибылъ въ Москву и тамо остановясь на квартирѣ, въ Малой Ордынкѣ, Федора Ивановича Шидловского, днемъ и вечеромъ ѣздилъ по улицамъ разъсматривать сей древній царствующій градъ, и видѣлъ дивная, памяти достойная зданія, превеличайшую пушку и колоколъ, а 30-го по утру, взявъ отъ господина московского губернатора, Петра Васильевича Лопухина, подорожную, отправился въ 3 часа по полудни до Зарайска чрезъ Бронницы и Коломну. Туда прибылъ 31-го въ 8-мъ часовъ по полуночи. Сія путь была медлителна за неимѣніемъ на станціяхъ лошадей. 31-е пробылъ въ Зарайскѣ и ходилъ разсматривать такъ-же и сей древней и памяти достойный городъ, а 1-го генваря, получа отъ тамошняго купца Желвунова, по писму Евдокима Степановича Шидловскаго, тысячу рублей денегъ, въ 9-мъ часу по полуночи выѣхалъ и слѣдуя чрезъ городъ Коломну, тамо для новаго года обѣдалъ въ

харчевнѣ. Потомъ, взявъ лошадей, пустился въ 12-ть часовъ тою-жъ дорогою чрезъ Бронницы, прибылъ въ Москву неуступно въ 12-ть часовъ, ибо ночъ была очень свѣтла, лошади вездѣ по станцыямъ готовыя и дорога покойная.

1791-й годъ. 2-го генваря по утру ѣздилъ съ Федоромъ Ивановичемъ Шидловскимъ въ древней успенской московской соборъ; тамо слушали обѣдню, которая отправляема была стариннымъ порядкомъ и напѣвомъ; по отпустѣ-же литургіи прикладывались святыхъ чудотворцовъ московскихъ мощамъ. Въ томъ числѣ и меня удостоилъ Богъ прикладыватся мощамъ, лежащымъ въ Успенскомъ соборѣ Петра, Іоны и Филиппа московскихъ чудотворцовъ и протчимъ, лежащымъ въ придѣлѣ, многимъ частицамъ святыхъ мощей, въ томъ числѣ и персту великомученницы Варвары, который весма чистъ и бѣлъ. Вышедъ-же изъ соборной церквы, ѣздили ко многимъ достопамятнымъ мѣстамъ и древнимъ зданіямъ, любопытствуя видѣть таковую древность. А пріѣхавъ отътоль, былъ въ домѣ князя Ивана Николаевича Трубецкого и видѣлся съ сестрою жены моей Авдотьею и братомъ Андреемъ Лаврентьевичемъ, и тутъ близъ двора Трубецкого видѣлъ преогромное и древнее монетнаго двора зданіе, которое отъ ветхости начало уже валится. Боже всемогущый! Каковы были въ древности огромныя зданія, но не наблюдена архитектура, а посему внутренность оныхъ всегда имѣла превеликую темноту и крѣпость. И сіи гдѣ стоятъ между новыми архитектурными зданіями, то предъставляютъ нечто иное, какъ развалины горъ. Но уже мало остается древняго, а обнаруживается болше новое и красивое, изъ коихъ первой достоинъ примѣчанія воспитателной домъ, загороднія и внутренныя государевы дворцы, церквы и присудъственныя мѣста и протчия казенныя и господскихъ домовъ зданія, а о внутренномъ оныхъ уборѣ писать оставляю, потому что нынешнаго свѣта великолѣпіи всѣмъ извѣстны.

Съ Москвы отправился 2-го-жъ числа по полудни въ началѣ 3-го часа и пустился вновъ здѣланною до Санктъ-Питербурга дорогою. А какъ оная была, по тогдашней не весма студеной погодѣ, хороша и ночи лунныя, то, перемѣняя денно и ночно лошадей по станціямъ, прибыли въ Торжокъ 3-го числа въ 6-ть часовъ по полудни. Тамъ остановился я ночевать, чтобъ отъ дорожнихъ толчковъ дать бокамъ и спинѣ мало поотъдохнуть. Исъ Торжка 4-го числа

въ 6-мъ часу отправился въ дорогу, чрезъ губернской городъ Тверь, лежащей на вершинѣ реки Волги, и по притчинѣ выпадшаго болшаго снѣгу и дорожнихъ ухабовъ стала путь не такъ способна и покойна; однако не взырая на то, оную продолжалъ и 5-го числа въ началѣ 5-го часа по полудни прибылъ въ Новгородъ, хотя мнѣ чрезъ Новгородъ ѣхать и не слѣдовало, ибо есть новая прямая до Санктъ-Петербурга дорога. Но любопытство видѣть старой и древнній столичной городъ, а равно и празникъ Богоявленія Господня туда меня завели. А остановясь на постояломъ дворѣ, былъ во всеночной въ церкви во имя Варлаама Хутинского чудотворца, въ придѣлѣ устроенной. А въ обѣдни былъ въ соборѣ и предъ обѣднею прикладывался въ болшой софійской церквѣ соборной къ мощамъ Никиты, епископа новгородского чудотворца. Обѣдню совершалъ викарій епископъ новгородскій и старорусской Афанасій съ соборомъ священства. А по окончаніи шла церемоніи къ водоосвященію на рѣку Волховъ, протекающую близъ каменной городской стѣны, а по освященіи, при огромномъ колокольномъ звонѣ и превеликомъ собраніи народа, возвратились въ церковъ. Сей древній городъ много нынѣ возобновленъ и выстроены по плану казенныя и городскія частныя строенія: прямыя улицы, церквы и протчее даютъ величественной видъ городу. Однако есть еще зданіи и старинного покроя, но въ великомъ пренебреженіи.

По обѣдѣ въ началѣ втораго часа отправился я въ путь и по прежнему не останавливаяся нигдѣ, кромѣ перемѣны лошадей (коихъ тогда по станціямъ за проѣздомъ новгородскаго намѣстника Архарова исъ Санктъ-Петербурга во Тверь было весма мало), оставя новую дорогу и село Царское влѣвѣ, прибылъ въ Санктъ-Питербургъ 7-го числа по полудни въ 5-мъ часу и остановился въ ямской московской на постояломъ дворѣ, и тамо простоялъ двои сутки, покуда могъ въ городѣ сыскать квартиру для себя спокойную.

9-го числа, прискавъ себѣ квартиру, зъ заплатою въ мѣсяцъ по 5 рублей, близъ церквы Симеона Богопріимца, въ домѣ нѣмца Івана Івановича Цедерберга, я переѣхалъ съ постоялого двора на оную. Началъ заводить хозяйство, искупя къ тому все потребное на щетъ моего благопріятеля Шидловского.

10-го по утру въ 9-мъ часу, начиная по дѣлу, порученному мнѣ, хожденія, былъ въ домѣ генералъ прокурора князя Александра

Алексѣича Вяземского съ писмомъ у секретаря ево и кавалера Федора Александровича Голубцова, потомъ у него-жъ и того-жъ чила по полудни въ 5-мъ часу. На другой день 11-го у секретаря сенатского 2-го департамента Акима Ивановича Іванова и оберъ секретаря Ананьевскаго, у коихъ былъ принятъ ласково и, о чемъ слѣдовало, говорилъ откровенно. Потомъ былъ у оберъ-прокурора Федора Михайловича Колоколцова, который удержалъ меня, разговаривая о своихъ, состоящихъ близъ слободы Слоновки, деревняхъ, чрезъ три часа. 12-го, какъ день воскресный, былъ у обѣдни въ церкви близъ своей квартиры Семиона Богопріимца и тотъ день никуда болше не выходилъ. 13-го былъ вторично въ домѣ оберъ-прокурора Колоколцова, разговаривая съ нимъ о порученномъ мнѣ о Шидловского мелницѣ дѣлѣ, а 14 умре у него дочь, коя была въ замужествѣ за княземъ N.

14, 15, 16, 17 и 18 числы всякое утро ѣздилъ по городу по разнымъ дѣламъ и былъ у брегадира Дмитрія Марковича Полторацкого и у господина маіора Удалова, противу коего имѣю въ сенатѣ дѣло о деревняхъ. Онъ меня и жена ево принимали ласково, а потомъ былъ и у меня въ квартирѣ. Въ церквахъ же былъ на сей недѣли: соборѣ Казанскомъ, у Спаса на Сѣнномъ и у Вознесенія. 19-го, какъ день воскресный, былъ въ соборѣ Петропавловскомъ, что въ Петропавловской крѣпости, и прикладывался къ мощамъ многихъ святыхъ, хранящихся близъ вратъ, въ иконѣ здѣланныхъ и положенныхъ съ надписмы въ ковчегѣ. Въ томъ числѣ есть мощи ангела моего Иоанна Предтечи. Видѣлъ крестъ слоновой кости за стекломъ, здѣланный руками блаженныя памяти Петра Великаго. Тутъ стоятъ гробы царей и множество разныхъ знаменъ, вымпеловъ флаговъ шведскихъ и турецкихъ и ключи города Очакова и Бендеръ, а ввечеру былъ въ театрѣ, гдѣ представляема была комедія, названіемъ «Домовой». Все сіе видѣнное казалось мнѣ по новости великимъ удивленіемъ. Протчіи дни также занятъ былъ поѣздкою къ разнымъ особамъ; а 23-го былъ въ монастырѣ Александро-Невскомъ, слушалъ въ теплой, близъ монастырскихъ воротъ состоящей церквѣ литургію, а по окончаніи оной ходилъ въ вновъ выстроенную царскимъ иждивеніемъ церковъ и прикладывался мощамъ святого и благовѣрнаго князя Александра Невскаго. Сія церковъ здѣлана новымъ манеромъ и весма высокимъ художе-

ствомъ. Иконостасъ во оной мрамора самаго лутшаго, врата и вся принадлежащая иконостасу рѣзба сребра кованого съ позолотою. Иконы всѣ, какъ мѣстныя, такъ и протчія, италианской работы; паникадилы и подсвѣчники серебрянныя. Гробница для мощей Александра Невскаго и при немъ царскія регаліи и киотъ отъ сребра кованного, высокой весма работы. Можно сію церковъ сравнить во всемъ съ церковію Иерусалимскою святая святыхъ. Монастырь зѣло великолѣпенъ, и въ немъ живетъ митрополитъ Гавріилъ. Въ старой церквѣ и близъ монастыря на кладбищѣ гробы великихъ господъ зѣло украшены болшою частію отъ мраморовъ драгихъ и золота, съ надписмы тому приличными. 24-го былъ въ церкви Преображенія, гвардіи Преображенского полку, и сія церковъ великолѣпна и украшена иконами, изъ коихъ многія имѣются съ кованными рызами, вызлащенными и съ финифтью, лампады и подсвѣшники серебренные, а вечеромъ былъ въ комедіи въ деревянномъ театрѣ. 25-го былъ въ церквѣ Пантелеймона, и сія церковъ украшена доволно, толко не такъ богата. 26-го былъ день воскресный, и я, желая нетерпѣливо видѣть свою царицу, по здѣланіи себѣ новаго мундира и всего, что подлежитъ къ чистому одѣянію, ѣздилъ съ Николаемъ Корецкимъ въ зимній дворецъ къ обѣдни. Онъ, какъ бывалъ прежде во дворцѣ, то и былъ мнѣ путеводителемъ. Мы, пріѣхавъ прямо къ болшому парадному въ царской дворецъ крилцу, пошедъ нижними многими проходами и пришлы въ покои, гдѣ жилъ придворной конторы регистраторъ Иванъ Павловичъ, малоросіянинъ съ Кіева, прозваніемъ Кустъ-Кисловичъ. И оставя тамо сертуки и поправя на головахъ волосы, пошли въ однихъ мундирахъ и башмакахъ въ парадныя покои и, прошедъ чрезъ болшой машкарадной зеркалной залъ, пришлы въ зборную горницу. Здѣсь уже собрано было множество генералитета и протчихъ господъ, гдѣ постоявъ, ходили въ покои, определенныя для великого князя, а отътоль возвратясь, пришли паки въ зборную. Какъ вдругъ всѣ встревожились и двери со внутренныхъ покоевъ отворились, въ кои изволили слѣдовать отъ царицы великія княжны Александра Павловна и Елена Павловна, коимъ кавалергарды, стоявшія у дверей здѣлали ружьемъ на караулъ, а мы всѣ имъ поклонились, чѣмъ отвѣчали и они всѣмъ. Потомъ подошедъ ко мнѣ бывшей въ Курскѣ мой милостивецъ, вицъ-губернаторъ Аврамъ Ивановичъ Анненковъ, разговари-

валъ со мною о украинскихъ дѣлахъ и моемъ въ Петербургъ приѣздѣ. По окончаніи-жъ разговора пошли мы съ Корецкимъ чрезъ двѣ залы, дорого убранныя, и пришли въ придворную болшую церковъ. И какъ въ оной литургія еще не начиналась, то мы, ходя въ оной, разсматривали сей великолѣпной храмъ. Онъ не весма великъ, но украшенъ дорого. Потомъ пришедъ камеръ-лакей въ половинѣ 12-го часа, велѣлъ начинать литургію, коя тотъ-же мигъ и началась. Оную совершалъ придворный одинъ священникъ съ протодіакономъ, который прежде былъ въ Бѣлгородѣ при архіереи Феоктистѣ, и онаго царица проѣздомъ изъ Крыму указала взять ко двору. И какъ литургія шла весма поспешно, то я стоялъ между страха и надежды, что царица въ сей день въ церквѣ быть не изволитъ. Но какъ толко на великомъ входѣ протодіаконъ началъ поминать благочестивѣйшую государыню, то она изволила притить со внутреннихъ своихъ покоевъ со всею свитою. Впереди оной шли камеръ-юнкеры, а за ними изволила шествовать ея величество императрица Екатерина Алексѣевна, а за нею великій князь Павелъ Петровичъ и великая княгиня Марія Өедоровна въ рядъ, за ними великія князья Александръ Павловичъ и Константинъ Павловичъ, потомъ фрелини и генералитетъ. Царица, ставъ на свое мѣсто и великие князья, молились умиленно и кланялись на обѣ стороны, коимъ и мы кланялись. Стояніе ихъ въ церквѣ было весма чинно, почему и мы не могли шевелится, а вытянувъ грудь, стояли храбро. По окончаніи литургіи, вышедъ изъ алтаря Гавріилъ митрополитъ и съ нимъ три архиерея и духовникъ ея величества, подходили къ рукѣ Государыни и великихъ князей. Потомъ изволила царица и великія князья выйтить съ церквы болшимы дверми въ парадныя покои, а мы съ протчими господами, взявъ отъ митрополита благословеніе, пошли тою-жъ дорогою обратно на квартиру и заходили еще во многія комнаты разсматривать великолѣпное внутреннее украшеніе. Тутъ достойны примѣчанія двѣ писанныя картины, изъ коихъ одна представляетъ полтавскую баталію, а другая побѣду надъ генераломъ Левенгауптомъ. О одѣяніи царицы и великихъ князей писать оставляю, ибо ихъ драгоцѣнность неописанна. Придворное-жъ обхожденіе какъ генералитета, такъ и протчихъ весма ласково и учтиво и пышности нигдѣ никакой не видно. Ходить всякому, имѣющему чинъ и порядочно одѣту, не воспрещается нигдѣ, кромѣ вну-

тренныхъ покоевъ, въ которыя кавалергарды, стоящіе на караулѣ, никого не впущаютъ. Боже Всемогущій! Какое множество въ одномъ домѣ покоевъ, огромность оныхъ и внутреннее украшеніе и драгоцѣнность, порядокъ и чистота! Кто не имѣетъ, въ первый разъ идучи во дворецъ, себѣ вождя, не можетъ сыскать дороги, ибо есть сущей старинной лабиринтъ.

27-го былъ у разныхъ господъ по своему дѣлу по утру, а въ вечеру на комедіи, на которой представляли двухъ охотниковъ стрелковъ, а потомъ балетъ «Медея и Язонъ». Сей балетъ удивленія весма достоинъ. 29-го купилъ себѣ пенковую трубку за 19 р., оправленную серебромъ. 28, 29 и 30 не имѣлъ никакихъ дѣлъ, а 31-го былъ въ комедіи, на которой представляли въ болшомъ каменномъ театрѣ Мелника-ворожея, потомъ балетъ «Осужденный за измѣну офицеръ на смертную казнь предъ полкомъ», которой дѣйствовали весма изрядно и сожалѣнія достойно.

4-го февраля день рожденія великой княжны Маріи Павловны, и я съ Николаемъ Корецкимъ былъ во дворцѣ въ придворной болшой церквѣ у обѣдни. Ея величество государыня и великій князь Павелъ Петровичъ, и великая княгиня Марія Федоровна, и великія князья Александръ Павловичъ и Констинтинъ Павловичъ, изволили быть у обѣдни, пришедъ въ церковъ со всею свитою во время чтенія святаго евангелія въ преображенскихъ уборахъ; и государыня изволила въ церквѣ жаловать къ рукѣ духовенство, митрополита Гавріила съ протчими, а проповѣдь говорилъ одинъ изъ архимандритовъ весма кратко. По полудни-жъ въ 6 часовъ былъ въ болшой залѣ данъ балъ, на которой и мы съ Корецкимъ ходили и были тамо до 9-го часа. Балъ былъ освѣщенъ премножествомъ свѣчъ, и собраніе генералитета и протчихъ было превелико. Государыня изволила съ внутренныхъ своихъ покоевъ съ дамами выходить на балъ, и великой князь Павелъ Петровичъ былъ до окончанія онаго, а великая княгиня Марія Федоровна и великіе князья Александръ Павловичъ и Константинъ Павловичъ и великія княжны Александра Павловна и Елена Павловна изволили танцовать съ протчими дамами и кавалерами, на коихъ всѣ бывшіе обратили свои взоры. А государыня и великой князь изволили разговаривать зъ дамами и генералитетомъ. Я тогда отъ царицы и великихъ князей и княженъ стоялъ очень близко и не болѣе какъ на два аршина въ

другомъ порядкѣ, гдѣ стоя любопытствовалъ все разсматривать и слышать ихъ разговы, но они очень мало по русски разговаривали, а болшою частію на французскомъ языкѣ, и столко меня не увеселяла прекрасная придворная музыка, сколко зрѣніе на мою монархиню и ея дражайшихъ наслѣдниковъ, а найпаче великія княжны Александра Павлновна и Елена Павловна казались мнѣ своею красотою подобни ангеламъ, а о политикѣ и убранствѣ описать не можно.

Протчіи дни былъ въ разныхъ домахъ по своимъ дѣламъ, какъ и прежде; и въ военной коллегіи, и въ синодѣ, гдѣ любопытствовалъ, какъ книги печатаютъ, и купилъ тамъ Библію и повседневныя проповѣди за 9 рублей. Въ военной коллегіи есть также вещи весма достопамятныя и портреты высокой работы, и картины, а равно и лѣпныя статуи. Потомъ былъ на биржѣ и въ литейномъ домѣ, видѣлъ, какъ сверлятъ пушки машинами, а въ арсеналѣ премножество завоеванныхъ знаменъ, панцырей, пушекъ и протчего. Тутъ есть и монументъ мраморной Екатерины II-й, бѣлъ, какъ молоко, и наѣздники, сыдящіе на лошадяхъ въ дорогихъ панцыряхъ, на коихъ и смотрѣть ужасно, хотя они и мертвы. 20-го числа, какъ былъ масляницы четвертокъ и начались катаньи, то отъ любопитства ходили съ Николаемъ Корецкимъ во дворецъ и видѣли разводы караулные конной и пѣхотной гвардіи и желали видѣть, какъ царица изволитъ выѣзжать въ 12-мъ часу на катаньи. Но она тотъ день не изволила проѣзжатся; почему мы, узнавъ о томъ совершенно, дабы не прошолъ вътунѣ день, ходили смотрѣть строющуюся Исаакиевскую церковъ отъ мраморовъ разныхъ дорогихъ, а потомъ, любопытствуя, какова она будетъ по совершеніи, въ маломъ каменномъ арсеналѣ исаакиевскомъ видѣли оной модель и протчия превисокой работы статуи, изсѣченныя отъ мрамора неописанной цѣны; между коими есть орелъ, зделанной отъ алебастра, держащій въ правой ногѣ молодую луну и сидящій на мраморномъ столбѣ, которыя какъ орелъ, такъ и столбъ ужасной величины, а здѣланы на знакъ побѣды турковъ и заключенія прежней войны мира. Тутъ еще хранятся многия модели строениямъ и машинѣ, которою полируютъ мраморъ. Если по той модели, которую я видѣлъ, отстроена будетъ исаакиевская церковъ, то красоты и цѣны оной описать будетъ не можно; сіе тѣмъ доказателнѣе, что на

внутренныхъ толко въ церквѣ столбахъ мраморныхъ капители ассигновано зделать въ десять милионовъ, а о протчемъ и думать ужасно. Верхи во оной будутъ также, какъ на Петропавловской колоколнѣ и адмиралтействѣ, будутъ все золотые. Кто живъ будетъ, то увидитъ, что сія церковъ выше будетъ Соломоновой и столко лѣтъ будетъ строится, а когда-бъ и не болше, ибо уже нынѣ, какъ зачата строится, есть двадцать третій годъ, а зделана толко по первые карнизы.

Февраля 23-го воскресенье и заговени на великой постъ. Я, уважая сей день и избѣгая мыслей о домѣ, ходилъ во дворецъ и былъ въ зборной залѣ болше часа, когда господа генералитетъ и протчия чины собирались. Во исходѣ-жъ 11-го часа изъволили изъ своей половины шествовать во внутренныя ея величества покои чрезъ зборную залу великия князья, потомъ княжны Александра Павловна и Елена Павловна, а Екатерина Павловна несена была на рукахъ одною фрелинею, и побывъ у ея величества мало, таковымъ-же порядкомъ великия княжны возвратится изволили обратно. Потомъ въ половинѣ 12-го часа его высочество великий князь изволилъ съ великою княгинею шествовать чрезъ тотъ-же залъ къ ея величеству, а какъ оныя прошли и мы, здѣлавъ имъ поклонъ, пошли въ церковъ придворную, то ея величество изволила уже стоять въ церкви на своемъ мѣстѣ, а великия князья пришли во время чтенія Евангелія и стояли у дверей. Когда-жъ прочтено было Евангеліе, то подошла прежде великая княгиня, а потомъ великий князь Павелъ Петровичъ къ рукѣ своей царицы и матери, и поцѣловавъ оную, поклонясь, стали въ своихъ мѣстахъ.

По отпустѣ-жъ литургіи изволили пойтить въ зборную залу всѣ вмѣстѣ, а я, взявъ отъ митрополита благословеніе, поѣхалъ на извощикѣ въ свою квартиру, гдѣ мой товарищъ Акимъ Макаричъ, госпожи маіорши Бѣгиной повѣренный лежалъ боленъ горячкою, вечеромъ-же былъ въ театрѣ на комедіи. И такъ благополучно проводилъ госпожу масленицу, а великого Могола встретилъ.

Великого поста первую недѣлю чаялъ я видѣть хотя мало клонящуюся къ посту, но тамо равно было, какъ мясоѣдъ, такъ и сіи дни, по притчинѣ множества нѣмцовъ и другихъ вѣръ народа. Сими днями уѣзжалъ я по дѣламъ, до кого была нужда и слѣдовало являтся. Потомъ, какъ узналъ, что дѣло мое отсрочено слушаніемъ въ

даль, то медлить болше не захотѣлъ, а началъ собиратся въ обратной путь и бывъ у оберъ прокурора г-на Колоколцова, оберъ секретаря Ананьевского и протчихъ.

Марта 2-го въ день недели православія былъ у обѣдни въ церкви Николы Морскаго, гдѣ отправлено было предъ обѣднею проклятіе на невѣрныхъ митрополитомъ Гавріиломъ съ двумя архиереями. Сей обрядъ удивителенъ и страшенъ зѣло. Страшенъ проклятіемъ враговъ християнской вѣры, а удивителенъ воспоминаніемъ всѣхъ за вѣру въ подвигахъ добрыхъ прославившихся.

Получивъ отъ разныхъ господъ и благодетелей писмы и содружився съ бывшимъ въ Санктъ-Петербургѣ изъ славянской округи маіоромъ Степаномъ Давидовичемъ Божедаровичемъ, отправился съ Петербурга 13-го марта въ 1-мъ часу по полудни на двухъ повозкахъ, нанявъ отъ Петербурга до Новгорода долгихъ лошадей.

Въ Новгородъ прибыли 16-го въ 9-мъ часу по утру и взявъ почтовыхъ уже лошадей, пустились въ путь. Приехали въ Валдай 17-го въ 11-мъ часу по полуночи, въ Волочокъ 18-го въ 5-мъ часу по полуночи, въ Торжокъ 18-го въ 4 часа по полудни, въ Тверь 19-го въ 5-мъ часу по полуночи, а 20-го въ Москву въ 8-мъ часу по полуночи и остановились въ трактирѣ, называемомъ Цареградскомъ близъ Красной площади и присудственныхъ мѣстъ. Отобѣдавъ, ходили въ гостинной дворъ для разныхъ покупокъ, гдѣ пробыли до самаго вечера; потомъ отъужинавъ, легли спать.

Въ 11-мъ часу по полудни проснувшись, я почувствовалъ въ груди пресилную колику, потомъ тошноту пресилную съ великою болью и не чаялъ дождать свѣта, а какъ разсвѣло, то отправилъ бывшаго со мною повѣреннаго Безъгиной за докторомъ, который поспѣша ко мнѣ, давалъ нѣкоторыя лекарствы и симъ, а паче Божіею помощію боль мало по малу начала уменшатся и 21-е число, по причинѣ моей болѣзни, пробыли мы въ Москвѣ. Тутъ наполнено было весма страха сердце мое и не чаялъ остатся въ живыхъ.

22-го какъ толко стало мнѣ полехче, то и пошелъ я въ Успенской соборъ воздать благодареніе Всемогущему Богу и Его угодникамъ за освобожденіе отъ болѣзни. Но какъ было еще рано и церковъ заперта, то былъ въ соборахъ архангельскомъ и срѣтенскомъ, прикладываясь мощамъ князя Димитрія царевича, князя Михаила и боярина его Феодора, черниговскихъ чудотворцовъ, и прот-

чихъхъ. святы Потомъ былъ въ церкви Василія Блаженного и его мощамъ и веригамъ приложась, разсматривалъ и древнее сихъ церквей украшеніе. А потомъ въ 12-ть часовъ по полуночи выѣхалъ съ Москвы, хотя еще и не совершенно здоровъ, ибо желаніе видѣть домъ, жену и дѣтей къ тому побуждало.

23-го въ 3-мъ часу по полудни прибылъ въ Серпуховъ, и какъ сей день было затмѣніе солнца, то остановясь перемѣнять лошадей, доволно на оное затмѣніе отъ любопытства смотрѣлъ съ бывшими нри мнѣ товарищами. 24-го приѣхалъ въ Тулу въ 4-мъ часу по полуночи. Тутъ санная дорога кончилась, и я принужденъ 20-ти рублевую повозку санную отдать емщикамъ за 2 р., а за лѣтнюю заплатить пятьдесятъ рублей и пустился съ поспѣшностію домой. Но хотя серце и рвалось поспѣшать, да путь вешняя талая не допущала спѣшить, а ѣхать тихо съ великою трудностию лошадямъ, хотя емскимъ и часто перемѣннымъ.

30-го марта, выѣхавъ исъ Курска, прибылъ въ домъ 1-го апреля въ 7-мъ часу по полудни, обрадовавъ своихъ домашнихъ пріѣздомъ. Былъ и самъ весма радъ, видя всѣхъ живыхъ и здоровыхъ, кромѣ жены, которая страдала лихорадкою. 4-го апреля поѣхалъ къ Шидловскому и о успѣхѣ по дѣлу пересказалъ, которое во угодность ево моимъ стараніемъ отсрочено въ сенатѣ слушаніемъ на цѣлой годъ, хотя о томъ по прозбѣ Удаловой именной указъ сенату былъ,—по пословицѣ: «отягчу руки златомъ, умягчу сердце мздою, хотя-бы онъ былъ и святъ, потянетъ за мною». За сіе Шидловскій благодарилъ мене доволно и подарилъ мнѣ вдову Пелагею, крестьянскую жену зъ двумя сыновьями, Герасимомъ и Тихономъ, и дочерью Анастасіею, да денегъ до тысячи рублей, а что издержано мною въ Петербургѣ на платье, сребро и протчее до шести сотъ рублей, то все взялъ на свой щетъ и всю покупку уступилъ мнѣ. Здѣсь я, разбогатѣвши платьемъ, сребромъ и денгами, пригоговорилъ плотниковъ и началъ строить новой домъ по плану, здѣланному мнѣ въ Воронежѣ архитекторомъ Уласовымъ еще въ 790 годѣ, когда былъ я для откуповъ въ Воронежѣ.

Принявъ Бога въ помощъ, рѣшился строитьца и 29-го апреля началъ ломать старой после пожару выстроенной домикъ, а 30-го, поставивъ столбы, обложили одинъ вѣнецъ. Маия-же 1-го было заложеніе съ молитвою по чину церковному священникомъ Иосифомъ

Безъпаловимъ. А какъ плотниковъ было 14-ть человѣкъ, то въ доставленіи дерева было не безъ нужды, однако рубая въ своей рощѣ, что противу двора на горѣ, и покупая отъ людей, употребя ктому еще и старой домъ, прежде заготовляемое дерево исправляли безъ остановки. Постройка шла поспѣшно и къ 29-му іюня совсѣмъ домъ отдѣланъ, за которой росплатясь съ плотниками за роботу 250 р. и отдавъ харчи сполна, коихъ числомъ выходило на 95 р., началъ во ономъ жить по части, а по части въ бани для теплоты болныхъ оспою дѣтей, ибо въ новомъ домѣ окошекъ и печей еще не было, однако и то отдѣлано къ сентябру мѣсяцу все совершенно. Почему 21-го сентября, по чину освятя оной, гулялъ два дни съ пушечною палбою и съ доволнымъ пьянствомъ.

Въ началѣ-жъ октября мѣсяца получено извѣстіе, что свѣтлѣйшей князь Потемкинъ 5-го октября после бывшей у него горячки, поѣхавъ изъ Ясъ для перемѣны воздуха въ Николаевъ (что былъ прежде Очаковъ), въ 37 верстахъ на полѣ умре на плащѣ, такъ какъ воинъ скоропостижно. Тутъ многия послѣдовали любимцамъ ево перемѣны, а многимъ отъ печали смерть, задумчивость и параличи.—Великими чинами люди для того возносятся высоко, да падутъ жестоко.—Тѣло анатомили и положа въ свинцовой гробъ, отправлено съ великою отъ Ясъ церемоніею до 20-ти верстъ въ Екатеринославъ, гдѣ погребено въ соборной церквѣ.

Въ семъ октябрѣ мѣсяцѣ началъ, по исправленіи винокурни, курить вино, но съ малою вигодою, за неимѣніемъ хорошихъ винокуровъ, и по економіи домашней былъ въ разныхъ недалнихъ поѣздкахъ и исправленіи по дому малыхъ построекъ и огорожи двора. А ноября 2-го приговорилъ на всю зиму винокуровъ гороховатскихъ двухъ и третьяго корочинского однодворца оптомъ за 180 р. Изъ сего времени пошло вино порядочно доброе. Хлѣбу цѣна была четверти арженому 1 р. 50 к., дрова возъ 40 и 35 к.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Библіографія.

Червенскіе города. Историческій очеркъ въ связи съ этнографіей и топографіей Червонной Руси. Сочиненіе А. В. Лонгинова. Варшава. 1885 года.

Названная книга г. Лонгинова заслуживаетъ полнаго вниманія русской читающей публики какъ по своей особой задачѣ, такъ и по выполненію. Почтенный авторъ оной принадлежитъ къ числу тѣхъ не многихъ русскихъ дѣятелей въ привислянскомъ краѣ, которые, не бывъ участниками проведенія реформы Н. А. Милютина въ ея чистомъ, не искаженномъ видѣ, понимаютъ однако духъ оной и сознательно стремятся къ проведенію того, что другіе, безъ различія ранга, лишь машинально и по наслышкѣ называютъ русскимъ дѣломъ, русскими началами. Живя уже не мало лѣтъ въ административномъ центрѣ Холмщины, которой долѣе и болѣе всѣхъ другихъ русскихъ окраинъ пришлось быть подъ политическимъ и культурнымъ польскимъ гнетомъ и аборигены которой подъ конецъ почти совершенно утратили свое русское самосознаніе, г. Лонгиновъ путемъ архивныхъ разысканій и научныхъ изслѣдованій старается воскресить въ представленіи тамошняго и вообще русскаго общества древнія судьбы этой исконной русской окраины, уловить здѣсь крайнія черты русскаго поселенія, указать слѣды русской власти и русской жизни тамъ, гдѣ, казалось, пановала на всемъ просторѣ крулевско-шляхетская Польша и гдѣ до послѣдняго времени царили польская жизнь, польская вѣра, польская рѣчь, польскіе нравы и обычаи, да чуть примѣтно дышала, доживая свои горемычные дни, всѣми пренебрегаемая унія. Этой высоко патріотической и серьезной цѣли г. Лонгиновъ посвящаетъ не первый уже свой трудъ; къ этой же цѣли направлено и настоящее его изслѣдованіе. Главная задача онаго состоитъ въ опредѣленіи границъ Червоной Руси, мѣстонахожденія г. Червеня, давшаго названіе цѣлому ряду городовъ,

и въ доказательствѣ русскаго происхожденія населенія указанной области; исторія стоитъ здѣсь на второмъ планѣ, являясь какъ средство для подтвержденія выводовъ по главнымъ вопросамъ. Но самые эти вопросы, затрогивающіе существенно древнюю судьбу Холмщины и ея настоящее, такого свойства и важности, что дать на нихъ неоспоримые отвѣты и провести ихъ въ школу, а оттуда въ жизнь народа, значитъ достигнуть того, что составляетъ задачу начавшагося возрожденія Холмской Руси. Червень, нынѣшнее Чермно, лежалъ въ ея предѣлахъ; г. Лонгиновъ устанавливаетъ это, какъ и русскій характеръ его, цѣлымъ рядомъ историческихъ данныхъ, сопоставленій и сближеній, а въ результатѣ получается, что Холмщина есть древнѣйшая русская земля, достояніе первыхъ князей Владиміра св. и Ярослава мудраго.

Несомнѣнно, что авторъ названной книги много потрудился для разъясненія топографіи и этнографіи Червоной Руси. Онъ собралъ много матеріаловъ не только изданныхъ, но, что составляетъ особый интересъ разбираемаго труда и заслугу автора, также и скрытыхъ въ различныхъ мѣстныхъ архивахъ и у частныхъ лицъ. Г. Лонгиновъ извлекъ документы изъ архивовъ люблинскаго, плоцкаго, сѣдлецкаго, изъ главнаго варшавскаго архива, изъ архива холмской консисторіи, изъ нѣкоторыхъ частныхъ архивовъ; иныя рукописи сообщены ему знакомыми лицами; онъ воспользовался также метрическими книгами многихъ православныхъ церквей. Этотъ, чисто архивный, совершенно неизвѣстный до сихъ поръ матеріалъ придаетъ особый интересъ труду г. Лонгинова.

При опредѣленіи мѣстонахожденія г. Червеня авторъ разбираемаго сочиненія рѣшилъ держаться слѣдующаго пути: 1) установить историческую топографію Червоной Русси въ ея первоначальномъ объемѣ, 2) опредѣлить границы княжествъ, на которыя раздробилась Червоная Русь и 3) сгруппировать всѣ данныя о мѣстонахожденіи города Червеня. Признавая этотъ путь изслѣдованія вполнѣ цѣлесообразнымъ, мы сомнѣваемся однако въ возможности опредѣленія границъ отдѣльныхъ княжествъ, ибо въ древній періодъ нашей исторіи болѣе или менѣе прочныя границы существовали лишь между крупными областными единицами, да и то не вполнѣ. Достаточно вспомнить пограничные споры князей черниговскихъ съ смоленскими и рязанскими, смоленскихъ съ суздальскими, владиміро-волынскихъ съ галицкими. Тѣмъ болѣе точнаго разграниченія удѣловъ въ самой области не могло быть, или оно являлось временнымъ, постоянно измѣняемымъ. Автору приходится обращаться къ даннымъ позднѣйшаго времени; но положеніе Червоной Руси въ XV вѣкѣ было совсѣмъ иное, чѣмъ въ древній періодъ. Лѣтописныя данныя болѣе ранняго времени не даютъ возможности къ точ-

ному опредѣленію границъ изслѣдуемой авторомъ мѣстности и дѣлаемое имъ опредѣленіе приходится все таки считать гипотетичнымъ, болѣе или менѣе вѣроятнымъ, и только. Недостатокъ положительныхъ данныхъ заставляетъ г. Лонгинова прибѣгать къ нѣкоторымъ натяжкамъ, искусственному толкованію фактовъ. На стр. 67 авторъ говоритъ, что Червенскіе города были завоеваны въ два пріема: въ 1030 году Ярославъ занялъ Белзъ, а 1031 году онъ и Мстиславъ заняли Червенскіе города „опять", какъ сказано въ лѣтописи. Но это „опять" не указываетъ на 1030 годъ, а на болѣе раннее занятіе этихъ городовъ Владиміровъ св., слѣд. на основаніи даннаго извѣстія нельзя сказать, что Белзъ входилъ въ число Червенскихъ городовъ. Извѣстіе лѣтописи подъ 1225 годъ, гласящее, что Даніилъ „плѣни всю землю „Бельзесьскую и Червеньскую", указываетъ на отдѣльность Белза отъ Червенскихъ городовъ. Мы видимъ и въ самомъ началѣ XIII вѣка отдѣльность Червеня и Белза: Александръ Влеволодовичъ отдаетъ Васильку Белзъ въ 1204 году, а въ 1205 году братъ Александра, Всеволодъ, сидитъ въ Червенѣ. Далѣе въ XIII вѣкѣ происходитъ постоянная перетасовка удѣловъ въ землѣ Владимірской, дающая возможность только гадательно говорить о границахъ Холмско-Червенской земли.

Чтобы болѣе подкрѣпить мнѣніе о принадлежности Червенскихъ городовъ Богеміи, г. Лонгиновъ по своему толкуетъ слѣдующее извѣстіе лѣтописи подъ 981 году: „иде Володимиръ къ ляхамъ и зая грады, Перемышль, Червень и иные городы, иже суть и до сего дне подъ Русью". Намъ кажется, что это мѣсто лѣтописи по русски просто должно быть передано такъ: „пошелъ Владиміръ къ ляхамъ и занялъ ихъ, т. е. подвластные имъ города: Перемышль, Червень и др., которые и въ настоящее время (въ XII вѣкѣ) находятся подъ властью Руси". Но г. Лонгиновъ отдѣляетъ слова: „ихъ грады" отъ послѣдующихъ: „Перемышль, Червень" и проч. и думаетъ, что въ первыхъ словахъ лѣтописецъ разумѣлъ особые *польскіе* города, а далѣе называетъ города русскіе. Такое толкованіе нельзя не признать натяжкой, при томъ совсѣмъ излишней. Этнографически Перемышль, Червень и проч. могли быть тогда и не польскіе, хотя это требуетъ особыхъ доказательствъ; но, говоря объ нихъ, какъ о городахъ находившихся подъ властью Польши, лѣтописецъ не могъ не сказать: «ихъ грады», т. е. имъ ляхамъ подвластные, или польскіе.

Укажемъ еще одинъ примѣръ искусственнаго и неудачнаго толкованія извѣстій, приводящаго даже къ мысли, будто авторъ беретъ данныя не прямо изъ источника, а изъ вторыхъ рукъ. Такъ, при опредѣленіи мѣстонахожденія г. Волыня, г. Лонгиновъ ссылается на такое мѣсто

изъ Длугоша, которое говоритъ совсѣмъ не о томъ, что нужно автору. Найдя у Длугоша названіе рѣки, совпадающее, по особому толкованію, съ изслѣдуемыми другими названіями, г. Лонгиновъ разсуждаетъ: «здѣсь-то около Кросны, Крсны или теперешней Кржны, ad fluvium Rubesa, отъ корня *rub* (Russia Rubra), происходила описанная Длугошемъ битва Владиміра Великаго съ поляками и печенѣгами въ 987 г. (Dlug., lib. 1, p. 123)». Не говоря о невѣрности ссылки, такъ какъ Длугошъ разсказываетъ объ этомъ въ книгѣ II, а не I, и не подъ 981 г., а подъ 987 г., самое извѣстіе Длугоша оказывается спутаннымъ, а соблазнившее г. Лонгинова названіе рѣки *Rubiesa* искаженнымъ и относящимся къ иной мѣстности и иному событію. Полный текстъ этого извѣстія гласитъ слѣдующее: „Vastatis eo anno dux Russiae Carvatis, infertur illi a Polonis bellum, contra quos egressus ad fluvium *Rubiesa*, eos offendit, cumque fluvio impddiente periculosum sibi uterque exercitus dimicationem censeret, vir altus et rarae fortitudinis de castris Pieszingarum egressus provocabat, ut alium darent ad pugnam“... Описывается далѣе состязаніе между русскимъ и печенѣгомъ и погибель послѣдняго. Wladimirus illia castrum Bereslaw erexit eo, quod vir, qui vicerat, ex Bereslaw ortus esset.

Думаю, и для г. Лонгинова ясно изъ этого отрывка, что здѣсь дѣло идетъ о столкновеніи русскихъ съ печенѣгами на р. *Трубежѣ*. Длугошъ не разобралъ въ славянской рукописи, которыхъ подъ руками у него было много, имени «Трубежа» и написалъ *Rubiesa*, при чемъ вышла путаница. Поляки попали сюда неповинно, благодаря лишь постоянному стремленію Длугоша втискивать ихъ всюду, куда возможно, *ad majorem Poloniae glariam*. Скажемъ еще, что Длугошъ никогда не переводитъ славянскихъ именъ на латинскій языкъ, а передаетъ ихъ въ славянской транскрипціи, иногда коверкая, какъ онъ это сдѣлалъ съ «Трубежомъ». *Rubiesa* по этому не можетъ происходить отъ латинскаго корня *rub* (откуда *ruber*, красный, что и соблазнило г. Лонгинова), ибо тутъ *Rubiesa* есть исковерканное славянское названіе.

Если является странной ссылка на Длугоша въ томъ видѣ, какъ она сдѣлана, то еще болѣе это можно сказать о ссылкѣ автора на Колюпанова на нѣсколькихъ страницахъ. Колюпановъ, насколько намъ извѣстно, никогда о боярской думѣ не писалъ, а изслѣдованіе по этому вопросу принадлежитъ профессору московскаго университета, г. Ключевскому.

Этими не многими замѣчаніями мы ограничимся. Повторяемъ, что трудъ г. Лонгинова интересенъ по обилію въ немъ архивнаго матеріала, но со многими изъ его выводовъ согласиться нельзя: ихъ приходится признать пока гипотетичными.

П. Голубовскій.

Кн. Е. Горчакова. Кіевъ, съ приложеніемъ плана г. Кіева. Москва. 1885 г.

Описанію прошлыхъ судебъ и нынѣшняго вида матери городовъ русскихъ посвящено весьма значительное число статей и книгъ. Не говоря о первоисточникахъ: лѣтописяхъ, актахъ, запискахъ путешественниковъ, изъ которыхъ черпали свои свѣдѣнія сами описатели, систематическихъ описаній Кіева можно насчитать съ десятокъ. Поручикъ Новгородцевъ въ прошломъ вѣкѣ и Берлинскій въ настоящемъ открываютъ шествіе; за ними слѣдуютъ авторы книгъ большихъ и малыхъ, къ которымъ присоединяется теперь и кн. Е. Горчакова съ своей небольшой, компилятивной работой.

Обстоятельно, близко узнать былую жизнь этого уголка нашей земли, съ именемъ котораго связано все историческое прошлое южнорусскаго края, гдѣ рѣшалась его судьба, можно только изъ всей той сложности старыхъ источниковъ и детальныхъ изслѣдованій, вѣскость и полноту которыхъ не замѣнитъ ничто. Наивныя строки лѣтописи, дѣловая точность документа, живой, бьющій духомъ вѣка, голосъ очевидца—одни въ силахъ перенести всецѣло мысль и воображеніе къ тому, что исчезло безслѣдно или неузнаваемо измѣнилось. Ничѣмъ не замѣнить также кропотливаго труда самоотверженныхъ дѣятелей науки, которые путемъ сопоставленій и исторической критики открываютъ намъ глаза на прошлое и доискиваются правды, какъ въ крупномъ историческомъ фактѣ, такъ и въ какой нибудь топографической или біографической мелочи. Къ Нестору (или Селивестру), Кальнофойскому и Боплану, Павлу Алепскому и Лясотѣ, козацкимъ лѣтописцамъ и авторамъ мемуаровъ обратится тотъ, кто хочетъ узнать старую жизнь Кіева и перенестись воображеніемъ въ его былые дни. Отдѣльныя эпохи и моменты жизни Кіева изслѣдованы съ необычайно глубокой эрудиціей и меткостью взгляда двумя южно-русскими историками, М. А. Максимовичемъ и В. Б. Антоновичемъ. Не будутъ полны также наши знанія о Кіевѣ безъ изученія тѣхъ солидныхъ, детальныхъ работъ, образцы которыхъ въ прошедшемъ представили митрополитъ Евгеній и Аскоченскій, а въ наше время П. Г Лебединцевъ, Крыжановскій, от. П. Троицкій, Лашкаревъ и друг. Но существуетъ потребность въ сводѣ свѣдѣній и извѣстій о Кіевѣ, въ исторіи и описаніи города, въ доступной среднему читателю, но вполнѣ научной и обработанной книгѣ, чуждой банальности обыкновенныхъ «Путеводителей».

Въ отвѣтъ на этотъ запросъ являются описанія кіевскихъ святынь и опыты о самомъ городѣ. Святыни Кіева играли такую громад-

ную историческую роль, что значительное мѣсто во всякомъ описаніи принадлежитъ имъ по праву. Обители, какъ лавра, церкви кіевскихъ высотъ, гдѣ заблисталъ первый крестъ, тѣ освященные преданіемъ уголки, которые, чрезъ христіанство. связали нашъ край съ культурнымъ міромъ, изъ обще христіанской святыни становятся святыней народной. Надо сознаться, что авторы описаній и «Паломниковъ» всегда были ниже своей задачи и отъ книгъ ихъ вѣяло формальностью и бездушіемъ. Изъ описателей Кіева извѣстностью и распространеніемъ пользуются двое: Закревскій и Сементовскій, авторы трудовъ общихъ по темѣ, но по выполненію различныхъ.

Трудъ Закревскаго, изъ существующихъ, самый капитальный. Съ большимъ трудолюбіемъ собраны здѣсь всѣ извѣстныя въ пору выхода книги свѣдѣнія и факты, какъ общіе, такъ и относящіеся къ отдѣльнымъ явленіямъ, мѣстностямъ и предметамъ. Но это трудъ громоздкій, имѣющій характеръ сборника и не лишенный промаховъ разъясненіемъ которыхъ съ успѣхомъ занимался покойный Максимовичъ. Двухтомное описаніе Закревскаго было книгой дорогой при появленіи въ свѣтъ, а теперь исчезло изъ продажи.

Книга Сементовскаго имѣетъ свои достоинства и поучаетъ на счетъ Кіева пріѣзжихъ и по сей часъ; но практическое назначеніе книги не дало возможности составителю сосредоточиться на историческомъ интересѣ, а литературная сторона выразилась въ общей блѣдности изложенія. Задача составителя сообщить путешественнику побольше нужныхъ ему свѣдѣній о городѣ и, въ силу ея, онъ мечется постоянно между такими двумя полюсами, какъ опредѣленіе лѣтописной топографіи какихъ-нибудь «Пасынчьей Бесѣды» и «Козаръ» и сообщеніемъ справки о сегодняшней таксѣ извощиковъ.

Книга, которая въ живой и доступной формѣ заключала-бы въ себѣ основанные на точномъ знаніи факты, группируя ихъ по вѣкамъ и годамъ, повѣствуя о жизни многострадальнаго города въ ея послѣдовательномъ ходѣ, опираясь на несомнѣнныя свидѣтельства, отвѣчала-бы существующей потребности. Первоисточниковъ ей никогда не замѣнить; не по силамъ ей также состязаться съ спеціальными монографіями, исчерпывающими предметъ въ подробностяхъ. Задача ея—популярирровать то и другое. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ о Кіевѣ М. А. Максимовичъ далъ замѣчательные опыты въ этомъ родѣ. Его образныя, сжатыя и живыя письма и замѣтки, съ счастливымъ введеніемъ поэтическаго архаизма первоисточниковъ, съ ихъ художественною мѣрою, представляются намъ образцовыми вещами въ этомъ родѣ. Ставя ихъ въ примѣръ,

мы, разумѣемъ, конечно, пріемъ покойнаго историка, такъ какъ его рѣдкой эрудиціи отъ популяризатора требовать невозможно.

Опытъ кн. Горчаковой заключаетъ въ себѣ бѣглый историческій очеркъ Кіева, общую его топографію и характеристику отдѣльныхъ частей, описанія прошлаго и теперешняго состоянія обителей и церквей, нѣсколько страницъ объ окрестностяхъ и разные „взгляды и нѣчто".

Главный источникъ кн Горчаковой—трудъ Закревскаго и его историческій очеркъ Кіева она и воспроизводитъ въ сжатомъ видѣ. Княжескій Кіевъ, междоусобія удѣльнаго времени, татарскій разгромъ, набѣги литовцевъ и крымскихъ хановъ, подчиненіе Кіева, какъ литовскаго воеводства, коронѣ польской, невзгоды его во время польскаго владычества, послѣдующія несчастія: двукратная моровая язва, пожары лавры, стариннаго Подола,—этотъ длинный рядъ бѣдствій и скорбей описывается въ томъ традиціонномъ видѣ, какой установленъ былъ еще первоначальными изслѣдователями, не обладавшими всѣмъ извѣстнымъ запасомъ фактовъ, внесшимъ свѣжіе и новые элементы въ изученіе старыхъ судебъ Кіева и южнаго края. Повторена, конечно, и тенденціозная басня о „запустѣніи" города и края съ XIV по XVI вѣкъ и не отмѣчена ничѣмъ та внутренняя ломка порядковъ и учрежденій, которая творилась въ такъ называемыя „спокойныя" эпохи и послѣдствія которой могутъ съ успѣхомъ конкурировать съ любымъ изъ „разгромовъ". Впрочемъ, изслѣдованіе этой стороны кіевской исторіи только еще зарождается и матеріалы, въ родѣ тѣхъ напр., о которыхъ говорено въ нашей библіографіи за прошлый мѣсяцъ, по поводу полезнаго изданія г. Андріевскаго, только собираются еще.

Описаніе обителей и святынь Кіева занимаетъ въ книгѣ преобладающее мѣсто, хотя отличается нѣкоторой случайностью. Между тѣмъ какъ церкви Стараго Города описаны очень подробно, братскому монастырю и академіи съ ея исторіей посвящено страницы четыре, какъ разъ столько, какъ заведеніямъ минеральныхъ водъ и Chateau des fleurs. Автору бросается невольно въ глаза, какъ и всякому, сравнительно небольшое число историческихъ памятниковъ для города съ такимъ многовѣковымъ значеніемъ. Одно уничтожили разоренія и невзгоды, другое —людское невѣжество. Слѣдуетъ принять также во вниманіе тотъ элементъ, который мы назвали бы „исторической полемикой". Этому печальному элементу обязанъ Кіевъ бывшимъ закрытіемъ межигорской обители, обращеніемъ никольскаго монастыря въ соборъ для войскъ и кирилловскаго въ домъ для умалишенныхъ. Громаднымъ пробѣломъ при изученіи старой жизни Кіева служитъ отсутствіе городскаго музея. Съ тѣмъ или инымъ характеромъ музеямъ положенъ уже починъ въ такихъ

молодыхъ городахъ, какъ Саратовъ и Харьковъ. Дождались ихъ и ярославскій Ростовъ, и захолустная Кострома, и крохотный Холмъ. Но въ древнѣйшемъ городѣ страны, съ именемъ котораго связана вся прошлая жизнь русскаго народа, о возникновеніи его еще нѣтъ и рѣчи.

Кіеву равно нужны научная и правдивая исторія и собраніе предметовъ прошлой жизни и старины. Не принадлежа къ оптимистамъ и судя по общему ходу жизни, мы думаемъ однако, что перваго мы можемъ расчитывать дождаться съ большей вѣроятностью, чѣмъ втораго.

W.

Dumy ukraińskie. Rzecz o eposie kozackim rusinów, przez C. Neymana. Odbitka z «Ateneum» z 1885 r.

Въ эпическомъ творчествѣ малорусскаго народа слѣдуетъ различать два рода произведеній: думы и пѣсни. Между тѣми и другими существуетъ значительная разница, на которую до сихъ поръ мало вниманія обращали собиратели и изслѣдователи памятниковъ малорусской изустной словесности. Думами (въ народѣ это названіе неизвѣстно) слѣдуетъ называть такія народныя произведенія эпическаго содержанія, которыя собственно не поются, а декламируются на распѣвъ подъ звуки инструмента—кобзы или бандуры и лиры, и составляютъ достояніе не всего народа, а кобзарей, пѣвцовъ, обыкновенно слѣпыхъ, которые ходятъ съ мѣста на мѣсто съ своими инструментами и распѣваютъ ихъ передъ желающими. Думы не имѣютъ опредѣленнаго размѣра стиховъ, но въ мѣрной рѣчи употребляются риѳмы, которыя въ пѣніи соотвѣтствуютъ повышенію и пониженію голоса. Въ думѣ воспѣвается обыкновенно не голый историческій фактъ, а какое либо событіе со всѣми его причинами и послѣдствіями; обыкновенную принадлежность думы составляетъ и нравоучительное заключеніе. Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что думы первоначально (въ XVI ст.) складывались людьми бывалыми, состоятельными и даже образоваными; этимъ объясняется ихъ отдѣлка и длина. Въ словахъ и музыкѣ думъ, по мнѣнію этихъ изслѣдователей, можно даже замѣтить слѣды вліянія сосѣднихъ народовъ—сербовъ, грековъ и итальянцевъ, которые проживали въ тѣ времена въ колоніяхъ по берегамъ Чернаго моря, а небольшими группами и въ южно-русскихъ городахъ: Кіевѣ, Львовѣ и др. Въ противоположность этому пѣсни построены несравненно проще: содержаніемъ имъ служитъ обыкновенно какой нибудь единичный фактъ народной жизни и описаніе его не развивается въ широкую картину, а стихъ имѣетъ обыкновенную куплетную форму.

Огромное количество какъ думъ, такъ и пѣсенъ, записанныхъ изъ устъ народа, находимъ мы въ изданныхъ съ 1819 г. по настоящее время сборникахъ Цертелева, Максимовича, Срезневскаго, Залѣскаго, Шашкевича, Паули, Лукашевича, Метлинскаго, Кулиша, Костомарова, Закревскаго, Лавренка, Купчанка, Рудченка, Антоновича, Головацкаго, Чубинскаго, Горленка, Кольберга и Неймана. При изданіи думъ не обошлось дѣло и безъ обмана: вмѣстѣ съ подлинно народными думами пущено было въ обращеніе и нѣсколько подложныхъ; но въ настоящее время всѣ почти подложныя думы путемъ остроумныхъ критическихъ соображеній выдѣлены Н. И. Костомаровымъ изъ массы подлинныхъ (См. ст. Костомарова въ В. Евр. 1874, № 12, стр. 611—628) и послѣдующія поколѣнія освобождены отъ опасности впадать въ ошибки при изученіи малорусскаго народнаго творчества.

Въ той-же статьѣ, гдѣ Н. И. Костомаровъ критически разобралъ поддѣльныя думы, онъ разсуждалъ о томъ, какая работа важнѣе и полезнѣе теперь, когда записанъ уже значительный запасъ изустныхъ памятниковъ малорусской народной поэзіи: продолжать-ли простое собираніе и изданіе этого рода матеріаловъ, или подвергнуть собранные уже ученой разработкѣ, чтобы сдѣлать ихъ пригодными для исторической науки. Вторую работу онъ склонялся признать болѣе настоятельною и книгу Антоновича и Драгоманова (Историческія пѣсни малорусскаго народа) привѣтствовалъ, какъ первый опытъ ученаго отношенія къ предмету. Съ той поры прошло почти двѣнадцать лѣтъ, но не замѣтно, чтобы многіе обратили особое вниманіе на мнѣніе незабвеннаго историка, потому что за этотъ промежутокъ времени по части собранія и обнародованія матеріаловъ сдѣлано не мало, ученая же разработка подвинулась весьма недалеко. Въ этой слабо воздѣланной пока области только и можно указать, какъ заслуживающія вниманія, работы: самого Костомарова, Потебни, Сумцова, Андріевскаго, Науменка и Житецкаго—изъ ученыхъ мѣстныхъ, и Ор. Миллера, Ягича и Веселовскаго—изъ людей европейской науки. Единственный недостатокъ почти всѣхъ названныхъ трудовъ—это ихъ эпизодичность.

Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ останавливаешься на всякой попыткѣ войти глубоко въ изученіе какого либо отдѣла народной поэзіи и разсмотрѣть весь рядъ выдвигающихся при таковомъ изученіи вопросовъ. Къ такимъ попыткамъ принадлежитъ поименованная въ заголовкѣ рецензіи брошюра г. Неймана.

Г. Нейманъ является въ настоящее время однимъ изъ видныхъ малорусскихъ этнографовъ. Кромѣ нѣсколькихъ интересныхъ сообщеній въ «Кіевской Старинѣ» и «Зарѣ», онъ напечаталъ въ Краковѣ въ 1884 г.

прекрасно составленный этнографическій сборникъ подъ заглавіемъ: «Materyjały etnograficzne z okolic Hiskowa w powiecie Lipowieckim».

Предметомъ настоящаго изслѣдованія г. Нейманъ избралъ собственно думы. Онъ строго держится въ границахъ своей темы, не разбрасывается и тѣмъ достигаетъ въ статьѣ цѣльности, составляющей большое достоинство всякой ученой работы. Г. Нейманъ тщательно изучилъ весь запасъ народныхъ думъ, хотя не уберегся принять за народную—думу о смерти козака бандуриста (Зап. о Южн. Руси Кулиша, т. I, стр. 185), написанную, какъ гласитъ литературная молва, Афанасьевымъ-Чужбинскимъ, и въ двухъ мѣстахъ (стр. 110 и 343 отд. отт.) приводитъ изъ нея значительныя выдержки. Довольно хорошо извѣстна ему и скудная литература предмета. И вотъ на основаніи непосредственнаго знакомства съ думами и литературныхъ пособій г. Нейманъ разсматриваетъ эти произведенія народной думы со стороны ихъ формы и содержанія. Вся статья состоитъ изъ введенія и двухъ главъ. Во введеніи авторъ характеризуетъ кобзарей, какъ ихъ застали собиратели XIX в., и связываетъ ихъ съ упоминаемымъ въ Словѣ о полку Игоревѣ Баяномъ; затѣмъ дѣлаетъ перечень думъ, которыя онъ распредѣляетъ на 4 рубрики: 1) о борьбѣ съ татарами и турками, 2) объ эпохѣ Хмельницкаго, 3) о событіяхъ XVIII вѣка, 4) о козацкихъ обычаяхъ. Такимъ образомъ дѣленіе г. Неймана отличается и отъ дѣленія Антоновича и Драгоманова, и отъ дѣленія Костомарова; но оно очень естественно и противъ него ничего нельзя возразить. Всѣхъ думъ г. Нейманъ насчитываетъ 21 въ 74 варіантахъ, но если исключить принятую имъ за народную думу о смерти казака бандуриста, то окажется 20 думъ въ 73 варіантахъ. Это число нельзя считать законченнымъ, такъ .какъ среди кобзарей, навѣрное, обращаются еще думы, незаписанныя собирателями.

Въ главѣ I авторъ разматриваетъ своеобразныя слова, эпическіе обороты, эпитеты, символы и сравненія, встрѣчающіеся въ думахъ; а въ II главѣ излагаетъ содержаніе думъ, сопоставляя его съ данными письменной исторіи.

Статья г. Неймана не вноситъ въ изученіе предмета чего либо новаго, не даетъ какихъ либо оригинальныхъ соображеній, не ставитъ новыхъ точекъ зрѣнія, но за то она объясняетъ разбросанныя по разнымъ книгамъ замѣчанія ученыхъ, сводитъ ихъ въ одно цѣлое и вполнѣ достигаетъ своей цѣли—ознакомленія поляковъ съ украинскими думами. Жаль, что г. Нейманъ не воспользовался шире трудами сравнительно-историческаго направленія: Буслаева, Веселовскаго, Ягича и Потебни: тогда сдѣланный имъ сводъ изслѣдованій о формѣ и содержаніи дошедшихъ до насъ малорусскихъ думъ получилъ бы еще болѣе цѣны. Жаль также, что г. Нейманъ знакомъ, какъ кажется, съ сербскимъ эпосомъ не по изданіямъ В. С.

Караджича и др., а по плохимъ переводамъ Зморскаго. Болѣе близкое знакомство съ сербскимъ эпосомъ дало-бы большой матеріалъ для уясненія общихъ законовъ эпическаго творчества у славянъ.

А. С—ко.

Извѣстія Кирилло-Мееодіевскаго братства за 1880—1884 годы, съ приложеніями. Спб. 1885 г.

Никакая борьба не бываетъ такъ плодотворна, никакая побѣда не бываетъ такъ прочна, какъ борьба и побѣда культурная. То, что пріобрѣтено въ области духа, этимъ-же путемъ, и только этимъ, можетъ быть отнято другой, болѣе развитой культурой. Такая борьба всегда возникаетъ тамъ, гдѣ сталкивается нѣсколько національностей, разными обстоятельствами поставляемыхъ въ необходимость, не смотря на свои индивидуальныя особенности, соединиться въ одно политическое цѣлое. Такъ столкнулись нѣкогда литовская, русская и польская національности на нашемъ сѣверо-западѣ и юго-западѣ, гдѣ поэтому культурная борьба составляетъ, главнымъ образомъ, содержаніе исторіи края. Рано, быстро, самостоятельно и широко развившаяся подъ вліяніемъ принятаго изъ Византіи христіанства русская культура, съ первыхъ вѣковъ основанія русскаго государства, избрала своимъ центромъ Кіевъ и упрочилась здѣсь настолько, что, перешедши потомъ на сѣверъ въ Литву, подчиняетъ себѣ это государство, сталкивается въ концѣ XIV вѣка́ чрезъ Польшу съ культурой католическихъ государствъ запада и, не смотря на свое сравнительно позднее происхожденіе, въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій выдерживаетъ борьбу; но съ каждымъ вѣкомъ борьба усиливается и по мѣрѣ того, какъ народъ теряетъ своихъ интелигентныхъ представителей, побѣждаемыхъ уже не столько культурой, сколько правами и преимуществами польскаго гражданства, онъ самъ выступаетъ на свою защиту, придавая этимъ борьбѣ кровавый, ожесточенный характеръ. Исторія полагаетъ ей предѣлъ въ концѣ XVIII ст.; но сильная польская культура, поглотивъ прежде юго-западное русское дворянство, подъ покровомъ сильной русской власти, благодаря крѣпостничеству, получаетъ тѣмъ большую возможность овладѣвать народною массою и претворять ее по своимъ началамъ. Лишь съ недавняго времени положеніе борющихся сторонъ измѣняется и на мѣсто истощенной и подавленной мѣстно-народной культуры выступаетъ общерусская культура во всеоружіи правительственныхъ мѣръ и средствъ, поддерживаемая кой-гдѣ частною иниціативою.

Трудно, почти невозможно ей возвратить все то, что утрачено здѣсь въ предшествовавшіе вѣка, ополячившееся и окатоличившееся русское дворянство юго-западнаго края съ трудомъ поддается новой культурѣ; но иныя надежды и послѣдствія видятся отъ воздѣйствія оной на народъ, который въ значительной чистотѣ и цѣлости сохранилъ свою вѣру, свой языкъ, свои обычаи и старыя преданія. Поддержать народъ въ начинающемся его саморазвитіи, оградить его отъ непрекращающагося вліянія посторонней культуры—таковы теперь задачи правительства и общества въ здѣшней мѣстности. Развившись и поднявшись, народъ въ силахъ будетъ ассимилировать съ собою и то незначительное меньшинство, которое не поддается теперь новому вліянію.

Задачи эти преслѣдуетъ, принявъ на себя тяжелую и не всегда благодарную заботу о возстановленіи на Волыни древняго русскаго благочестія и просвѣщенія, острожское Кирилло-Меѳодіевское братство, самоотверженно и безкорыстно трудясь на избранномъ поприщѣ въ теченіи болѣе двадцати лѣтъ. Результаты этихъ заботъ и трудовъ за послѣднія пять лѣтъ (1880—1884) и отчасти за время предшествовавшее изложены въ названной выше книгѣ.

Книги этой мы не встрѣчали въ газетныхъ объявленіяхъ, не находили въ каталогахъ книжныхъ магазиновъ и къ намъ она попала совершенно случайно. Ясно, что она не предназначалась для публики, но только для тѣснаго кружка братчиковъ. И тѣмъ не менѣе мы считаемъ нужнымъ говорить объ ней по богатому, интереснѣйшему ея содержанію, и потому также, что *не поставляется свѣтильникъ подъ спудомъ, но на свѣщницѣ, да свѣтитъ всѣмъ...* Это не сухой отчетъ, не тощая брошюрка съ рядомъ цифръ и итоговъ, это цѣлая книга въ 224 стр., книга не счетовъ, но самой жизни и дѣятельности. Тутъ нѣтъ обычной системы, условнаго порядка; напротивъ все какъ-бы намѣренно перемѣшано: отчеты въ строгомъ смыслѣ занимаютъ всего менѣе мѣста, гораздо больше приложеній къ нимъ, главную-же часть книги составляютъ письма, телеграммы, статейки изъ газетъ, выписки, собственныя замѣтки и отрывки изъ дневника лица, составлявшаго книгу. Но отъ всего это бьетъ жизнью, какъ-бы передъ глазами видишь живыхъ людей, одушевленныхъ одною заботою, преслѣдующихъ одну мысль, дѣлающихъ одно дѣло и во главѣ ихъ одну невидимую руку и душу, все направляющую, одушевляющую и оживляющую.

Не принадлежащій къ братству не съ разу можетъ оріентироваться въ этой книгѣ, идущей отъ имени братства, уразумѣть ея смыслъ и разнообразное содержаніе. Ему необходимо знать, что это за братство, когда, гдѣ и какъ оно началось и чья это рука ведетъ все братское дѣло и пишетъ его свѣтлую лѣтопись.

Само братство съ его учрежденіями существуетъ въ г. Острогѣ, волынской губерніи. Центръ, такъ сказать, его управленія находится въ Петербургѣ, вѣтви въ томъ-же Острогѣ, но иногда и самый центръ переходитъ въ тотъ-же захолустный Острогъ. Кирилло-Меѳодіевское братство на Волыни обязано своимъ возникновеніемъ извѣстному государственному дѣятелю николаевскаго времени, графу Д. Н. Блудову. Не задолго до его кончины, въ 1862 г. исполнилось тысячелѣтіе дѣятельности славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія. Бывшій тогда въ Смоленскѣ преосв. Антоній, скончавшійся потомъ въ Казани, въ санѣ архіепископа, а также настоятель посольской русской церкви въ Вѣнѣ, прот. М. Ѳ. Раевскій, высказали ему мысль, что ничѣмъ инымъ, какъ только распространеніемъ въ народѣ образованія, можно достойно почтить праздновавшееся тогда событіе. Графъ живо принялъ эту мысль и тогда-же учредилъ школу въ принадлежавшемъ ему сельцѣ Аѳонасовѣ смоленской губерніи. Скоро наступило время его кончины и онъ завѣщалъ своей дочери, графинѣ Антонинѣ Дмитріевнѣ на оставленный имъ небольшой капиталъ продолжить осуществленіе его мысли въ такой мѣстности, гдѣ настояла наибольшая надобность въ русскомъ образованіи для борьбы съ польско-католическимъ вліяніемъ, именно на Волыни. Центромъ дальнѣйшей просвѣтительной дѣятельности избранъ былъ стольный городъ защитника русской народности и православія въ XVI вѣкѣ, славнаго князя Константина Константиновича Острожскаго. Въ то время мысль о возстановленіи древнихъ братствъ, съ ихъ просвѣтительными и благотворительными учрежденіями, была въ полномъ ходу и, воспользовавшись ею, русская именемъ, вѣрой и душей графиня явилась достойнѣйшею продолжательницею дѣла достойнаго своего родителя и исполнительницею его мысли и желанія. Основанное и развитое ею въ цѣлый рядъ учрежденій острожское кирилло-меѳодіевское братство своею дѣятельностью какъ-бы воскрешаетъ время и дѣятельность князя К. К. Острожскаго. Орудія для борьбы ихъ съ польской цивилизаціей, какъ у того, такъ и другаго, одни и тѣ-же: церковь, школа и печать, но главнымъ въ рукахъ братства является школа, такъ какъ церковь имѣетъ своихъ оффиціальныхъ радѣтелей и оно лишь содѣйствуетъ благолѣпію храмовъ, мѣстная-жъ печать только зарождается. Изъ всѣхъ дѣйствій братства отмѣтимъ лишь главное и существенное.

Наиболѣе видное мѣсто между учрежденіями братства занимаетъ высшее женское училище имени графа Д. Н. Блудова, съ недорогимъ пансіономъ, при значительномъ числѣ стипендіатокъ и безплатныхъ ученицъ; за тѣмъ слѣдуютъ братскія начальныя школы въ селахъ:

Миклашахъ и Брыковѣ; одна изъ нихъ имѣетъ ремесленное отдѣленіе; брыковская школа служитъ и для взрослыхъ, когда священникъ-учитель дѣлаетъ толкованіе Евангелія, церковныхъ службъ или производитъ спѣвку. Кромѣ школъ, братство содержитъ на свои средства александро-маріинскій пріютъ для раненыхъ воиновъ, способныхъ къ обработкѣ земли, дѣтскій лазаретъ, лѣчебницу для приходящихъ и страннопріимный домъ для богомольцевъ, отправляющихся въ Почаевъ.

Вотъ итоги дѣятельности острожскаго братства:

1) Въ высшемъ женскомъ училищѣ имени графа Д. Н. Блудова за 15-ть лѣтъ дано образованіе 200 дѣвицамъ.

2) Въ лѣчебницѣ для приходящихъ получали безплатно совѣты и лекарства отъ 2,000 до 3,000 больныхъ ежегодно, нѣкоторые-же выздоравливающіе получали подкрѣпительную пищу.

3) Въ страннопріимномъ домѣ ежегодно имѣютъ пріютъ и пищу отъ 300 до 400 богомольцевъ.

4) Во время войны братство содержало въ теченіи цѣлаго года вспомогательную больницу „Краснаго Креста" на 16 кроватей для раненыхъ и устроило постоянный пріютъ для четырехъ раненыхъ семейныхъ солдатъ.

5) Проценты съ капитала В. П. Мельникова выдавались, какъ безпроцентныя ссуды крестьянамъ на покупку сѣмянъ и проч.

6) Изъ процента съ капитала В. П. Писемской дѣлалась экипировка ученицамъ-сиротамъ или приданое.

7) Въ теченіи 15-ти лѣтъ братство боролось съ еврейской эксплоатаціей, поддерживая: а) русскихъ крестьянъ въ арендѣ ими братскихъ мельницъ, рыбной ловли и пахатной земли и б) русскихъ купцевъ, пріобрѣтая въ ихъ магазинахъ все, необходимое для нуждъ братскихъ учрежденій

и 8) сдѣлано 12 всякаго рода построекъ, перестроекъ, отдѣлокъ и проч въ учрежденіяхъ, принадлежащихъ братству; въ томъ числѣ дѣлались расходы на покупку недвижимости.

Всѣ расходы на постройки и содержаніе училища достигаютъ крупной цифры въ 175,000 рублей и сверхъ того братство возвысило свой неприкосновенный капиталъ съ 2,000 до 65,000 рублей. Мы поймемъ значеніе этихъ цифръ, если возьмемъ во вниманіе, что острожское братство не прибѣгаетъ ни къ одному изъ способовъ, практикуемыхъ другими благотворительными нашими учрежденіями, какъ устройство лоттерей, спектаклей, танцовальныхъ вечеровъ и т. п. Источниками его доходовъ служатъ лишь членскіе взносы, сборы, производимые братчиками и братчицами по выдаваемымъ имъ книжкамъ, случайныя

пожертвованія людей, принимающихъ близко къ сердцу интересы русскаго дѣла на юго-западѣ Россіи, главною-же вкладчицею и собирательницею братскихъ средствъ является сама учредительница и попечительница братства гр. А. Д. Блудова.

Кромѣ приведенныхъ въ извлеченіи числовыхъ данныхъ и ихъ итоговъ, большую часть книги составляютъ разнаго рода приложенія, каковы воспоминанія, письма и телеграммы, по поводу происходившихъ въ братствѣ событій, перемѣнъ, приращеній и ущербовъ, а также празднествъ и богослуженій въ дни, знаменательные или вообще для всякаго русскаго и православнаго человѣка, или въ частности для братства, газетныя корреспонденціи съ проповѣдями и рѣчами, или выдержками изъ нихъ, отрывки изъ дневника, безъ подписи автора, но очевидно принадлежащіе перу самой попечительницы, бумаги покойнаго ея отца графа Д. Н. Блудова и проч.

Книга начинается съ воспоминанія о трехсотлѣтнемъ юбилеѣ первой Библіи, напечатанной въ Острогѣ въ 1580 г. Тутъ приводятся историческія справки по поводу предмета празднованія, представляющія въ общемъ видѣ судьбу Острога и края, равно учрежденій славнаго князя Константина, и приводящія въ связь съ ними нынѣшнія братскія учрежденія.

Въ слѣдующихъ за нимъ двухъ письмахъ, петербургскомъ и острожскомъ, безъ означенія именъ лицъ, отъ кого и кому они писаны, разсказывается о скромномъ празднованіи въ Острогѣ юбилея 6-го декабря 1880 года, причемъ сообщается, что на молебнѣ евангеліе читалось по острожскому изданію 1580 года. Рядомъ съ этимъ помѣщается объявленіе объ открытіи въ Острогѣ типографіи г. Крамскаго и его-же книжнаго магазина, совпавшемъ съ днемъ юбилея. Отрадное напоминаніе о бывшей здѣсь нѣкогда типографіи князя Острожскаго, хотя тогда въ Острогѣ составлялись и печатались учено-полемическія и религіозныя книги, а теперь по необходимости пока этикеты, счеты, бланки, визитныя карточки и проч. Изъ „Извѣстій"-же узнаемъ, что эта маленькая типографія съ книжнымъ при ней магазиномъ есть также учрежденіе патріотическое и что учредитель, лице частное, интелигентное, преслѣдуетъ не коммерческія, а патріотическія цѣли, интересы науки и просвѣщенія.

Послѣ отчетовъ за нѣсколько лѣтъ, разбитыхъ иногда по полугодіямъ и пересыпанныхъ разнаго рода приложеніями, слѣдуютъ отрывки изъ дневника во время поѣздки писавшей въ Липецкъ; они рисуютъ теплую душу автора, полную глубокаго религіознаго чувства, горячей любви къ родинѣ, заботливости о дорогомъ его сердцу брат-

ствѣ; многосторонность свѣдѣній автора и его наблюдательность, широкій кругозоръ, простота и легкость изложенія, при разнообразномъ содержаніи, дѣлаютъ „Извѣстія" братства крайне интересными и заставляютъ забывать сухость обыкновенныхъ подобнаго рода отчетовъ, а умилительно-скорбный тонъ той части дневника, въ которой характеризуется дѣятельность сошедшихъ въ могилу братчиковъ и братчицъ, и отношеніе къ членамъ живущимъ, полное искренней и сердечной признательности, оставляютъ въ душѣ читателя самое отрадное и пріятное впечатлѣніе

Изъ упомянутыхъ выше бумагъ графа Д. Н. Блудова, кромѣ письма его къ Іосифу Сѣмашку, которое напечатано уже въ „Запискахъ" покойнаго митрополита, здѣсь помѣщены еще двѣ докладныя записки графа государю. Въ первой, отъ 21 ноября 1827 года, покойный Блудовъ высказывается одобрительно о запискѣ Сѣмашка, поданной послѣднимъ съ предложеніемъ мѣръ къ возсоединенію уніатовъ съ православіемъ, а во второй, отъ 25 мая 1835 года, онъ излагаетъ цѣль учрежденія и планъ дѣйствій комитета по уніатскимъ дѣламъ, направленныхъ, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы дѣло возсоединенія шло возможно скорѣе и свободнѣе и чтобы сознаніе потребности возсоединенія возникало въ самой средѣ уніатовъ. Повидимому бумаги эти не имѣютъ никакого отношенія къ положенію нынѣшняго братства, на самомъ дѣлѣ они говорятъ о той борьбѣ, которую приходится вести и теперь братству.

Вся книга, скажемъ въ заключеніе, отъ начала до конца рисуетъ намъ, такъ или иначе, ту или другую сторону жизни кирилло-меѳодіевскаго братства и лишній разъ доказываетъ, какъ много значитъ въ подобномъ дѣлѣ иниціатива и энергія частнаго лица. Благодаря высокому положенію учредительницы и попечительницы братства и ея не столько связямъ, сколько высокимъ нравственнымъ качествамъ, братство пользуется большимъ сочувствіемъ и матеріальной поддержкой лицъ высочайшей фамиліи, многихъ государственныхъ людей и женщинъ нашего высшаго общества; представители мѣстной свѣтской и духовной администраціи также оказываютъ всякое возможное содѣйствіе цѣлямъ братства. Ея многолѣтнимъ и неустаннымъ хлопотамъ мы обязаны наконецъ тѣмъ, что славный Богоявленскій храмъ въ Острогѣ, созданіе благочестиваго князя Константина, въ которомъ покоится прахъ его, будетъ воздвигнутъ изъ развалинъ и возстановленъ въ стилѣ того времени.

Перечитывая высоко-назидательную книгу „Извѣстій" острожскаго братства, мы не разъ жалѣли о томъ, что такъ мало и такъ

рѣдко появлются въ печати извѣстія объ этомъ прекрасномъ учрежденіи, что въ самой книгѣ нѣтъ хотя-бы краткой исторической записки о его происхожденіи и составѣ, именахъ братчиковъ и братчицъ, а равно о мѣстѣ, куда могли-бы обратиться всѣ желающіе вступить въ это братство, или адресовать свои для него пожертвованія. Молчаливость братства въ семъ отношеніи оправдывается, конечно, его скромностью и тѣмъ, что доброе дѣло само говоритъ за себя; тѣмъ не менѣе намъ кажется, что при большей извѣстности дѣла оно привлекло-бы къ себѣ новыхъ участниковъ и жертвователей и пошло-бы еще быстрѣе и успѣшнѣе, чего мы отъ всей души желаемъ почтенному братству.

И. Каманинъ.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ)

КЪ ИСТОРІИ КІЕВСКИХЪ ЗОЛОТЫХЪ ВОРОТЪ.

Минувшимъ лѣтомъ въ газетахъ какъ-то промелькнуло извѣстіе, что кіевская городская дума принимаетъ какія-то мѣры къ реставраціи Золотыхъ Воротъ, или точнѣе къ охраненію отъ разрушенія этого древнѣйшаго памятника кіевской старины. Мы порадовались за думу и кіевлянъ и встрѣтивъ въ числѣ приглашенныхъ думою въ коммисію по этому дѣлу имя извѣстнаго историка и археолога, проф. В. Б. Антоновича, были увѣрены, что тутъ предпринимается нѣчто достойное Кіева и его древностей. Но потомъ мы получили точное свѣдѣніе, что профессору Антоновичу послано было приглашеніе послѣ выѣзда его за границу въ 4-хъ мѣсячный отпускъ, что потомъ приглашеніе не повторялось и что въ коммисіи онъ такъ и не былъ, а что сдѣлано коммисіею, о томъ молчатъ кіевскія газеты, молчитъ и кіевская дума, у кіевскихъ же Золотыхъ Воротъ все обстоитъ по прежнему...

Кіевскія Золотыя Ворота представляются намъ такимъ важнымъ памятникомъ кіевскихъ древностей, что всякое новое о нихъ свѣдѣніе будетъ не лишнимъ, и мы поэтому рѣшились подѣлиться съ читателями «Кіевской Старины» тѣми свѣдѣніями о Золотыхъ Воротахъ, какія найдены нами здѣсь въ Москвѣ. Эти не многія свѣдѣнія во всякомъ случаѣ дополнятъ скудную исторію Воротъ. Припомнимъ однако судьбу Золотыхъ Воротъ, прежде чѣмъ перейдемъ къ отысканному нами свѣдѣнію о нихъ.

Въ правленіе великаго князя кіевскаго Ярослава Мудраго, «Верхній Кіевъ», или Старый Городъ былъ обнесенъ землянымъ валомъ, а въ валу устроены имъ большія каменныя въѣздныя ворота, впослѣдствіи названныя Золотыми. О построеніи этихъ воротъ въ начальной лѣтописи читаемъ слѣд.: «въ лѣто 6545 (1037) заложи Ярославъ городъ великій Кыевъ (т. е. ограждеціе, укрѣпленіе вокругъ верхняго Кіева), у него-же града суть Златыя Врата... посемъ церковь на Золотыхъ Воротѣхъ святое Богородицѣ Благовѣщенье». (Лаврен. сп., стр. 65). Существовало мнѣніе, будто ворота эти воздвигнуты Ярославомъ въ подражаніе устроеннымъ въ Константинополѣ Ѳеодосіемъ Великимъ въ память побѣды его надъ Максимомъ; но такія ворота, какъ и самыя укрѣпленія, составляли необходимую принадлежность сколько нибудь значительныхъ городовъ того времени для защиты отъ нападеній дикихъ степныхъ народовъ, на Кіевъ же въ то время то и дѣло набѣгали половцы, печенѣги и проч. Передается, какъ преданіе, что врата кіевскія были обиты вызолоченными мѣдными листами, а церковь благовѣщенская имѣла золотой куполъ и что это было поводомъ къ названію ихъ золотыми. И ничего нѣтъ въ этомъ преданіи не натуральнаго. По другимъ источникамъ надъ вратами устроены были башенки или коморы, а снаружи на нихъ находилась икона Благовѣщенія Божіей Матери; образомъ этимъ свидѣтельствовался Вячеславъ въ 1151 г. предъ посломъ Юрія Долгорукаго. Извѣстна польская легенда, что король Болеславъ при нападеніи на Кіевъ въ ударилъ мечемъ по стѣнѣ Златыхъ Вратъ и оставилъ на нихъ знакъ, который видѣнъ былъ долго впослѣдстіи. Въ 1240 г. Золотыя Ворота при набѣгѣ татаръ были разрушены; болѣе 400 лѣтъ они представляли собою развалины съ остатками храма; только въ 1682 г. ихъ немного исправили, при этомъ около нихъ поставили тогда желѣзныя рѣшетки съ калитками и подъемнымъ мостомъ. Съ этого-же времени до половины XVIII ст. Золотыхъ Воротъ фундаментально не исправляли [1]). Максимовичъ, Берлинскій, Самойловъ [2]) и другіе предполагаютъ,

---

[1]) Описаніе Кіева. Соч. Н. Закревскаго, т. I, § 59, стр. 324, Москва, 1868 г.

[2]) Кн. Кіевлянинъ, 1840 г., стр. 46; Описаніе Кіева, стр. 80, 156; Описаніе Златыхъ Вратъ въ Кіевѣ, стр. 14.

будто эти ворота были засыпаны землею въ царствованіе Анны Іоанновны (1732—1737 гг.). Закревскій, опровергая это, говоритъ: «изъ отысканнаго донесенія кіевскаго генералъ-губернатора Леонтьева видно, что въ 1745 г. указомъ сената Златыя Врата для сохраненія и вида древности» были засыпаны землею какъ внутри, такъ и по сторонамъ, вмѣсто же этихъ воротъ были построены въ концѣ 1750 г. новыя» [1]). Свѣдѣнія эти болѣе обстоятельно подтверждаются «документами», хранящимися въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, извлеченіе изъ которыхъ мы и представимъ здѣсь. Вотъ какъ происходило дѣло.

Въ 1743 г. возникъ на мѣстѣ вопросъ о ремонтѣ Золотыхъ Воротъ. Донесенія мѣстныхъ властей объ этомъ мы не нашли, но есть «наказъ» сената чрезъ генералъ-кавалера, генералъ-губернатора Леонтьева, военной коллегіи и артиллерійской канцеляріи, которымъ требовалось въ тотъ же годъ, «въ самой крайней скорости, въ Верхнемъ Городѣ Кіевѣ валгангъ и выходъ, какъ потребно, починить и исправить, сдѣлавъ для твердости каменный фундаментъ, но подъ золотыми проѣзжими воротами церковныхъ стѣнъ, которыя изъ древнихъ болѣе пятисотъ лѣтъ состоятъ, не ломать». Спустя 7 лѣтъ Золотыя Ворота опять потребовали ремонта и назначенный военной коллегіей для осмотра этихъ воротъ инженеръ подполковникъ Д. Дебоскетъ представилъ 20 мая 1750 г. губернатору Леонтьеву описаніе этихъ остатковъ древняго величія. «Брусья и доски», пишетъ Дебоскетъ, «положенныя вмѣсто землянаго валганга весьма погнили и пришли во всеконечную негодность, по нимъ съ немаловажнымъ страхомъ пѣшіе люди ходятъ, а артиллерію перевозить никакъ невозможно, по сему вмѣсто сихъ воротъ, за ихъ худобою и ветхостью, надлежитъ построить новыя. Отъ бывшей же каменной церкви есть старыя и весьма ветхія стѣны и своды, отъ нихъ проѣзжающимъ и пѣшимъ людямъ тоже представляется немалая опасность и буде паче чаянія оные своды упадутъ, убьютъ всѣхъ, а чтобы людямъ вреда такого не учинить, всемѣрно нынѣшнимъ временемъ надлежитъ снести каменныя стѣны и своды, въ которыхъ имѣются въ разныхъ мѣстахъ раздѣлившіяся щели». Вотъ въ какомъ видѣ находились Золотыя Ворота къ 1750 году!

---

[1]) Н. Закревскій, стр. 325.

Представленное Дебоскетомъ описаніе ихъ дало новый поводъ къ перепискѣ между генералъ-губернаторомъ, военной коллегіей и артиллерійской канцеляріей «о починкѣ Златыхъ Вратъ безъ интереснаго убытка правительству и съ сохраненіемъ въ то же время вида древности въ старыхъ церковныхъ каменныхъ стѣнахъ и сводахъ». Въ концѣ концовъ военная коллегія рѣшается предоставить развязать этотъ узелъ Дебоскету и послѣдній 19 іюля подаетъ Леонтьеву «меморіалъ», въ которомъ снова описываетъ полуразрушенный видъ Золотыхъ Воротъ, но будучи далекъ отъ чувства уваженія къ русской старинѣ, не приходитъ къ убѣжденію въ необходимости поддержать этотъ ея памятникъ, а проводитъ мысль о постройкѣ новыхъ воротъ вблизи старыхъ. «Златыя Врата», пишетъ иностранецъ инженеръ, «состоятъ не въ надлежащемъ по инженернымъ регуламъ мѣстѣ, яко въ фазѣ, а не въ картинѣ, поэтому слѣдуетъ построить другія ворота въ лучшемъ мѣстѣ, каменныя, на что хотя нѣсколько противъ деревянныхъ воротъ кошту излишняго употребится, однако оныя несравненно противъ деревянныхъ прочнѣе будутъ. А прежнія Золотыя Ворота, въ починку негодныя и состоящія въ ненадлежащемъ мѣстѣ, для сохраненія вида древности, надлежитъ засыпать внутри ихъ сторонъ землею крѣпкою, при этомъ на нихъ старыя церковныя каменныя стѣны и своды по прежнему оставить и ежели понадобится, то поддѣлать ихъ снизу новымъ камнемъ. Ходъ по валгангу людямъ и для перевозки артиллеріи, дабы онымъ сводомъ излишней тягости и къ разрушенію опасности быть не могло, не дѣлать, но вмѣсто того сдѣлать по обѣимъ сторонамъ этихъ воротъ въѣзды. Построить же новыя ворота на старомъ мѣстѣ, не разобравъ церковныхъ сводовъ, никакъ невозможно».

Этотъ проэктъ Дебоскета, пройдя извѣстныя стадіи учрежденій, наконецъ отсылается 9 августа военной коллегіей сенату. Въ своемъ «доношеніи» коллегія проситъ сенатъ проэктъ Дебоскета, уже пропущенный канцеляріей главной артиллеріи и фортификаціи, утвердить скорѣе, «дабы возможно было, не упуская нынѣшняго благополучнаго времени, старыя ворота исправить, а новыя зачавъ построить». При этомъ коллегія прилагаетъ «планъ профили и фасада воротъ, каждая порознь со всѣми строеніями, для того, чтобы знать, въ какомъ состояніи Златыя Врата находятся, какія ворота деревянныя или каменныя построить». Къ проэкту приложена была также

и смѣта или разсчетъ того, «коликое число къ строенію вновь въ старо-кіевской крѣпости Золотыхъ Воротъ понадобится матеріаловъ и припасовъ по кіевскимъ цѣнамъ и во сколько ворота, «каждую порознь, коштовать можно».

По смѣтѣ на построеніе каменныхъ Золотыхъ Воротъ требовалось: кирпича на стѣны 125,975, на фундаментъ подъ стѣны 20,960, на фронтоны стѣны варужной и внутренней 5,500 и т. д., всего же кирпича требовалось 194,355, на сумму 310 р. 96 к. Далѣе въ смѣтѣ идетъ перечень потребнаго количества извести, желѣза и проч., а въ заключеніе говорится: «итого Золотыя каменныя Ворота со всѣмъ коштовать имѣютъ въ 1,366 р. 36 к.» Кромѣ этого разсчета на постройку каменныхъ воротъ приложенъ разсчетъ на постройку воротъ деревяныхъ, которыхъ стоимость вычислялась въ 276 р. 86 к.

2 октября сенатъ утверждаетъ проэктъ Дебоскета о постройкѣ новыхъ каменныхъ Золотыхъ Воротъ, отдѣльно отъ старыхъ, и посылаетъ военной коллегіи указъ о скорѣйшемъ исполненіи сего. 31 октября военная коллегія отвѣчаетъ сенату рапортомъ о полученіи сего указа [1])...

По приведеннымъ «выпискамъ» изъ документовъ московскаго архива, мы видимъ, что если за два мѣсяца до окончанія года былъ полученъ такой указъ, то дѣйствительно старыя Золотыя Ворота могли быть кой-какъ исправлены и засыпаны по бокамъ землею именно въ концѣ 1750 г., постройка же новыхъ воротъ, существовавшихъ до 1799 г., должна была быть закончена въ 1751 г.

Какъ извѣстно, отъ вновь выстроенныхъ воротъ не осталось и слѣдовъ, а старыя ворота въ 1833 г. открыты были многоученымъ кіевскимъ митрополитомъ Евгеніемъ, земля съ нихъ снята и вся мѣстность вокругъ ихъ въ теченіи многихъ лѣтъ не только спланирована, но и застроена такъ, что ворота оказались уже не на чертѣ города, но въ самомъ почти центрѣ города. Хотя осматривавшій ихъ въ свое время императоръ Николай I выразилъ, что «этотъ памятникъ достоинъ сохраненія», но и по позднѣйшимъ нашимъ свѣдѣніямъ этотъ одинъ изъ немногихъ остатковъ древняго величія Кіева не

---

[1]) Дѣла пр. сената по воен. коллегіи, артиллерійск. канцеляріи, 1747—1754 г., кн. 54—462, дѣло 16, л. 194. (М. А. М. Ю.).

достаточно предохраненъ отъ вліянія стихійнаго и судьба по всей видимости сулитъ ему недолгое уже существованіе.

Сапожниковъ.

ПО ПОВОДУ ЗАМѢТОКЪ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ ЮЖНО-РУССКИХЪ СТЕПЕЙ.

(Отвѣтъ г. Бурачкову).

Въ апрѣльской книжкѣ «Кіевской Старины» за текущій годъ помѣщена статья извѣстнаго спеціалиста по древнѣйшей географіи южной Россіи, г. Бурачкова, подъ заглавіемъ: «Замѣтки по исторической географіи южно-русскихъ степей». Перомъ почтеннаго автора руководила, какъ онъ самъ говоритъ, «надежда вызвать со стороны изслѣдователей древней географіи лучшее объясненіе извѣстій о ней, относящихся къ югу Россіи, запутанныхъ различными предположеніями, несогласными съ природою края».

Такъ какъ въ этой статьѣ г. Бурачковъ касается нѣкоторыхъ вопросовъ, затронутыхъ мною въ моемъ сочиненіи: «Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ», то я считаю себя обязаннымъ отвѣчать почтенному ученому, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя его мнѣнія, высказанныя притомъ довольно авторитетнымъ тономъ, могутъ сбить съ толку мало знакомыхъ съ историческими источниками, между тѣмъ они идутъ совершенно въ разрѣзъ съ исторической критикой.

Начну съ того, что почтенный ученый не ясно представляетъ себѣ, что̀ такое источникъ первой руки. Я очень благодаренъ г. Бурачкову за его указанія по вопросу о мѣстонахожденіи Олешья; точно также признаю свою ошибку по поводу Сары-Кермена, хотя эта ошибка замѣчена была мнѣ еще раньше на моемъ магистерскомъ диспутѣ Н. П. Дашкевичемъ. Но, указывая мнѣ эти ошибки, г. Бурачковъ обвиняетъ меня (и г. Барсова) въ томъ, что я придалъ особенное значеніе источникамъ первой руки и не обратилъ вниманія на сборники всякаго рода, «источники болѣе ясные» («Кіев. Ст.», 1885 г., апрѣль, стр. 682). Отсюда прямой выводъ, что сборники—не источники первой руки. Въ другомъ мѣстѣ г. Бурачковъ говоритъ: «мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе г. Голубовскаго,

что при разработкѣ вопросовъ историческихъ нельзя обойтись безъ обращенія къ источникамъ первой руки, но они тогда только заслуживаютъ это названіе, когда въ нихъ не встрѣчается очевидныхъ противорѣчій съ природою мѣстности, на которой совершались описываемыя событія» (стр. 679). Изъ этихъ словъ всякій сдѣлаетъ такой выводъ, что наша лѣтопись въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ея извѣстія *не противорѣчатъ* природѣ мѣстности, заслуживаетъ названія источника *первой руки*, а гдѣ *противорѣчатъ*, тамъ *второй руки;* статья-же г. Бурачкова, не противорѣчащая природѣ мѣстности, заслуживаетъ названіе источника *первой руки*. Очевидно, понятіе о томъ, что такое источникъ первой руки, у г. Бурачкова довольно шаткое. Намъ кажется, что источники первой руки суть всѣ *сырые* историческіе, географическіе и этнографическіе матеріалы. Сборники въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они заключаютъ сырые матеріалы, суть источники *первой руки*, а тамъ, гдѣ въ нихъ помѣщены домыслы, мнѣнія собирателей или ученыхъ, являются источниками *второй руки*, т. е. пособіями. Лѣтописныя извѣстія требуютъ критики, но *не на основаніи пособій, чужихъ мнѣній*, а на основаніи другихъ историческихъ матеріаловъ, такихъ-же *сырыхъ, какъ и сама лѣтопись*.

Самъ г. Бурачковъ строитъ свои возраженія точно также на основаніи источниковъ первой руки, хотя и думаетъ, что они второй руки; но, пользуясь этими источниками, онъ дѣлаетъ выводы, совершенно противорѣчащіе здравой исторической критикѣ.

Мы стѣснены временемъ и мѣстомъ, чтобы останавливаться на всѣхъ разсужденіяхъ уважаемаго г. Бурачкова, а потому возьмемъ только слѣдующія положенія его: 1) боевая сторона на правой сторонѣ, 2) рѣка Уголъ на правой-же сторонѣ Днѣпра, 3) половецкія кочевья и движенія русскихъ князей были на правой сторонѣ.

Никто не будетъ оспаривать, что половцы жили и на правой сторонѣ Днѣпра. Доказательства этому г. Бурачковъ могъ-бы найти и въ моей указанной выше работѣ, но отрицаніе мѣстонахожденія ихъ кочевьевъ *на лѣвой сторонѣ* показываетъ въ немъ незнаніе источниковъ. Вотъ извѣстіе лѣтописи подъ 1187 годомъ [1]): «тое-же зимы сдумавъ Святославъ со сватомъ своимъ съ Рюрикомъ, посласта

[1]) Просимъ обратить вниманіе, что мы ссылаемся на тѣ-же самыя мѣста, что и г. Бурачковъ, чтобы показать, какъ неправильно онъ ихъ толкуетъ.

черны клобукъ *на вежи за Днѣпръ и взяша вежа за Днѣпромъ* и возвратишася со славою и честію великою». Мѣсто это извѣстно и г. Бурачкову; но онъ не ясно представляетъ себѣ, гдѣ въ данный моментъ сидитъ извѣстный князь, а потому не можетъ опредѣлить, откуда происходитъ движеніе. Святославъ Всеволодовичъ въ указанномъ году былъ великимъ княземъ и сидѣлъ въ Кіевѣ, а стало быть и походъ былъ *по правой сторонѣ на лѣвую*. Изъ подчеркнутыхъ мѣстъ лѣтописнаго извѣстія для всякаго ясно (не знаемъ, какъ для г. Бурачкова), что вежи были *на лѣвой сторонѣ*. Подъ 1193 г. находимъ, что князья,—всѣ *правобережные*—, пошли на половцевъ «и доѣхаша *Днѣпра;* черные-же клобуци не восхотѣша *ехати за Днѣпръ, бяхуть бо сватове имъ сѣдяще за Днѣпромъ близъ*. . . .» Удивительно, какъ г. Бурачковъ не обратилъ вниманія на то, что черные клобуки—жители Поросья и поэтому отъ нихъ за Днѣпръ значитъ *на лѣвую сторону*. Будетъ-ли г. Бурачковъ и теперь отрицать, что кочевья были и *на лѣвой сторонѣ?* Уважаемый ученый забываетъ даже такіе факты, какъ походы Кончака на переяславское княжество, какъ пребываніе въ плѣну Игоря Святославича въ половецкихъ кочевьяхъ на Дону, факты, указывающіе на борьбу съ кочевниками *на лѣвой сторонѣ* Днѣпра и на существованіе кочевьевъ *къ востоку отъ Днѣпра*. Замѣтимъ также, что по всѣмъ лѣтописнымъ даннымъ, которыя или неизвѣстны г. Бурачкову, или,можетъ быть, игнорируются имъ, какъ несоотвѣтствующія природѣ мѣстности, главныя силы половцевъ кочевали *на лѣвой*, а *не на правой сторонѣ Днѣпра*. Пребываніе главныхъ кочевьевъ ихъ *на лѣвой сторонѣ* доказывается и столкновеніемъ ихъ съ татарами въ Приазовьи.

Наконецъ приведемъ почтенному ученому еще одно мѣсто изъ лѣтописи, которое, надѣемся, убѣдитъ его, гдѣ была *боевая* сторона. Разсказъ идетъ подъ 1183 г.: «того-же лѣта Богъ вложи въ сердце Святославу, князю *киевьскому*, и великому князю Рюрикови Ростиславичу поити на половцѣ, и посласта по окольныѣ князи». Къ нимъ собралось много князей. *Изъ Кіева* князья двинулись *по правой сторонѣ Днѣпра*. Я думаю, этого не будетъ отрицать и уважаемый г. Бурачковъ. Что-же дальше? «Идущю-же ему (Святославу) по Днѣпру (конечно, по берегу) и ста ту, идеже нарѣцаеться Инжирь бродъ, и ту *перебродися на ратьную сторону Днѣпра*».

Князья, шедшіе до сихъ поръ *по правой сторонѣ*, перешли теперь *на лѣвую, которая и названа ратной*, т. е. *боевой*.

Этимъ мы заканчиваемъ наши возраженія г. Бурачкову по вопросамъ о мѣстонахожденіи половецкихъ вежъ и о боевой сторонѣ. Чтобы не было недоразумѣній, повторяемъ: борьба происходила и на правой и *на лѣвой сторонѣ*, и *на послѣдней* болѣе ожесточенная, чѣмъ на первой; кочевья половецкія были и на правой и *на лѣвой сторонѣ*, но главныя силы половцевъ были *на лѣвой; ратная или боевая сторона была лѣвая.*

Г. Бурачковъ имѣетъ также неясныя представленія о томъ, какъ происходили съѣзды у Канева. Предлагаемъ ему отнестись, какъ подобаетъ ученому, къ извѣстію лѣтописи подъ 1193 г.

Перейдемъ теперь къ рѣкѣ Углу. Разсужденія г. Бурачкова на стр. 677—8, на сколько мы понимаемъ, сводятся къ тому, что 1) мѣсто Ерель и рѣка Уголъ не одно и то-же; 2) рѣка Уголъ находится на правой сторонѣ и тождественна съ р. Ингульцемъ; 3) событія 1152 и 1170 г. происходили на правой сторонѣ Днѣпра. Ссылка на Витсена ничего не доказываетъ, потому во первыхъ, что это источникъ, требующій самъ провѣрки, а во вторыхъ потому, что названіе мѣстности отъ Днѣпра до Дона не противорѣчитъ нисколько лѣтописнымъ даннымъ, которыя не даютъ возможности отождествлять р. Уголъ съ Ингульцемъ.

Прочтемъ извѣстіе лѣтописи подъ 1152 г. «И яко-же приде Изяславъ у Черниговъ, и ту приде ему вѣсть отъ сына отъ Мстислава, оже Богъ ему помоглъ половци побѣдити на Углѣ и на Самарѣ, и полонъ многъ взялъ, самыхъ прогна, вежѣ ихъ поима, конѣ ихъ и скоты ихъ зая и множество душь крестьяныхъ отполони и възворотишася *въ Переяславль*, хваляче Бога». Неужели г. Бурачковъ будетъ отрицать, что тутъ движеніе происходило на *лѣвой сторонѣ*, и станетъ настаивать *на правой?* Движеніе было изъ Переяслава, то есть, съ лѣвой стороны и о переправѣ на правую сторону указанія нѣтъ, слѣд. все и происходило на лѣвой сторонѣ. Р. Самара также находится на лѣвой сторонѣ. Но въ приведенномъ извѣстіи *Угла рѣка*, а *не уголъ*, потому что въ противномъ случаѣ лѣтопись сказала-бы: «на мѣстѣ нарѣцаемемь Уголъ». Говорить-же: «на *рѣцѣ* Углѣ» не было нужды, ибо рядомъ стоитъ р. Самара. Нужно, чтобы г. Бурачковъ привелъ болѣе вѣскія до-

казательства для опроверженія этого мѣста лѣтописи, а до тѣхъ поръ никто съ его разсужденіями не согласится. Приведенное извѣстіе ясно указываетъ, что Угла рѣка была вблизи отъ рѣки Самары. Что касается Снопорода, какъ стоитъ въ одномъ изъ списковъ лѣтописи вмѣсто Снепорода, то я укажу г. Бурачкову на географическій словарь Щекатова, у котораго прямо говорится, что Снопородъ (или Снопорядъ) есть рѣка Самара. Могу сообщить также г. Бурачкову, что составитель статьи въ мѣсяцесловѣ на 1782 г. говоритъ о Замоканѣ то-же самое, что и Щекатовъ въ своемъ словарѣ, въ статьѣ о р. Орели. Если давать вѣру показаніямъ писавшаго въ мѣсяцесловѣ, то съ большимъ правомъ мы должны вѣрить Щекатову, что Снопородъ есть Самара. Если все движеніе 1170 г. происходило по правой сторонѣ Днѣпра, то чрезъ чуръ далеко было преслѣдовать половцевъ до р. Оскола. Изъ лѣтописнаго разсказа вовсе не видно, что князья дошли до Снопорода чрезъ 9 дней. Г. Бурачковъ не понялъ. Сказано, что на 9-й день половцамъ дана была вѣсть отъ Гаврилки Иславича, вслѣдствіе которой они бѣжали, а князья быстро поѣхали за ними далѣе, *а сколько ѣхали, неизвѣстно*. Пусть г. Бурачковъ обратитъ вниманіе еще и на то обстоятельство, что князья, отправившись 2 марта, возвратились домой только въ самое Свѣтлое Воскресенье, слѣд. стычка съ половцами произошла не на разстояніи 9 дней пути, а гораздо дальше. Мы приводимъ въ нашемъ отвѣтѣ только выдающіяся мѣста изъ лѣтописи, но въ нашей работѣ есть очень много ссылокъ на лѣтопись, совершенно, повидимому, *несоотвѣтствующихъ природѣ мѣстности*, вслѣдствіе чего г. Бурачковъ и просмотрѣлъ ихъ. Мы ограничиваемся немногими извѣстіями и потому еще, что предполагаемъ, что и г. Барсовъ съ своей стороны будетъ отвѣчать почтенному древнему географу.

Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ по вопросу о лѣсахъ. Начнемъ съ того, что въ «Исторіи южно-русскихъ степей» я не ставилъ категорическаго положенія о томъ, что въ историческое время южныя степи были сплошь покрыты лѣсами, а выставлялъ это, какъ гипотезу для времени до-историческаго; утверждалъ-же я и утверждаю и теперь, что въ древнѣйшее время пространства, покрытыя лѣсомъ, на югѣ Россіи были обширнѣе. Почтенный авторъ «Замѣтокъ» не допускаетъ объясненія, что лѣса могли быть

истреблены самимъ осѣдлымъ славянскимъ населеніемъ, но зачѣмъ г. Бурачковъ игнорируетъ приведенное мною извѣстіе изъ *Notices et extraits des manuscrits*, характеризующее прекрасно движенія кочевыхъ массъ? Вмѣстѣ съ почтеннымъ г. Бурачковымъ мы съ уваженіемъ относимся къ «отцу исторіи» Геродоту, но историческая критика не дозволяетъ вѣрить, на основаніи только уваженія, всѣмъ показаніямъ писателя. Геродотъ далеко не подымался по теченію нашихъ южныхъ рѣкъ, и потому свѣдѣнія о Скиѳіи являются у него по слухамъ. Между тѣмъ у насъ имѣется *оффиціальное* донесеніе отъ 1681 г. посла Василія Тяпкина, своими глазами видѣвшаго «дубровы великія» по берегамъ Овечьихъ и Конскихъ водъ, Самары и Орели. Какъ ни велико наше уваженіе къ «отцу исторіи», но *оффиціальный документъ долженъ быть для насъ важнѣе*. Отчего г. Бурачковъ игнорируетъ также показанія Боплана? Донесеніе Тяпкина и «Описаніе Украйны» Боплана извѣстны почтенному географу, ибо на нихъ онъ дѣлаетъ ссылки, когда это ему удобно. Какъ примѣръ истребленія лѣсовъ, укажемъ на полтавскую губернію, которая въ не очень отдаленное время изобиловала лѣсной растительностью, какъ это видно изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Маркевичемъ въ статьѣ «Рѣки полтавской губерніи». Ссылки на нее авторъ «Замѣтокъ» найдетъ въ моей работѣ [1]).

Петръ Голубовскій.

ЗАТЕРЯВШАЯСЯ ПѢСНЯ О СОБЫТІЯХЪ 1696 Г.

Въ экземплярѣ Исторіи Малой Россіи Бантыша-Каменскаго, принадлежащемъ харьковскому университету, найдена четвертушка бумаги, на которой написана малороссійская пѣсня съ указаннымъ выше содержаніемъ. Пѣсня перечеркнута краснымъ черниломъ, очевидно цензорскимъ. Въ одномъ мѣстѣ на боку листка тѣмъ же черниломъ написано слово «вас», указывающее на то, что эта четвертушка бумаги составляла листки тетради, которая была скрѣплена по листамъ. Можно поэтому заключать, что упомянутая

---

[1]) Весьма интересно было-бы, чтобы почтенный географъ обратилъ вниманіе на статью покойнаго Аристова „О землѣ Половецкой“, въ Изв. нѣжин. института, 1877 года.

пѣсня входила въ составъ сборника малороссійскихъ пѣсень, который и разсматривался цензурой. Вѣроятно, это былъ сборникъ Метлинскаго. Пѣсня не пропущена цензурой, хотя въ ней нѣтъ ничего нецензурнаго. Приводимъ ее цѣликомъ:

Охъ и стояла да сосоночка да напротивъ сонечка,
А попереду да Вечирченко на ворономъ конику.
Охъ и лишень же да Вечирченко да й на отую траву зъизжае,
А позадъ ёго да панъ Петрыковській тугий лукъ натягае.
Якъ узяли да Вечирченка да пидъ пышныи боки,
Да якъ повели да Вечирченка да у нову свитлицю:
«Ой така ваша се свитлиця, якъ моя стадниця».
Посадили да Вечирченка на тисовой лави:
— Ой знимайте зъ Вечирченка да жупаны-луданы!—
Якъ посадили да Вечирченка на тисовимъ ослинци:
— Охъ изнимайте изъ Вечирченка да чоботы-червинци!
— Охъ либонь тоби да Вечирченко да сермяжище важка,
— Що учора бувъ дай у жупанахъ, а теперъ лишь сермяжка!—
Якъ повели да Вечирченка да за жовтыи писки:
Охъ и не взялася ёго жинка Вляна ни пити, ни ѣсты.
Якъ повели да Вечирченка да за густыи лозы:
Ой облили ёго жону Вляну да дрибненькіи слёзы.
Ой якъ стали да Вечирченку да муку задавати,
Ще зъ живого да Вечирченка да серденько выймати:
«Ой вы сотники, и полковники, и великіи паны!
Охъ и накажите вы, панове-братьци, моій жинци Уляси,
Що не буде вона ѣздити да у новий коляси!»

Въ концѣ пѣсни написано въ скобкахъ: «записалъ въ м. Воронежѣ, Глуховскаго уѣзда Черниговской губерніи, П. К.» Далѣе приписано: Кониській, стр. 192, Бантышъ-Каменскій, т. III, стр. 19.

Послѣдняя приписка показываетъ, что лице, записавшее пѣсню или составитель сборника относитъ пѣсню къ событію, описанному на указанныхъ страницахъ двухъ упомянутыхъ изданій. Въ Исторіи Руссовъ на приведенной выше страницѣ разсказывается о нападеніяхъ войсковаго канцеляриста Петрика съ татарами на Украйну и о походѣ трехъ малороссійскихъ корпусовъ противъ татаръ. При

чемъ о дѣйствіяхъ начальствовавшихъ надъ третьимъ корпусомъ полковниковъ Боруховича и Апостола сообщается слѣдующее. «Разбивъ татаръ около мѣстечка Соколки, загнали ихъ въ устье рѣки Ворсклы цѣлыя тысячи. Всѣ ихъ вьюки съ запасами и всѣхъ плѣнниковъ русскихъ отняли у нихъ, считая, однако, при томъ великою потерею погибшаго отъ татаръ охочекомоннаго старшину Якима Вечорку. Онъ, бывши прежде въ охочекомонномъ Паліевомъ полку, имѣлъ при себѣ небольшую партію свою изъ охотниковъ и самыхъ удальцовъ, жившихъ при немъ изъ добычи. Всегдашнее упражненіе сего Вечорки было служить при всѣхъ тѣхъ малороссійскихъ корпусахъ, которые были въ дѣйствіяхъ противъ непріятелей. Такимъ образомъ, приставъ онъ къ сему корпусу, дѣйствовалъ съ партіею своею на татаръ съ отличнымъ и удивительнымъ мужествомъ и храбростію и побужденіемъ, видно, поступленныхъ Мазепою талеровъ, всегда напускалъ въ средину татаръ и искалъ Петрика, посему-то схваченъ онъ такъ, что другія войска примѣтить того не могли, и умерщвленъ татарами тиранскимъ образомъ, что примѣчено на тѣлѣ его, изуродованномъ на многихъ мѣстахъ варварски. Но и Петрикъ тутъ-же погибъ отъ удара, видно, Вечоркина. Трупъ его найденъ между татарскими, пробитый насквозь копьемъ и повѣшенный на крюкъ при мѣстечкѣ Кишенькахъ, съ надписью: «бунтовщикъ и возмутитель народный».

Изъ сопоставленія пѣсни съ приведеннымъ мѣстомъ видно, что Вечирченко пѣсни есть Якимъ Вечорка Исторіи Русовъ, а панъ Петрекивскій пѣсни Петрикъ Исторіи Русовъ. Очень вѣроятно, что пѣсня про Вечирченка и пана Петрекивского на столько принадлежитъ народу, на сколько Исторія Русовъ Конисскому. О дѣйствительной принадлежности приведенной пѣсни народу могъ бы сообщить интересныя указанія П. А. Кулишъ, какъ уроженецъ м. Воронежа, не могшій въ свое время не записать этой пѣсни, если только она была извѣстна обывателямъ м. Воронежа.

П. Еф.

ОКОЛДОВАНІЕ НАЧАЛЬСТВА.

Тяжбы и всякаго рода судебные процессы вели въ старину люди гораздо чаще, чѣмъ теперь, и упражнявшіеся въ нихъ въ

трудныхъ для себя случаяхъ, прибѣгали къ помощи колдовства. Чарованіе или направлялось во вредъ противной сторонѣ, или же имѣло въ виду склонить въ свою пользу судей. Къ этому способу въ затруднительныхъ случаяхъ обращались не только простолюдины, но и лица высшихъ сословій. Такъ какъ тайна колдовства была извѣстна немногимъ, то чарованіе совершалось не самими заинтересованными лицами, а приглашенными спеціалистами по этой части. Въ доказательство того, что въ силу колдовства вѣрили и къ помощи его прибѣгали даже лица привиллегированныхъ состояній, можно привести извѣстіе, заключающееся въ запискахъ Я. Марковича по дѣлу переяславскаго полковника Василія Танскаго. Этотъ полковникъ долго содержался въ Москвѣ по разнаго рода обвиненіямъ; въ 1730 г. онъ былъ препровожденъ въ Малороссію съ указомъ кн. Шаховскому объ изслѣдованіи поданныхъ на него разными лицами челобитныхъ; въ концѣ слѣдующаго года его снова отправили въ Москву. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1734 г., когда онъ еще находился подъ карауломъ, въ генеральномъ судѣ возникло дѣло о чарованіи полковницей Танской во вредъ генералу де-Вейзбаху, а въ пользу за арестомъ сидѣвшаго Танскаго. Такъ какъ чарованіе было произведено черезъ бабъ, одну старую, другую молодую, шинкарку, то обѣихъ ихъ притянули къ отвѣтственности и даже подвергли пыткѣ (пекли) въ судѣ генеральномъ. Черезъ три мѣсяца Танскій за подозрѣніе и вины былъ наказанъ публично и сосланъ въ Сибирь (т. I, стр. 436).

У меня въ рукахъ находится производство черниговскаго полковаго суда 1733 г. о «спорномъ Стефана и Максима Люневскихъ съ писаркою Данилихою Струтинскою да Маріею Пикуличкою о чародѣйствѣ дѣлѣ» [1]. Въ этомъ дѣлѣ сообщается: козаки сел. Синявки, черниговскаго полка, Стефанъ и Максимъ Луневскіе въ 1727 г. заявляли черниговской полковой канцеляріи, что козачка Марія Пикуличка, призванная во дворъ писаря синявскаго Данила Струтинскаго къ женѣ его Варварѣ, согласилась на волшебство, дабы склонить полковой судъ въ пользу дѣла Струтинскаго. Для этого онѣ поймали жабу, зашили ей ротъ зеленымъ шелкомъ и произносили заклинаніе: *Не жабѣ мы ротъ зашиваемъ, но заши-*

---

[1]) Изъ архива Малорос. коллегіи, состоящаго при харьков. университетѣ.

ваемъ мы роты черниговскому полковнику, судьямъ и всей старшинѣ полковой, отъ большого до меньшого. А послѣ того писарка и Пикуличка на голо садились на жабу и приговаривали: *какъ сія жаба нѣма, чтобъ такъ нѣмы были черниговскій полковникъ и судіи, и вся старшина полковая, отъ большого до меньшого, и не могли ничего лихого на рабу божію Марію Пикуличку говорити.* При этомъ доносители Луневскіе ссылались на синявскую жительку Федору Бѣлую, которой поименованною выше писаркою и Пикуличкою также были вручены двѣ жабы съ тѣмъ, чтобы она одну отнесла къ козаку Каценку и въ избѣ выпустила изъ рукава, а другую впустила въ избу козака Кобеляна; кромѣ того упрашивали ее, чтобы она набрала воды съ трехъ пустыхъ колодцевъ и отнесла къ Пикуличкѣ, что ею и было сдѣлано. При первомъ допросѣ въ полковомъ судѣ Бѣлая все прописанное выше подтвердила; но затѣмъ, при вторичномъ допросѣ, отвергла свои показанія, объяснивъ, что она все говорила по подговору Степана Луневскаго.

Хотя приведенный выше фактъ колдовства и отвергнутъ подсудимой, но существованіе указаннаго способа чарованія и приведеннаго заклинанія, по нашему мнѣнію, не подлежатъ сомнѣнію. И вотъ тому доказательства. Прежде всего надобно сказать, что жаба, какъ существо, внушавшее отвращеніе, всегда признавалась народомъ годной къ колдовству; такъ напримѣръ, вѣрили, что можетъ произойти особенный вредъ, если она будетъ подложена подъ голову спящаго (см. статью о колдовствѣ В. Б. Антоновича въ «Трудахъ этногр. статист. экспедиціи» Чубинскаго, т. І-й, вып. 2, стр. 357). Жаба, какъ и гадюка, упоминаются въ заклинаніи, направленномъ противъ судей: «на кони їду, а гадюкою поганяю, усимъ моимъ непрыятелямъ роты затыкаю. Гадючій хвистъ, а жабьяче черево, якъ прыйду я мижъ паны, то щобъ стали вони, якъ сухе дерево» (Тоже издан., т. І-й, вып. І-й, стр. 95). Мотивъ стариннаго заклинанія, приведеннаго выше, чтобы судьи или начальство были нѣмы предъ произносящимъ заговоръ и ничего не смѣли говорить противъ него, повторяется въ другихъ великороссійскихъ и малорусскихъ заговорахъ. Напримѣръ въ заклинаніи, извлеченномъ нами въ архангельской губерніи изъ дѣла 1753 г., приводится мотивъ: «Дай Господи ему (судьѣ праведному N.) очи ангельскіе, сердце каменное, губы воловы, языкъ тетеревиной и чтобъ супро-

тивъ меня раба божія N не могъ ни зинуть, ни пикнуть, ни слова промолвить и не выговорить.... Како Петръ Апостолъ замыкаетъ и запираетъ свой рай пресвѣтлый, тако замкни, Господи, у начальнаго человѣка и судьи праведнаго уста сахарные и укроти у него, Господи, отъ ярости ретивое сердце; како изъ гроба не возставаетъ мертвый мертвецъ и покрытъ матушкой сырой землей, такъ не могъ бы возставать супротивъ меня, раба божія N, начальный человѣкъ и судья праведный N. (Матеріалы по этнографіи рус. населенія архангельской губ. собран. П. С. Ефименкомъ, изд. москов. общ. любителей естествозн., ч. 2-я, стр. 153). Тотъ же мотивъ можно встрѣтить, наприм., въ слѣдующемъ, до сихъ поръ извѣстномъ въ народѣ, заклинаніи: «Я до начальства иду по божому слиду, Господними стопами, нехай начальству стануть очи стовпами, щобъ на мене рота не роззявляли, очей не вытрищали, языка не пиднимали.... Якъ тихо та смирно лежать мертви въ гроби, щобъ такъ тихо та смирно до мене начальство говорило.... (Сборникъ малорос. заклинаній П. Ефименка, изд. въ Москвѣ 1874 г., стр. 60). Такимъ образомъ мотивъ народныхъ заклинаній, чтобы начальство было нѣмо передъ подсудимыми или тяжущимися, вещь весьма естественная со стороны тѣхъ, которые сами чувствуютъ свою безгласность и нѣмоту передъ нимъ.

П. Е.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

7.

Нѣсколько мелочей изъ жизни А. П. Стороженка.

Столь извѣстный своими малорусскими разсказами, Алексѣй Петровичъ Стороженко, съ молодыхъ лѣтъ любилъ книги и сочувствовалъ всякому литературному предпріятію. Когда сталъ издаваться пресловутый энциклопедическій лексиконъ Плюшара, онъ былъ въ числѣ подписчиковъ на это изданіе, состоя тогда еще въ чинѣ поручика, какъ видно изъ списка, приложеннаго къ IV т. лексикона (Спб. 1835 г.). Мнѣ передавали, что юный поручикъ прислалъ тогда уже въ редакцію Лексикона нѣсколько замѣтокъ, но онѣ затерялись гдѣ-то вслѣдствіе невѣроятнаго безпорядка, господствовавшаго въ редакціи.

Когда Алексѣй Петровичъ въ концѣ 50-хъ годовъ переѣхалъ въ Петербургъ, будучи назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при тогдашнемъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ Д. Г. Бибиковѣ, онъ очень любилъ, чтобы его навѣщали земляки. Жилъ онъ, кажется, на Кабинетской ул. въ д. Лобова, по крайней мѣрѣ такъ было въ 1861—2 гг. Близко узнавши кого-либо, Алексѣй Петровичъ искренно привязывался къ этому лицу и въ свою очередь увлекалъ его. Одинъ изъ его знакомыхъ по Петербургу какъ-то писалъ мнѣ: «дивный образъ этого святаго человѣка я сохраню въ своемъ сердцѣ до конца дней моихъ; каждую весну въ день его ангела я невольно произношу: «и ты былъ Алексѣй теплый»,» (17-е марта). Со своими пріятелями А. П. любилъ говорить о дорогомъ его сердцу отечествѣ. Послѣ 19-го февраля 1861 г. онъ часто «грустилъ, грустилъ до слёзъ, что заря занялась на горизонтѣ отечества, а онъ на склонѣ жизни и не увидитъ, какъ пышно разцвѣтетъ столь долго жданная весна; онъ вѣрилъ въ прекрасное будущее и восклицалъ: «зачѣмъ я наканунѣ живу!» Хорошій былъ онъ человѣкъ—хорошо и ошибался».

Въ 60-хъ годахъ Алексѣю Петровичу приходилось учавствовать въ слѣдствіяхъ по политическимъ дѣламъ; въ этихъ случаяхъ онъ спасъ немало невинныхъ. Прежде чѣмъ приступать къ формальному слѣдствію, онъ призывалъ къ себѣ обвиняемыхъ и въ оживленной бесѣдѣ за обѣденнымъ или чайнымъ столомъ старался поближе съ ними ознакомиться, узнать ихъ убѣжденія, взгляды по различнымъ вопросамъ; затѣмъ онъ раздѣлялъ своихъ новыхъ знакомыхъ на категоріи, разубѣждалъ увлекавшихся, но не убѣжденныхъ вполнѣ въ цѣлесообразности своихъ стремленій, и только стоявшихъ крѣпко на своемъ подвергалъ формальному допросу.

Алексѣй Петровичъ помимо своего литературнаго таланта имѣлъ самыя разнообразныя способности. Какъ извѣстно, онъ хорошо игралъ на віолончели, на гитарѣ и, кажется, на скрипкѣ, рисовалъ, за скульптурныя работы получилъ отъ академіи художествъ медаль и затѣмъ былъ удостоенъ званія художника; кромѣ того, въ молодые годы своей жизни онъ обучался фехтованію и достигъ въ немъ высшей степени совершенства. Это ему очень пригодилось

впослѣдствіи, въ бытность его съ 1863 года чиновникомъ особыхъ порученій отъ министерства при столь извѣстномъ генералъ-губернаторѣ сѣверо-западнаго края графѣ М. Н Муравьевѣ. Послѣдній былъ очень расположенъ къ Алексѣю Петровичу и постоянно удерживалъ его при себѣ. Во время пріема просителей они обыкновенно выходили вдвоемъ и такъ какъ можно было опасаться покушенія на жизнь Муравьева, то Алексѣй Петровичъ всегда бралъ съ собою палку съ незамѣтно вложенной въ нее шпагой. Мнѣ не приходилось слышать, пригодилась-ли когда эта предосторожность.

Живя въ Брестѣ, Алексѣй Петровичъ посвящалъ много времени музыкѣ. Часто устраивались тогда въ разныхъ домахъ музыкальныя вечеринки, въ которыхъ Алексѣй Петровичъ принималъ всегда самое живое участіе. Найболѣе удачныя бывали въ домѣ артиллерійскаго генерала барона Клейста; жена послѣдняго превосходно играла на фортепіанѣ, а Алексѣй Петровичъ аккомпанировалъ ей на віолончели. Иногда музыка прекращалась и уступала мѣсто литературѣ; тогда Алексѣй Петровичъ вынималъ рукопись изъ кармана и самъ читалъ въ слухъ какое-нибудь, приготовляемое къ печати, свое сочиненіе. Такія-же чтенія устраивались иногда въ мѣстномъ клубѣ. Нѣкоторыя лица, слышавшія отрывки «Марка проклятого» въ чтеніи Алексѣя Петровича, до сихъ поръ съ удовольствіемъ вспоминаютъ объ этомъ.

Алексѣй Петровичъ разсказывалъ иногда устно еще лучше, чѣмъ когда читалъ по рукописи. Вообще складъ ума его, по разсказамъ знавшихъ его, отличался большимъ юморомъ. Онъ видѣлъ предметы ясно и его смѣхъ былъ выраженіемъ анализирующаго ума. Ему присуща была способность подмѣчать мельчайшія черты въ людяхъ, съ которыми онъ видѣлся въ первые, и воспроизводить особенности ихъ говора, манеры, движеній. Въ 1867 году ему пришлось быть въ Варшавѣ. Въ то время проѣзжали чрезъ Варшаву въ Москву на этнографическую выставку представители славянскихъ народностей. Ихъ чествовали публичнымъ обѣдомъ въ русскомъ клубѣ. Алексѣй Петровичъ участвовалъ въ этомъ обѣдѣ и потомъ очень комически представлялъ авторовъ брошюрокъ, которыми рекомендовали себя славянскіе народники русскимъ людямъ, привыкнувъ дома дивить ими свой муравейникъ.

Въ качествѣ предводителя дворянства Алексѣй Петровичъ былъ членомъ брестскаго православнаго братства, имѣющаго цѣлью заботиться о поддержаніи православныхъ храмовъ въ краѣ и о созиданіи новыхъ, объ улучшеніи быта православнаго духовенства и объ удовлетвореніи насущныхъ потребностей православнаго населенія. Онъ всегда принималъ самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ братства, былъ доступенъ всякому просителю и по возможности удовлетворялъ просьбѣ каждаго.

Послѣдніе годы своей жизни Алексѣй Петровичъ тяготился своей службой и мечталъ о покоѣ, соединенномъ съ литературной и художественной дѣятельностью; но этому не суждено было, какъ извѣстно, осуществиться: онъ все откладывалъ выходъ въ отставку, пока не застигъ его внезапный конецъ.

Алексѣй Петровичъ вообще былъ самаго высокаго мнѣнія о служебной дѣятельности. Онъ смотрѣлъ на дѣло такъ, что военная и гражданская служба требуютъ еще большей разносторонности въ умственномъ ратвитіи, нежели каѳедра и пресса. Тамъ организованныя въ мышленіе знанія, гражданское мужество, смѣлость, находчивость и быстрая сообразительность провѣряются въ моменгъ своего проявленія. Въ рукахъ умнаго, искуснаго администратора подобный человѣкъ былъ драгоцѣнной находкой.

Н. В.

СЕМЕЙНАЯ ДРАМА ВЪ УМАНСКОМЪ ВОЕННОМЪ ПОСЕЛЕНІИ.

Изъ всѣхъ измышленій чуждаго жизни теоретизма ни одно не оставило по себѣ такого печальнаго и рѣзкаго по своей наглядности слѣда, какъ пресловутыя военныя поселенія. Явленіемъ съ ними родственнымъ можно признать развѣ только колоніи коммунистовъ, что основались было въ Америкѣ по системѣ Фурье и другихъ и рухнули подъ тяжестью взаимнаго деспотизма и невыносимой регламентаціи. Для полноты сходства этимъ колоніямъ недоставало только аракчеевскихъ шпицрутеновъ, въ качествѣ корректива.

Нѣсколько свѣдѣній о судьбѣ и порядкахъ южно русскихъ военныхъ поселеній обнародовано было въ послѣднее время. Только въ эпоху крестьянской реформы перемѣнился строй жизни военныхъ поселянъ, но о быломъ, казарменномъ ея идеалѣ, въ мѣстахъ этихъ поселеній, до сихъ поръ напоминаютъ путнику унылыя села, съ прямыми, безжизненными улицами и выстроенные въ струнку дома поселенцевъ. Тутъ вся жизнь проходила по наряду и приказу, опредѣлявшимъ чуть не каждый шагъ земледѣльцевъ-воиновъ. Изображенный перомъ военнаго писаря «нарядъ» вызывалъ ихъ на косовицу и самая болѣзнь и смерть могла послѣдовать чуть ли только не съ разрѣшенія начальства. Такія военныя села существовали и въ кіевской губерніи, въ вольнолюбивой Уманьщинѣ.

Опыты обобщенія жизни и подведенія его подъ одинъ масштабъ производились надъ населеніемъ, столь далекимъ отъ аракчеевскихъ идеаловъ, по своимъ духовнымъ свойствамъ и основнымъ чертамъ характера—индивидуализму и безграничной любви къ личной независимости. Мы имѣемъ мало данныхъ о бытовой сторонѣ жизни злополучныхъ военныхъ селъ Уманьщины; но можно представить тотъ адъ, который она изображала изъ себя во всѣхъ своихъ мелочныхъ подробностяхъ, вызываемыхъ ревностнымъ примѣненіемъ аракчеевскаго регламента и суровостью мѣстныхъ правителей съ генераломъ Траскинымъ во главѣ.

Вотъ въ этомъ-то злосчастномъ уголкѣ въ 1850 году возникаетъ дѣло, которое было бы великимъ скандаломъ для второй половины XIX в., если бы еще большимъ не было существованіе въ ту же пору военнаго поселенія. Обвиняются двѣ «военныя поселянки», одна въ отравленіи мужа чародѣйскимъ способомъ, другая въ пособничествѣ ей и въ колдовствѣ. Съ точки зрѣнія аракчеевской теоріи—дѣло невозможное! Но жизнь не справляется съ регламентами. Узелъ дѣла въ кругѣ жизни семейной, а семья, съ ея иногда разнороднымъ составомъ, складывается нѣсколько труднѣе, чѣмъ козлы изъ ружей. Дѣло, съ которымъ мы хотимъ ознакомить читателей, стоитъ по видимому далеко отъ порядковъ военныхъ поселеній, но едва-ли не въ немъ его корень и основа. Вотъ что случилось тогда во 2-й волости 2-го округа военнаго поселенія.

18-го августа 1850 года военный поселянинъ села Папужинецъ, уманскаго уѣзда, Авраамъ Синченко, нежданно повѣсился

въ своей коморѣ. Родители его, узнавши объ этомъ, вынули его изъ петли и привели къ жизни. Узнало начальство, началось дознаніе; оказалось, что у Синченка молодая жена, что предъ тѣмъ онъ ее билъ, а она подсыпала ему чего-то въ борщъ, подмѣсь же эту получила отъ крестьянки того же села Агафіи Адамчукой. Дѣло передано въ уманскій уѣздный судъ, Синченкова и Адамчукова заключены въ уманскую тюрьму. Началось формальное слѣдствіе. На допросѣ Авраамъ Синченко показалъ, что онъ живетъ съ своею женою Матреною другой годъ и въ продолженіи этого времени билъ ее два раза, по приказанію отца ея, за прелюбодѣяніе съ неизвѣстнымъ солдатомъ, съ какого же поводу и какимъ образомъ онъ повѣсился,—ничего не помнитъ. Жена Синченка, Матрена, показала, что хотя она пила въ шинкѣ водку съ неизвѣстнымъ ей солдатомъ и стояла съ нимъ, но прелюбодѣянія не имѣла. Когда она жаловалась на мужа своего Авраама, за побои ей причиненные, поселянкѣ Агафіи Адамчуковой (она же и Козачка), то та дала ей зелья нѣмицы десять зеренъ и велѣла, сваривши ихъ, кинуть въ борщъ и дать съѣсть мужу. Боясь, чтобъ мужъ отъ этого не умеръ, Синченкова сперва совѣта не исполнила, а когда Адамчукова увѣрила ее, что мужъ не умретъ, а только не будетъ болѣе бить ее и ругать, то, сваривши въ борщѣ тѣ сѣмена, она дала ему съѣсть. Послѣ этого Авраамъ былъ здоровъ, отъ чего же онъ повѣсился черезъ три дня, отъ тѣхъ ли сѣмянъ, или отъ чего другого, она не знаетъ. Адамчукова, въ показаніи своемъ, какъ и слѣдовало ожидать, увертывается и старается уменьшить свою вину. По ея словамъ, на просьбу Синченковой сдѣлать такъ, чтобъ мужъ ея не билъ и не ругалъ ее, она дала ей десять зеренъ нѣмицы, велѣла сварить въ водѣ и тою водою *обливаться*. Давая зерна, она тихо приговаривала слѣдующія слова «Помогай Богъ тоби, нимиця нимая: якъ ты нимиця нимая, щобъ такъ тоби онимили губы на губы, языки на языки и злыи мысли и погани думки!» Класть сваренныя зерна въ борщъ она не приказывала и отъ чего повѣсился Синченко, не знаетъ. Въ этихъ показаніяхъ она устояла и на очныхъ ставкахъ съ Синченковой. Уманскій городовой врачъ далъ отзывъ о вредоносномъ свойствѣ нѣмицы, пріемъ которой въ большомъ количествѣ можетъ повести къ смерти; но прибавилъ, что десять зеренъ, брошенныхъ Синченковой въ борщъ,

не могли имѣть дурныхъ послѣдствій для Синченка и его покушеніе на самоубійство не имѣло съ этимъ связи. На «повальномъ обыскѣ», говоритъ далѣе дѣло, Синченкова и Адамчукова, обѣ неграмотныя, замужнія и православныя, въ поведеніи не опорочены. Въ такомъ видѣ дѣло передано въ кіевскій совѣстный судъ, который, принимая въ соображеніе «простоту и легкомысліе» подсудимыхъ, отъ строгаго наказанія освободилъ, но приговорилъ ихъ къ аресту при полиціи на семь дней и къ отдачѣ подъ надзоръ обществу. Оставался не разрѣшеннымъ вопросъ о прелюбодѣйной жизни Синченковой, на которую намекало ея стояніе съ солдатомъ; но этотъ вопросъ, по его спеціальности, совѣстный судъ передалъ на разрѣшеніе кіевской духовной консисторіи, куда поступило и все дѣло. Разумѣется, что въ сумму положеннаго наказанія совѣстный судъ не внесъ предварительнаго ареста и содержанія въ тюрьмѣ, продолжавшагося для Синченковой около полутора года. Но этимъ старый судъ менѣе всего отличается отъ новаго.

Новый судъ, конечно, занялся-бы въ такомъ дѣлѣ раскрытіемъ мотивовъ преступленія, прокуроръ и адвокатъ залѣзли-бы въ душу подсудимыхъ, вывернули-бы всю жизнь и обстановку ихъ, и добились-бы, можетъ быть, того, какая связь между проступкомъ жены и покушеніемъ на самоубійство мужа, кто изъ нихъ правъ въ семейной невзгодѣ и кто виноватъ. Ничего этого не было въ старыхъ судахъ и въ данномъ случаѣ мы можемъ только догадываться о всемъ этомъ по сравненію его съ однородными фактами народной жизни, по нѣкоторымъ особенностямъ крестьянскаго быта въ военныхъ поселеніяхъ и по нѣкоторымъ намекамъ, относительно подсудимыхъ, разбросаннымъ въ дѣлѣ. Намъ неизвѣстны случаи отношенія военно-окружныхъ властей къ устройству семейнаго быта военныхъ поселянъ; но свѣжее преданіе гласитъ, что ихъ вліяніе доходило и сюда и что мѣстные командиры пользовались въ семъ отношеніи общимъ тогда всѣмъ помѣщикамъ правомъ разрѣшенія и не разрѣшенія браковъ. При такомъ порядкѣ, при общей страшной тягости вседневной жизни военныхъ поселянъ, въ с. Папужинцахъ дочь одного изъ нихъ, шестнадцатилѣтняя дѣвушка (когда возникло дѣло, Синченковой было 17 лѣтъ, а до того она болѣе года была замужемъ), выходитъ замужъ за человѣка неизвѣстныхъ намъ лѣтъ и качествъ, но повидимому совсѣмъ ей не милаго. Былъ-

ли тутъ разсчетъ родителей, или вмѣшательство многопопечительной власти, остается неизвѣстнымъ. Вышедшая замужъ за нелюба сначала тоскуетъ, а потомъ выпалъ случай какъ-то иначе прорваться ея чувству. Въ праздникъ, въ корчмѣ, подвернулся ей пригожій солдатъ. Онъ угощалъ ее, она постояла съ нимъ; но это стоянье не скрылось отъ глазъ родныхъ. Что было потомъ, неизвѣстно, но только самъ отецъ Синченковой почему-то посовѣтовалъ зятю «ускромить» жену. И мужъ «ускромилъ» ее обычнымъ въ крестьянскомъ быту способомъ, т. е. просто побилъ. Чтобъ избавиться отъ этого въ будущемъ, Синченкова идетъ къ знахаркѣ, а та даетъ ей средство завѣдомо опасное, но въ указанномъ пріемѣ и видѣ могущее дѣйствовать, какъ и всѣ эти «привороты» и «отвороты», практикуемые народомъ въ невзгодахъ любви и супружества, т. е. ни въ ту, ни въ другую сторону. Тутъ, по народному повѣрью, главная сила въ кабалистическихъ словахъ, нашептываемыхъ знахаркою, и вѣрѣ, что желаемое будетъ достигнуто. Молодая Синченкова съ полною вѣрою, хотя не безъ нѣкоторыхъ опасеній, приводитъ совѣтъ знахарки въ исполненіе. И что же? Чрезъ три дня мужъ въ петлѣ. Ни болѣзни, ни страданій, никакихъ признаковъ отравленія, но онъ лѣзетъ въ петлю. Подавлена-ли мысль его измѣною жены, или общею тяготою жизни, отуманена-ли голова его семейными и сельскими толками по поводу подозрѣваемой или дѣйствительной связи жены съ солдатомъ, или забита тѣмъ завѣдомымъ дурманомъ, который преподнесла ему жена въ отварѣ зеренъ нѣмицы, судить объ этомъ трудно. Болѣе вѣроятно, что покушеніе Синченка на самоубійство явилось, какъ воздѣйствіе всѣхъ этихъ причинъ на его слабую душу. Такой пассивный характеръ мужа достаточно извѣстенъ по народной поэзіи. Синченко бьетъ жену по приказанію родныхъ, точь въ точь, какъ Шкандыбенко въ знаменитой народной балладѣ о Лемеривнѣ. Человѣкъ не злой, но впечатлительный и, можетъ быть, любящій, Синченко, предпочитаетъ покончить съ собой, такъ какъ не видитъ впереди сладу и добра. Его освобождаютъ отъ петли и возвращаютъ къ надоѣвшей жизни. Устраивайся, какъ знаешь!

Но въ качествѣ «военнаго поселенца» онъ долженъ за такую продерзость явиться еще предъ судъ своего начальства. Къ счастью Синченка, этотъ всегда строгій судъ оказался для него милости-

вымъ и не поставилъ ему вовсе въ вину намѣренія его лишить себя жизни. А жена Синченка и ея совѣтница, судившіеся въ совѣстномъ судѣ, не воспользовались даже выведенною тѣмъ-же судомъ на справку статьею закона, по которой «инородцы сибирскіе и другіе, когда они въ семъ только слѣдуютъ суевѣрнымъ правиламъ своего закона и соединенные съ тѣмъ обряды исполняютъ для своихъ единовѣрцевъ, не подвергаются наказаніямъ по закону». Не были-ли однако Синченкова и Адамчукова въ положеніи именно суевѣрныхъ инородцевъ?..

В. Лелетъ.

Константинъ Францовичъ Ухачъ-Охоровичъ.

(Изъ письма въ редакцію).

Только что получилъ я извѣстіе о смерти бывшаго секретаря и сотрудника издаваемаго вами журнала Константина Францовича Ухачъ-Охоровича. Предполагая, что вы пожелаете почтить память покойнаго въ журналѣ, въ которомъ онъ принималъ, хотя и весьма не долго, близкое участіе, я считаю себя обязаннымъ сообщить вамъ нѣкоторыя свѣдѣнія о покойномъ, которыми, быть можетъ, вы пожелаете воспользоваться въ качествѣ некролога.

К. Ф. Ухачъ-Охоровичъ родился въ подольской губерніи, происходилъ изъ довольно-зажиточной украинско-польской шляхты и первоначальное воспитаніе получилъ въ духѣ шляхетскомъ. Но уже съ молодыхъ лѣтъ стремился къ сближенію съ народомъ, результатомъ чего было впослѣдствіи основательное знаніе малорусскаго языка и исторіи, а затѣмъ участіе въ работахъ по мѣстной исторіи и литературѣ въ духѣ, совершенно противномъ той средѣ, которая окружала его въ семьѣ. По окончаніи курса гимназіи, покойный поступилъ въ Петровско-Разумовскую земледѣльческую академію, но, по семейнымъ обстоятельствамъ, долженъ былъ оставить академію на 3-мъ курсѣ. Въ 1880 г. онъ пріѣхалъ въ Кіевъ и занялся подготовкою къ тѣмъ работамъ, которымъ потомъ посвятилъ себя. Почти съ самаго начала изданія «Кіевской Старины» онъ былъ секретаремъ редакціи и вмѣстѣ съ тѣмъ сотрудникомъ. Такъ мнѣ

извѣстны статьи его: «Коденскій судъ надъ гайдамаками» и «Остапъ Вересай», помѣщенныя въ «Кіевской Старинѣ» за 1882 г. Дѣятельное участіе принималъ онъ также въ мѣстной кіевской газетѣ «Трудъ», помѣщая въ ней очень часто фельетоны и мелкія замѣтки. Сотрудничалъ и въ другихъ изданіяхъ. Такъ мнѣ извѣстны его статьи въ галицкой газетѣ «Дѣло» за 1883 г., ч. 77 «Де-що про могилу Т. Шевченка», гдѣ довольно подробно передана исторія могилы, а также въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1885 г., кн. 5, «Могила Т. Шевченка« изъ записокъ художника, съ рисункомъ его же Охоровича. Затѣмъ, по выходѣ изъ редакціи Кіевской Старины, У.-Охоровичъ былъ около года управляющимъ малорусской драматической труппы М. Старицкаго, причемъ въ нѣкоторыхъ пьесахъ декораціи и костюмы стявились по рисункамъ, изготовляемымъ Охоровичемъ. Послѣдніе два года Охоровичъ работалъ въ качествѣ земскаго статистика и вмѣстѣ съ другими описалъ сумскій и богодуховскій уѣзды харьковской губерніи и александрійскій уѣздъ херсонской губерніи. Изъ Александріи Охоровичъ выѣхалъ 30 марта сего года въ г. Тирасполь, также для работъ по земской статистикѣ, и по дорогѣ заѣхалъ къ брату своему; но здѣсь, въ тотъ же день своего пріѣзда, именно 31 марта, внезапно скончался. Покойный страдалъ аневризмомъ и эта болѣзнь, вѣроятно, и свела его въ раннюю могилу. По части малорусской поэзіи Ухачъ-Охоровичъ извѣстенъ пока 7-мю стихотвореніями, помѣщенными въ одесскомъ сборникѣ «Ныва» на 1885 годъ; но мнѣ извѣстно, что онъ писалъ много. Читалъ онъ ммѣ также оконченную имъ повѣсть «Казало лихо: добра не буде», которая осталась пока не напечатанною, такъ какъ покойный занятъ былъ передѣлкой этой повѣсти въ драму. Остается пожелать, чтобы товарищи покойнаго, земскіе статистики, съ которыми онъ жилъ всегда въ добромъ согласіи, сберегли литературные попытки покойнаго, въ которыхъ навѣрное найдется нѣсколькой произведеній, достойныхъ вниманія общества. Изданіемъ этихъ произведеній друзья покойнаго справедливо почтутъ память талантливаго труженика, такъ рано сошедшаго въ могилу.

М. Комаровъ.

Константинъ Даниловичъ Думитрашко.

(Некрологъ).

25 апрѣля скончался въ Кіевѣ, 72-хъ лѣтъ отъ роду, Костантинъ Даниловичъ Думитрашко, прослужившій 47 лѣтъ при мѣстныхъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ. и оставившій по себѣ нѣкоторые слѣды въ мѣстной украинской литературѣ. Это даетъ намъ поводъ и основаніе посвятить нѣсколько словъ свѣжей его памяти.

Покойный Константинъ Даниловичъ принадлежитъ по рожденію лѣвобережной Украйнѣ и хотя былъ сынъ священника (золотоношскаго уѣзда полтавской губерніи), но родъ его старинный козачій. Мы не имѣемъ подъ рукою данныхъ, чтобы установить связь этого рода съ извѣстнымъ родомъ Думитрашковъ-Раичей, но связь эта очевидна и ее признавалъ покойный Константинъ Даниловичъ. Воспитывался онъ сперва въ переяславскомъ духовномъ училищѣ и семинаріи, а затѣмъ въ кіевской духовной академіи, въ которой окончилъ курсъ въ 1839 г. со степенью магистра, въ числѣ первыхъ воспитанниковъ. Товарищами его были покойные уже архіепископъ казанскій Антоній Амфитеатровъ и извѣстный В. И. Аскоченскій. Первые 25 лѣтъ службы К. Д. Думитрашко провелъ въ должности профессора кіевской духовной семинаріи по предмету словесности, остальные 22 въ должности сперва секретаря, а потомъ библіотекаря кіевской академіи.

Семейныя традиціи и обстановка, лѣта дѣтства и годы школьные дали ему возможность изучить бытъ народа, уразумѣть его духовную жизнь и овладѣть вполнѣ народнымъ языкомъ. Еще на школьной скамьѣ онъ записывалъ думы и пѣсни народныя и часть ихъ вошла въ сборникъ М. А. Максимовича. Весьма рано онъ пробовалъ также писать собственныя стихотворенія на малорусскомъ языкѣ и нѣкоторыя изъ нихъ, подъ псевдонимомъ Копытька, помѣщалъ въ 40-хъ годахъ въ харьковскихъ альманахахъ и петербургскомъ «Маякѣ». Въ 1859 году имъ издана отдѣльной брошюркой въ переложеніи на украинскую рѣчь поэма Гомера: «Война мышей съ лягушками». Переложеніе сдѣлано гекзаметромъ и, говорятъ, очень нравилось Шевченку. Кромѣ этого покойный Думитрашко въ разные годы своей службы написалъ еще нѣсколько самостоятельныхъ мало-

русскихъ стихотвореній и сдѣлалъ множество переложеній на малорусскую рѣчь какъ народныхъ преданій и разсказовъ, такъ и нѣмецкихъ легендъ и балладъ; но большая часть всѣхъ этихъ трудовъ его остались доселѣ неизданными. Писалъ онъ много, и едва-ли не больше, въ мѣстныхъ духовныхъ періодическихъ изданіяхъ, особенно въ «Руководствѣ для сельскихъ пастырей», въ редакціи котораго въ первые годы его изданія принималъ ближайшее участіе; но все это относится къ области духовно-нравственнаго чтенія.

Составитель «Очерковъ исторіи украинской литературы XIX ст.», г. Петровъ посвятилъ въ своемъ трудѣ умершему нынѣ К. Д. Думитрашку особую главу и хотя ставитъ его въ ряду писателей псевдоклассической украинской литературы, но замѣчаетъ, что своимъ стихотвореніемъ «Молитва Маргариты», переложеннымъ изъ Фауста Гете, Думитрашко «подаетъ руку романтическому направленію въ украинской литературѣ». Намъ кажется, что причислять покойнаго Думитрашка къ тому или другому разряду писателей нѣтъ достаточнаго основанія. Участіе и значеніе его въ украинской литературѣ, можно сказать, случайное. Константинъ Даниловичъ былъ человѣкъ не дюжинныхъ, притомъ разнообразныхъ дарованій, проявлялъ стремленія къ музыкѣ, живописи и поэзіи, но ни въ одномъ изъ этихъ родовъ дѣятельности не достигъ сколько нибудь значительнаго, самостоятельнаго развитія. Такъ сложились обстоятельства его многоболѣзненной жизни и многоскорбной безцвѣтной службы. Писалъ онъ въ разные годы, частію удовлетворяя своей внутренней потребности, частію располагаемый къ тому занятіями преподавателя словесности, и на его писаніяхъ отразились духъ времени, которому они принадлежатъ, и вкусы и направленіе тогдашней литературы. Замѣчаніе г. Петрова о томъ, что Думитрашко въ своихъ стихотвореніяхъ и переложеніяхъ находился подъ вліяніемъ то Гулака-Артемовскаго, то Котляревскаго вполнѣ вѣрно. Вычурность языка обоихъ, съ бо́льшимъ даже числомъ руссицизмовъ, присуща и ему. Для обозначенія попадающейся у него нерѣдко искуственности фразы довольно привести заглавіе его переложенія гомеровой поэмы: «Жабомышодраківка (βατραμυομαχια) зъ гречеського лиця на козацькій ладъ на живу нитку перештопана». Изъ приводимыхъ у г. Петрова собственныхъ словъ покойнаго видно, что онъ имѣлъ въ виду своими стихотвореніями пред-

ставить наглядное доказательство свойственности малорусскому стиху всѣхъ размѣровъ тоническаго стихосложенія, а не одного ямба, какимъ преимущественно писали Котляревскій и Гулакъ. И въ этомъ смыслѣ его опыты вполнѣ достигали своей цѣли, хотя и не составляли образцевъ поэзіи самостоятельной въ высшемъ смыслѣ этого слова. По мнѣнію нѣкоторыхъ, «Жабомышодраківка» есть лучшее произведеніе Константина Даниловича; по справедливому замѣчанію г. Петрова, въ ней нѣтъ, кромѣ того, той безцѣльной народіи на обычаи и бытъ малорусскаго народа, которая такъ претитъ въ «Энеидѣ» Котляревскаго; авторъ стоитъ на историко-политической почвѣ, воспроизводя былыя отношенія между малороссами, поляками и русскими и ихъ индивидуальныя черты. Послѣднее еще съ большею силою проглянуло въ его неизданномъ, но пользовавшемся въ свое время большою популярностію стихотвореніи: «Чуприна и Борода», въ которомъ съ добродушнѣйшимъ юморомъ воспроизведены бытовыя черты украинца-хлѣбороба и кабатчика-москаля. Послѣдній

Лито й зиму похожае
У сорочци рябеньки,
Въ матню іи не ховае,
Бо штаны куценьки.

И далѣе:

А якъ пиде танцювати,
Зовсимъ не до ладу,
Де-бъ ногами выбирати,
А винъ крутить задомъ.

Вообще въ стихотвореніяхъ покойнаго Думитрашка замѣчается огромная наблюдательность и большое знаніе народнаго быта и жизни. Стихъ его большею частію бойкій и живой, а въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ, какъ «Молитва Маргариты», «Поминки» и «Змій» видны проблески истиннаго поэтическаго вдохновенія. Можно пожалѣть о томъ, что обстоятельства тяжелой жизни и службы не дали покойному возможности развить несомнѣнно присущій ему поэтическій талантъ; тогда мы имѣли-бы въ немъ не дюжиннаго и весьма примѣтнаго поэта.

Въ свое время Константинъ Даниловичъ считался лучшимъ преподавателемъ словесности и въ его классъ обыкновенно опредѣляли обучавшихся въ кіевской семинаріи сербовъ и болгаръ. Въ числѣ первыхъ былъ и нынѣшній сербскій митрополитъ Михаилъ, доставившій ему впослѣдствіи орденъ Такова 2 ст.

Покойный много потрудился въ устройствѣ украшающей академическую залу коллекціи портретовъ, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ портретъ гетмана Сагайдачнаго, его собственной работы.

Наше слово о почившемъ приходится закончить тѣмъ-же, чѣмъ заканчиваются некрологи многихъ изъ пишущей братіи: онъ оставилъ жену и четверыхъ дѣтей безъ всякихъ средствъ къ жизни.

Ѳ. Лобода.

Поправка. Въ замѣткѣ, сопровождающей письмо объ архіепископѣ черниговскомъ Филаретѣ, помѣщенное въ предъидущей апрѣльской книжкѣ «Кіевской Старины», ошибочно сказано, что письмо это было адресовано писавшимъ оное могилевскому архіепископу Анатолію Мартиновскому. На самомъ дѣлѣ оно писано къ преемнику его по могилевской каѳедрѣ, архіепископу Евсевію и заимствовано изъ бумагъ послѣдняго.—*Ред.*

пересылки по почтѣ въ Кіль. Сего-жъ числа далъ Василю Гудовичу изъ общыхъ денегъ 15 р.

26. Рано были въ дворцѣ и тамъ обѣдни слушали, а по полдни призыванъ нарочно къ графу Розумовскому, чрезъ скорохода, Василь Гудовичъ.

27. Послѣ полудня началась свадба графа Кирила Григоріевича Розумовского съ графинею Екатериною Івановною Нарышкиною, которыхъ вѣнчано въ болшой дворцовой церквѣ въ 7-мъ часу по полдни.

28. Получили писма изъ Глухова о прибавки еще одного драгунского полку въ Малую Россію на вінтеръ-квартеру сверхъ прежныхъ 6-ти, указомъ определенныхъ. Оная свадба и балъ былъ во дворцѣ даже за полночъ съ продолженіемъ.

29. Рано были мы у графа Кирила Григоріевича Розумовского и поздравляли его совершеніемъ бракосочетанія. Потомъ были и у графа Алексія Григоріевича съ такимъ-же поздравленіемъ. Отцу духовнику Феодору Дубянскому вручилъ писма 1-е отъ Михаила Скоропадского, 2-е отъ прикажчика климковского Шоха о денгахъ ста рублей, которіе у отца духовника надлежитъ здесь для дѣтей отобрать. Обѣдали у Жоравки, а вечеромъ былъ у насъ Новоторжцовъ.

30. Рано былъ въ сенатѣ Гудовичъ и освѣдомилъся, что репартиція объ 7-ми полкахъ въ Малую Россію докладывана изъ военной коллегіи и отъ государыни аппробована мимо сенатъ. Вечеромъ были у насъ Игнатъ Кириловичъ Полтавцовъ и Петръ Петровичъ Верделевской.

31. Писано писмо отвѣтное къ бригадиру Вітковичу и отослано оное къ графу Мойсѣю Владиславичу для пересилки въ Псковъ, или где оный бригадиръ обрѣтается. Вечеромъ были въ квартерѣ нашей отецъ духовникъ Феодоръ Дубянскій съ своею сожителницею и требовалъ, чтобъ я писалъ до Скоропадского о дачѣ его прикажчику климковскому Шоху полтори тисячи рублей денегъ.

Ноеврій.

1. По оному отца духовника требованію писалъ я къ Скоропадскому о дачѣ Шоху полторя тысячи рублей, а въ томъ писмѣ дата написана 9-го числа сего мѣсяцы.

2. Братъ економа артилерійского Кирила Бѣлоровского, Іванъ, женился на дѣвицѣ служебной графа Румянцова, породою зъ баширъ. За оклейку ящика на дипломъ, за починку панчохъ и на прочее пошло 13 к.

3. Рано были у графа Розумовского зъ Гудовичемъ два насъ и подали челобитную и меморіалъ о прибавленномъ седмомъ полку драгунскомъ отъ военной коллегіи.

4. Были всѣ въ дворцѣ и обѣдали у Жоравки, а потомъ онъ у насъ съ женою и новоженившийся Бѣлоровскій съ своею женою были и подарили мене копелкомъ, золотомъ шитимъ. Челобитные моя и Янушкевичева докладиваны въ сенатѣ 5-го числа.

5. За книжку Харитона Манентина, которая куплена для госпожи Головиной, даны 30 к., за фунтъ яловцю 5 к. Помянутымъ новобрачнымъ за подарокъ ихъ данъ 1 р.

6. Рано Гудовичъ у И. І. Шувалова былъ съ меморіаломъ, въ вечеру камергера Сиверса братъ, купецъ аглинскій, погребенъ въ лютеранской кирхѣ.

7. Писано писмо до сина въ Киль подъ № 2-мъ, обявляючи ему о посланной на 20 червоныхъ ассигнаціи, отъ Стефенсона данной, и оное для отсилки по почтѣ вручено секретарю Винклеру. Рано были мы у графа Кирила Розумовского, а вечеромъ у насъ былъ отецъ духовникъ съ своею сожителницею и писма свои въ Глуховъ для пересилки отдалъ мнѣ.

8. Были въ дворцѣ съ Гудовичемъ, и сего-жъ числа рѣка Нева стала.

9. Въ сей день неделный обѣдни слушали въ дворцовой церкви и весь день въ квартерѣ оставались.

10. Прислалъ отецъ духовникъ сто рублей денегъ, тые, что прикажчикъ его Шохъ отобралъ въ Глуховѣ у г. Скоропадского. Изъ общихъ денегъ взялъ Гудовичъ на свою потребу 20 р., сверхъ прежнихъ 15 р.

11. Были насъ два съ Гудовичемъ у графа Кирила Г. Розумовского рано, а потомъ въ дворцѣ. Вечеромъ у насъ былъ Василій Венюковъ.

12. Пріехалъ въ С. П. Бурхъ Василій Тапскій, бывшый полковникъ переяславскій.

13. Онъ-же у насъ обѣдалъ. Получили писма изъ Глухова чрезъ салдата гварнизону тамошнего.

14. Около 12-го полуденного часа прибылъ въ С. П. Бурхъ асаулъ генеральный Петръ Валкевичъ, у которого взята въ сенатѣ подписка о не съездѣ. Онъ-же обѣдалъ и ночовалъ у насъ.

15. Онъ-же, Валкевичъ, переехалъ на квартеру до каморъ-фуріера Ігната Кирило̂вича Полтавцова въ домъ его новый, на Литейной меншой имѣючійся.

16. Были у сенатора князя Івана Василієвича Одоевского и у вице-канцлера графа Воронцова, потомъ въ дворцѣ, по выслушаніи обѣдни, допущены къ ручки государыни. А вечеромъ былъ я съ обознымъ генеральнымъ у каморъ-фуріера Полтавцова, где и отца духовника застали съ сожителницею. Сего-жъ числа отданы два пакеты, на имя Скоропадского подписанные, къ посилки чрезъ человѣка Григорія Михайловича Любисткова, отправляючогось въ Малую Россію.

17. Писалъ до Скоропадского, по требованію отца духовника, о дачи прикажчику его клишковскому полтори тисячи рублей, и къ нему-жъ включены писма: одно до старшины генеральной отъ 29 октоврія, другое до жены моей о сину Василю съ посилкою его двохъ и одного отъ іеромонаха Іова писемъ, третое до племѣнника Іосифа и отъ сина къ нему-жъ писмо.

18. Оные писма въ одинъ пакетъ до Скоропадского впечатаны и отосланы отцу духовнику для отсилки по почтѣ въ Глуховъ. Отъ 7 по се число на розные дробязки розышлось 77½ к. Григорію Дмитрієвичу на его нужды 38 к. Сего-жъ числа въ вечеру собирались въ нашу квартеру Венюковъ съ женою, Іванъ Журавко, капитанъ поручикъ гвардіи Марковичъ и асаулъ генеральный Валкевичъ для помѣркования тяжебныхъ сторонъ.

19. Грицку Дмитрієву купленъ кожухъ за 2 р. 20 к., на протчее пошло 17 к.

20. Писано до сина въ Киль, съ сообщеніемъ цедулы отъ панеи, до мене писанной, и термѣны, какъ до ей имѣетъ отписать, подъ № 3, и писма Іосифового копіи. Ночовалъ въ монастырѣ Невскомъ у о. намѣстника Софронія.

21. Тамже исповѣдивалъся и по благости Божіей сообщалъся Святымъ Тайнамъ. Братъ Өедора Івановича Кочеевского Кирило,

сотникъ лохвицкій, простясь съ нами, тако-жъ бунчучный товарищъ Петръ Савичъ, отъехали до Малой Россіи. За оправу стекла западающого знову заплачено 15 к.

22. Писмо до сина для отправы по почтѣ въ Киль отослано до секретаря Винклера, писанное подъ числомъ 20-мъ. Писалъ до Іосифа племѣнника въ Глуховъ, а въ Москву до Красінского, чрезъ Івана Ялоцкого, который съ указомъ сенатскимъ отъехалъ до Глухова; и ему-жъ даны отъ мене 3 р. и черкеска моя кофейная полсукенковая. Писалъ я и до Пскова къ брегадиру Віткевичу съ прилогомъ писма до протопопы рижского Симеона Ростовецкого и о книзѣ Телемакъ, у Богдана Николаевича Енгелярта имѣючейся, и отослалъ то писмо до вахмистра гусарского.

23. Послѣ полдня былъ у мене секретарь Вінклеръ. За поправу другой пары чолокъ дано 8 к.

24. Рано поздравляли всѣ станы именинницю государыню великую княгиню, а послѣ обѣдни были у графа Розумовского, и подалъ я прошеніе о моемъ дѣлѣ стороны жалованной грамоты на Куровъ и Чубаровъ.

25. Рано были у графа Шувалова, у графа Воронцова и у Н. Н. Трубецкого съ поздравленіемъ. Потомъ въ дворцѣ слушали обѣдни, где и казане имѣлъ преосвященный Платонъ Маліновскій, ради праздненства вступленія на престолъ ея і. величества. Послѣ обѣда были во дворцѣ въ собраніи всѣ лейбъ-компанія и ужинали купно съ государынею въ болшой салѣ.

26—27. Нигде изъ квартеры не бывали.

28. Писалъ писма въ Киль до отца Іова и до сина, по извѣстію оттоль до Григорія Политики отъ брата его Івана, тамъ-же учащогось, полученному. Писалъ тако-жъ до Ѳедора Ширая противъ его писма и вручилъ для пересилки Павлу Скорупѣ. Да писмо, передъ симъ писанное до Івана Андріевича Гамаліи, вручено салдату гварнизону глуховского, Гаврилу Лазареву Калугину.

29. Оные писма до отца Іова и до сина для отправленія по почтѣ въ Киль отосланы до его преосвященства, отца Симеона Тодорского, епископа псковского и нарвского.

30. Рано поздравляли нѣсколько кавалеровъ ордина святого Андрея, потомъ были въ дворцѣ, где всѣ оного ордина кавалери шли по парамъ къ церквѣ и изъ церкви, а за ними первей его

імператорское высочество, государь великій князь, потомъ и сама ея імператорское величество въ церемоніалномъ того-жъ ордина уборетвѣ, съ висящыми на шіи на золотой цепѣ кавалеріями. По обѣдни имѣлъ въ придворной церквѣ проповѣдь архимандритъ рождественскій володимерскій, Платонъ Петрункевичъ. Обѣдали кавалери святого Андрея за столомъ купно съ ея величествомъ и его высочествомъ. По обѣдѣ былъ балъ и иллюмѣнація въ вечеру.

Декабрь.

1. Получилъ писмо отъ сина зъ Киля чрезъ руки преосвященного Тодорского, въ которого и самъ былъ въ вечеру. Обявлена Януппкевичу резолюція сенатская по челобитнымъ нашымъ.

2. Vacat.

3. Въ вечеру были у г. Венюкова отъ комисаріата комiссара адмиралитейского, а потомъ у Сергія Алексіевича Безобразова гвардіи семеновского полку, которій имѣетъ за собою жену генерала и кавалера графа Ушакова племѣнницю. Юнгансу дапо на росходъ для дѣтей 30 р., а еще додать надлежитъ 70 р.

4. Писаны писма въ Киль до отца Іова Чарнуского и до сина противъ его писма, полученного 1-го числа сего мѣсяца.

5. За вичищене и направку дзигарка съ портретомъ дано 1 р. Писма, писаные вчера, отосланы къ секретарю Вінклеру для отправленія въ Киль по почтѣ.

6. Послѣ полдня былъ у насъ оный секретаръ Вінклеръ и привезъ двѣ писмы: одно отъ отца Іова, другое отъ нѣкоторого Алексія Кириловича Долѣнского и книжку латинскую Epistolae obscurorum virorum. Въ вечеру былъ у мене-жъ Іванъ Андріановичъ Вовжинскій съ женою своею Еленою Івановною. Розышлось на розницю 20 к.

7. Рано были въ дворцѣ и по службѣ Божой допущены къ ручки государыни.

8. Писаны писма въ Киль до отца Іова Чарнуского и до Алексія Кириловича Долінского противъ ихъ писемъ и до Василя сина о отдачи.

9. Рано Павелъ Скорупа позванъ чрезъ подячого въ тайную канцелярію въ крѣпость и тамъ удержанъ, а потомъ забраны его и писма и шкатулка. Писма, въ Киль писаныя, отосланы до секре-

таря Вынклеря для отправы при експедиціи по почтѣ. Петръ Ів. Розумовскій пріехалъ.

10. На сказцѣ о пріемѣ указу по челобитю моемъ и Янушкевичевомъ, виданного изъ сенату въ войсковую генералную канцелярію, подписались я и Янушкевичъ, и той указъ намъ виданъ для перенесенія дѣла съ Соколовскимъ по апеляціи въ сенатъ. У отца духовника взялъ двѣстѣ рублей мѣдными денгами на щотъ господина Скоропадского и изъ оныхъ далъ Юнданосу на росходъ 70 р. къ прежнымъ 30 р.

11. Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского, до Якубовича и до Іосифа о посылки указу сенатского за дѣломъ съ Соколовскимъ, да до жены съ посылкою карти отъ сина Василя и писма отъ Алексія Долінского. Такожъ писалъ до отца Іоасафа Мѣткевича въ отвѣтъ на его писмо и съ прошеніемъ купить сиртъ, рибъ и уксусу три вѣдри. Янушкевичу за указъ и проч. дано 35 к.

12. Съ указами сенатскими о отставки закупщиковъ Шнурчевскихъ отъ закупу полку кіевского и съ писмами отправленъ по почтѣ и отъехалъ сего числа рано Ѳедоръ Жуковскій, чрезъ которого и въ Москву до Красінского о присилки водки и сала писано.

13 и 14. Vacant. 15. За направу старого дзигарка дано 1 р.

16. Вечеряли у насъ Іванъ Жоравко съ женою и секретарь Новоторжцовъ.

17. Vacant. 18. Ради рожденія ея і. величества было торжество при дворѣ, и по службѣ Божой имѣлъ проповѣдь преосв. Сумонъ Тодорскій, епископъ псковскій. Потомъ былъ публичный столъ въ болшой салѣ, где и мы обѣдали, а ввечеру были иллюмѣнаціи.

19. Писалъ писмо къ брегадиру Вітковичу чрезъ адютанта его, поздравляючи его съ новорожденною дочерью. Яскевичъ пріехалъ. 20. Vacant.

21. Захоровалъ я на катаръ и кашель. Въ вечеру была въ комедіалномъ домѣ опера о Титѣ, которая отъ часа 7-го долго за полночь продолжалась.

22. Простились съ нами Василій Івановичъ Венюковъ и жена его Татіана Андріевна Лизогубовна, отъежджая къ южацкой пристани.

23. Было освященіе церкви на конюшенномъ каменномъ дворѣ, где и государыня присутствовать изволила. Подано доношеніе въ

коллегію іностранную изъ канцеляріи генералной, писанное о дачи пашпорта для поезду въ чужые краи молодымъ Скоропадскимъ.

24. Писарь суда генералного Іванъ Ніковецъ приехалъ въ С.-Питербурхъ. Отъ отца духовника прислано триста рублей срѣбрною монетою.

25. Передъ службою Божіею были у іхъ імператорскихъ высочествъ и допущены до ручокъ. Потомъ были у графа Розумовского съ поздравленіемъ, а по обѣдвѣ и до ручки государыни допущены.

26. Ездили до канцлера и до другихъ господъ съ поздравленіемъ, а вечеромъ были у г. Полтавцова. Отосланы до духовника 4 р. 46 к.

27. Рано были у г. Румянцова, у гр. Кирила Григоріевича Розумовского, у духовника, а по обѣдѣ у генерала-індендаита Головина. Михайло Василіевичъ Стогоровичъ простился съ нами, чрезъ которого и писмо отъ Юнганса послано въ Глуховъ.

28. Вечеромъ были у графа Мойсѣя Владиславича, где получилъ писмо отъ брегадира Вітковича, а прибывъ въ квартеру, застали Жоравка съ женою его, да Валкевича и Никовця, которіи обѣдали у графа Евфима Владиславича.

30. Рано ездилъ до генерала-лейтенанта и кавалера Лівена, где брату его Андрею Григоріевичу Лівену, бригадиру, приехавшому изъ Варшавы, вручено писмо. Потомъ были на Петропавловскомъ острову у священника собору петропавловского, ключара, отца Василія Барановского, и у него-жъ обѣдали, и весь день пробавили, где были купно съ нами гофъ-інтендантъ Іванъ Константиновичъ Яблонской и поручикъ Іванъ Макаровичъ Шагинъ.

31. Помянутые 150 р. денги отданы информатору Юнгансу на росходъ.

1747 годъ.

Мѣсяцъ генварь.

1. Рано были въ дворцѣ государевѣ и по поздравленіи графа Алексія Григоріевича Розумовского, слушали обѣдни въ болшой придворной церквѣ, где и казане изрядное имѣлъ архимандритъ

епархіи казанской спаскій Веніаминъ Григоровичъ. Я обѣдалъ съ писаремъ суда генералного Іваномъ Піковцемъ у Івана Журавки.

2. Вечеромъ были у преосвященного архіепископа новгородского Стефана Калиновского.

3. Послѣ полдни у насъ были пѣвчій Гаврило Головня съ женою и канцеляристъ сенатскій Іаковъ Тимофіевъ.

4. За два новые календари с.-пбургскіе дано 30 к. Вечеромъ были у секретаря Новоторжцова.

5. Писалъ писма въ Киль до сина и до Алексія Кириловича Доліиского подъ № 1.

6. На водосвятіи вся гвардія и другіе полки были въ строю, а Іордань и мѣста для государыни и іхъ імператорскихъ высочествъ устроены были на пристани, что при лѣтномъ дворцѣ. Послѣ водосвятія-же пушечная изъ крѣпости и изъ адміралітейства одинажды, а изъ пушекъ полковыхъ и изъ мѣлкого ружя троекратно палба была.

7. Послѣ службы Божой были мы всѣ трое у графа Р. и доволный имѣли разговоръ, а вечеромъ ездили къ имениннику Івану Константиновичу Яблонскому, гофъ-інтенданту, где и отца духовника съ супругою и другихъ гостей застали.

8. Получилъ писмо изъ Киля отъ отца Іова Чарнуцкого, и былъ у мене купецъ иноземецъ Іванъ Юрьевичъ Стефенсонъ съ извѣстіемъ, что сина моего дойшли 40 червоныхъ отъ корреспондента его, любского купца, Реппенъ-Гагенъ. Вечеромъ были у Петра Івановича Розумовского.

9. На разные дробязки розышлось 46 к.

10. Писаны писма въ Киль къ отцу Іову противъ его писма въ отвѣтъ и до сина Василя потому-жъ, якіе и подъ 5 числомъ писанные отосланы къ секретарю Винклеру для отправленія по почтѣ до Киля подъ № 2. Нарочно званніи обѣдали у архіепископа сарского и подонского, преосвященного Платона Малиновского.

11. Были въ дворцѣ и по обѣдни у графа Р., а вечеромъ посѣщали недомогаючого асаула генералного Валкевича. Ночью былъ пожаръ въ монастирѣ невскомъ. Згорѣли ренжарен и майстеръ съ подмайстеримъ.

12. Былъ у графа рано Гудовичъ съ обявленіемъ сенатского указу объ отставки пограничныхъ пошлинъ поголовныхъ, безъ указу передъ симъ отъ губернаторовъ кіевскихъ уставленныхъ.

13. Писаны писма въ Глуховъ до Якубовича, асаула енералного, съ посилкою нового календаря, да до жены въ домъ съ приложеннымъ писмомъ до Гудовичевой и до племѣнника Іосифа съ картою, къ нему-жъ и отъ Янушкевича.

14. Изъ денегъ 500 р., у духовника взятыхъ, даны Юѳаневу на росходъ 100 р. Вечеромъ были у капитана поруччика Марковича, потомъ у Валкевича.

15. Капитанъ поруччикъ Марковичъ получилъ себѣ отпускъ, и мы съ Гудовичемъ были въ дворцѣ. У графа взялъ отправу и Павелъ Ласкевичъ, чрезъ которого и указы сенатскіе о отставки поголовныхъ копѣекъ пограничныхъ, и помянутые писма въ Глуховъ отправлены.

16. Оный Ласкевичъ отъехалъ до Малой Россіи по почтѣ.

17. Писалъ къ сину въ Киль противъ его писма, въ которомъ онъ себе экскузуетъ, что якобы его неправо до мене обнесено, и то мое къ нему писмо отправилъ чрезъ руки господина секретаря Вінклера подъ № 3.

18. Получилъ писма отъ сина къ себѣ и къ женѣ изъ Киля, отъ 9-го генваря нового стиля сего году писанные, которые прислалъ преосвященный псковскій. Вечеромъ былъ у отца архимандрита спаского-казанского Веніамина Григоровича, у которого и книгу взялъ для читанія. Капитанъ поручикъ Марковичъ отъехалъ изъ С.-Питербурха и синъ сотника менского Кузмѣнского. Изъ 18-го противъ слѣдующого числа умеръ нагло капитанъ гвардіи преображенского полку, Костантинъ Дмитріевичъ князь Кантемиръ.

19. Григорію Политикѣ позичены 6 р., а прежныхъ на немъ-же 5 р. 15 к. За карандашъ дано 15 к. Вечеромъ былъ у Поска и у преосвященного псковского.

20. Писалъ писмо въ Киль до сина Василя противъ его писма, отъ 9-го генваря къ намъ отъ него писанного, и отослано къ секретарю Вінклеру для отправи по почтѣ подъ № 4. Обѣдали у священника семіоновского отца Андрея Барановского, званніи отъ него ради рождшейся ему дочери, а вечеромъ были у Валкевича.

21. Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского, до Якубовича, до племѣнника Іосифа, до Андрея Кондзеровского и другое объ немъ до Якубовича-жъ, въ домъ до жены съ приложенымъ отъ сина писмомъ, до швагра Ѳедора Корецкого и до сотника

мглинского Лисаневича противъ его двоихъ писемъ. Дѣти Скоропадского віехали изъ своей и ночовали въ нашей квартерѣ.

22 генваря бывшій подскарбій, а въ отставкѣ енералный обозный Андрей Марковичъ умре въ Украинѣ. 22-го-жъ оные молодые Скоропадскіе, со всѣми при нихъ людми, въ томъ числѣ и при мнѣ бывшій Марко и Валкевичовъ Іліа, отъехали рано въ путь въ домъ до Малой Россіи, чрезъ которихъ и оные писма отпущены, да для нихъ-же на дорогу до рукъ Юнгенса даны 50 р. и сира нѣмецкого половина послала. Малого хлопця Евфима отъ Григорія Політики принялъ въ услугу.

23. Послѣ полдня былъ у мене секретарь Вінклеръ и привезъ писмо изъ Киля, писанное отъ Політики до брата его, переводчика академіцкого.

24. За портретъ государыни на папері печатній далъ 1 р. За лоскутки гатласу красного дано 20 к.

25. Были въ дворцѣ рано у графа, которій еще съ 19-го числа сего мѣсяца захоровалъ на подагру. Вечеромъ былъ на Василевскомъ острову у оберъ-секретаря военной коллегіи Авраама Артеміевича Павроцкого сторони указу, имѣется-ль какой о малороссіянахъ, въ армію регулярную службу принявшихъ.

26. Писалъ писмо къ Скоропадскому объ отъездѣ дѣтей его, съ включеніемъ писма отъ Григорія Політики въ Глуховъ до канцеляриста Манжоса, по почтѣ. Вечеромъ былъ у мене кофишенкъ Александръ Юліановичъ Савлуковъ и ускаржалъся на Скоропадского за дѣло жени своей, не все присланное въ сенатъ.

27. Служителю секретаря Новоторжцова, имениннику, приходившему съ хлѣбомъ, даны 30 к. Самъ Новоторжцовъ въ вечеру у насъ былъ.

28. Рано пріехалъ протопопъ глуховскій, отецъ Алексій Галяховскій, а синъ его, канцеляристъ глуховскій, Петръ Галяховскій припровадилъ звѣрину битую—6 ногъ, 5 кабановъ, 5 сугановъ, о которой съ представленіемъ ходили мы въ дворецъ, а потомъ къ оберъ-гофъ маршалу Дмитрію Андріевичу Шепелеву, у которого и обѣдали купно съ генералъ-маіоромъ Василіемъ Абрамовичемъ Лопухинымъ, да генераломъ маіоромъ Авраамомъ Петровичемъ Арапомъ. Въ вечеру съ Гудовичемъ и съ купцомъ брянскимъ Тихономъ Григоріевымъ Чамовымъ былъ у купца Стефенсона.

29. Былъ Гудовичъ рано у графа Р., а по обѣдѣ оба съ нимъ были перво у архимандрита рождественского володимерского, отца Платона Петрункевича, потомъ вечеромъ у графа Мойсея Владиславича.

30. Вечеромъ были у насъ Жоравко и суда генералного писарь Іванъ Пиковецъ, который вчера отклонился графу Р., а сего числа съ нами простился.

31. Оному-жъ Пиковцю дали мы пашпортъ на свободный проездъ, и онъ прислалъ мнѣ красные чоботы и двѣ рубашки; чрезъ него-жъ отпущено писмо до Скоропадского стороня дела Савлукова, писанное подъ числомъ 27-мъ сего мѣсяца.

Февраль.

1. После полдни въ 3-мъ часу изволила всемилостивѣйшая государыня и іхъ імператорскіе высочества отъехать изъ Санктъ-Пітербурха до монастыра тихвинского для девоціи. Музиканты придворніе были у насъ.

2. Слушали обѣдни въ монастырѣ невскомъ и потомъ были у архіерея С. П. Бурского и у намѣстника, и у новоопредѣленного економа, а обѣдали въ квартерѣ и съ нами отецъ протопопъ глуховскій, который сего числа и переехалъ отъ насъ на квартеру въ домъ отца духовника.

3. Помянутіе придворные музиканты Василій Стефановъ изъ Корона и Стефанъ Василіевъ изъ Березной обѣдали у насъ. Получено писмо по почтѣ изъ Глухова зъ екстрактомъ о дѣлѣ гайдука Романа Струтинского.

4. Обѣдалъ у насъ канцеляристъ рекетмейстерскихъ дѣлъ. Розышлось на розницю 1 р. 14 к., да служителю секретаря Новоторжцова 15 к.

5. Надъ вечери приходили до обозного генералного Лизогуба протопопъ глуховскій Галяховскій и войтъ нѣжинскій Тарнавіотъ, а у мене былъ Іванъ Жоравко и асаулъ Валкевичъ. Сего-жъ числа государыня и ассистовавшіе возвратилися изъ тихвинского монастыря.

6. Куплены сани за 5 р. 25 к. и два хомути за 4 р., изъ общихъ денегъ. Да куплены Івану Рудому сапоги за 7 р., рубашки 60 к., панчохи 12 к. Хлопцю малому свитка 70 к., рубашки 27 к., поясъ 4½ к. Водки гунбарской 8 к.

7. Писалъ до ассессора Шмиденддорфа въ Киль и до сина Василя подъ № 5 противъ его писма, полученного мною сего февраля 4-го изъ Киля и пущенного генваря 26 нового стиля, и оные для отправленія по почтѣ въ Голстинію отослалъ къ секретарю Вынклеру.

8. Рано въ дворцѣ были, а послѣ службы Божой поздравляли тезоименититствомъ отца Феодора Яковлевича Дубянского, духовника государыни, потомъ и дворянина Өедора Івановича Кочеевского. Вечеромъ былъ у насъ Іванъ Жоравко.

9. Передъ обѣдомъ провожано тѣло капитана гвардіи преображенского полку, волоского князя Константина Дмитріевича Кантеміра, къ погребенію въ монастырѣ невскомъ. За граматику печатную на русскомъ и нѣмецкомъ языкѣ 80 к.

10. Рано были въ дворцѣ у руки его імператорского высочества государя, великого князя, ради празднованія рожденія его высочества, съ протчими. По службѣ Божіей въ церквѣ синодалные члены его-жъ высочество поздравляли, и по прибытіи изъ церкви въ салъ галлерею палено изъ пушокъ въ адмиралтействѣ и въ крѣпости, а ввечеру и болшая противъ зимного дому и корпуса кадецкого зажжены были иллюминаціи и весь городъ иллюмѣнованъ. Въ вечеру-жъ были у насъ Өедоръ Івановичъ Кочеевскій и Яковъ Дмитріевичъ Рожевскій, управитель смолного дворца, недавно изъ Малой Россіи прибывшій. Пожалованы кавалеріями святыя Анны генералъ інтендантъ отъ адмиралтейства Александръ Івановичъ Головинъ и генералъ екипажъ-мейстеръ князь Михайло Андріевичъ Бѣлоселской и 3 камергера.

11. Званныи отъ Өедора Івановича Кочеевского, обѣдали въ домѣ его недавно купленомъ за тріумфальными аничковыми воротами, где съ нами въ компаніи были по обѣдѣ гофъ-інтендантъ Іванъ Константиновичъ Яблонскій, Яковъ Дмитріевичъ Красілскій, лейбъ-компаніи Михайло Івановичъ Кочеевскій, Іванъ Жоравко и Петръ Івановичъ Розумовскій.

12. Приходилъ звать насъ къ себѣ къ завтрешнему дню на свадбу Стефанъ Васильевъ, комнатній музикантъ, который у мунтъкона дворцового имѣетъ понять себѣ въ жену дочь его.

13. Оный музикантъ женилься, толко на свадбѣ у него не были.

14. Рано были у господина Головина съ поздравленіемъ пожалованною ему кавалеріею и у него-жъ обѣдали и мимоездомъ посѣтили болного глуховского протопопа. Послѣ полдня отъехать изволила государыня съ нѣкоторыми придворными въ Царское Село.

15. Въ вечеру были у насъ Іванъ Жоравко съ женою, секретарь Новоторжцовъ и у насъ-же ужинали.

16. Прибылъ куріеръ изъ Глухова съ вѣдомостю, что брегадиръ Ілѣнъ тамо скончался февраля 6-го, оный-же куріеръ-гварнизону глуховского прапорщикъ Георгъ Ансіо.

17. Послѣ полдня были мы зъ Валкевичемъ въ дворцѣ у Жоравки, где съ нами былъ и поручикъ Ѳедоръ Тарнавіотъ.

18. За писмо, по почтѣ отъ Івана Гамаліи полученное, постиліону 4 к. Вечеромъ былъ у насъ графъ Мойсѣй Владиславичъ.

19. Писалъ къ Скоропадскому съ объявленіемъ, что отце у духовника тысячи рублей денегъ не отобралъ, и оное писмо, съ включеннымъ до племенника Іосифа о скорой присилки дѣла съ Соколовскимъ, отослалъ до секретаря Новоторжцова для отпуску оныхъ по почтѣ въ Глуховъ. Прибылъ служитель Гудовича Динисъ Тимофіевъ.

20. За универсалную карту Россійской имперіи дано 70 к. Былъ у отца духовника за денгами, Скоропадскому доводячимися.

21. Отданы 200 р. въ задатокъ іноземцю, у которого приговорили взять червонцовъ 500.

22. Писаны писма къ женѣ и до Івана Гамаліи, и до Григорія Демяновича, и оные отпущены чрезъ Диниса Тимофіева, Гудовичевого служителя, который рано и отъехалъ во свояси. Въ дворцѣ по службѣ Божой въ болшой дворцовой церквѣ было обрученіе камеръ-юнкера Михайла Івановича Софонова съ Мароою Семеновною Гендриковой, при присутствіи ея императорского величества и ихъ императорскихъ высочествъ. А ввечеру въ 2 часу по полдни вѣнчаніе было во дворцѣ-жъ великого канцлера графа Бестужева-Рюмина сина, графа Андрея Алексіевича, съ фрейлиною Евдокією Денисовною и свадба. Въ 4 часу по полдни былъ у мене въ квартерѣ его императорского высочества тайный советникъ господинъ баронъ де-Пехлінъ, голстинецъ.

23. Писалъ писмо до Скоропадского о скорѣйшой присилки дѣла съ Соколовскимъ въ сенатъ, коего по се число не прислано. Подканцеляристу Сорокину дано 30 к. Перепистчику за газеты 6 к.

24. Послѣ обѣда были у Савлукова кофишенка и до позна у него забавилисъ зъ Гудовичемъ.

25. Были съ нимъ-же рано перво у графа Кирила, потомъ и у графа Алексія Розумовскихъ. Обѣдали у Жоравки, который съ женою званъ съ протчими къ графу Бестужеву, великому канцлеру, на банкетъ, где и государыня и ихъ императорскіе высочества вечеромъ быть изволили.

26. Ездили на Василевскій островъ и тамъ первей были у секретаря Новоторжцова, потомъ у купца брянского Чамова.

27. Отобрана у отца духовника тисяча рублей денегъ для Скоропадского. Секретарь Винклеръ привезъ мнѣ писмо изъ Киля отъ Доліского.

28. Вимѣнены червоныхъ 500 за рублевки, якихъ за оные червоные дано 1,115 р., за всякій червоный по 2 р. и по 24 к. Ездили на охоту, а оттоль заездили къ Валкевичу и у него до позна забавились. По полднѣ былъ у мене студентъ гамбурскій и принесъ писмо къ Еміху. Прибылъ канцеляристъ Гуленко марта 1-го.

Мартъ.

1. Рано были въ дворцѣ, обѣдали въ квартерѣ. Рано-жъ презентованъ передъ дворцемъ полкъ гусарскій грузинскій. Послѣ полдни былъ у насъ генералъ інтендантъ и кавалеръ Александръ Івановичъ Головинъ, потомъ полковникъ Василій Танскій и у насъ вечерялъ. Росписался я въ пріемѣ 1,500 р. денегъ на писмѣ, отъ Скоропадского до отца духовника писанному, тако: выраженные въ семъ писмѣ денги 1,500 р., которые у генералного подскарбія господина Скоропадского клинковскій приказчикъ Шохъ отобралъ въ Глуховѣ, я здесь въ Санктъ-Пітербурхѣ отъ его в. п., отца духовника, Ѳедора Яковлевича Дубянского всѣ сполна принялъ и на семъ подписалъ своеручно Г. Х. Н. Х.

2. Канцеляристъ Гуленко былъ у насъ и подалъ писма, межъ которыми и отъ жены я получилъ, писанное зъ Городница отъ 5-го февраля.

3. Писалъ къ сину въ Киль подъ № 6, требуя у него отвѣту на прежніе пять писемъ и на 5 пунктовъ, т. е. о деньгахъ, издержанныхъ и наличныхъ, о квартерѣ, о столѣ, о хожденіи его къ церквѣ и о писмахъ къ Вестфалену и Шмидендорфу, передъ симъ

посланныхъ. Да писалъ-же и къ Алексію Кириловичу Долінскому на его въ отвѣтъ писмо; и оные для отправы въ Киль отослалъ къ секретарю Вынклеру. За вѣски на червоные дано 60 к.

4. Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского, до Якубовича, до Іосифа, да къ женѣ въ домъ, которое съ писмомъ отъ сина зъ Киля ко мнѣ писаннымъ, тако-жъ отъ Гудовича до жены его, адрессовано Якубовичу для отсылки, и сіи писма вручены прапорщику гварнизону глуховского Георгу Апсіо, отправленному изъ габинета по почтѣ. Того-жъ числа отъезджаючому асаулу енералному Валкевичу вручилъ 450 червоныхъ за роспискою при писмѣ для отдачи Скоропадскому, и оные-жъ Валкевичъ купно съ Іваномъ Жоравкомъ и женою его по полдни отъехали изъ Санктъ-Пітербурха.

5. Vacat. 6-го на ночъ отъехалъ въ монастырь невскій и тамъ ночевалъ.

7. Тамъ-же, по имѣвшейся исповѣди у отца намѣстника Софронія Кришталовского, слушалъ обѣдни ранной, которую целебровалъ преосвященный Варлаамъ Скамніцкій, епископъ вятскій и велико-пермскій, и сообщился Святымъ Тайнамъ, а обѣдалъ въ квартерѣ. Розышлось 20 к.

8. Были во время обѣдни и послѣ обѣдни въ дворцѣ.

9. За сѣмъ портретовъ прежде бывшихъ россійскихъ государей царей дано 2 р. 10 к., которые для мене купилъ Григорій Політика.

10. Были надъ вечери у переводчика коллегіи іностранной Данилевского. Сего числа окончилося два года, якъ посвященъ преосвященный архіепископъ санктъ-пітербурскій и слюселбурскій Өеодосій Яновскій въ 1745 году.

11. Запасъ господина обозного енералного Лизогуба изъ Глухова пришолъ. Іоаннъ Андрей Емихъ вручилъ мнѣ свои писма къ отсылки до Глухова. Въ вечеру были въ дворцѣ у графа А. Г. Розумовского и имѣли передъ нимъ разговоръ о своемъ здѣ долговременномъ пребываніи.

12. Рано были у гр. Кирила Г. Разумовского и просили его о інстанцію до брата. Въ вечеру былъ съ Гудовичемъ у преосвященного архіепископа крутицкого Платона Маліновского, а отъ него заезжалъ къ намъ Лука, свѣнскій намѣстникъ.

13. Рано были съ Гудовичемъ у графа А. Г. Разумовского и потомъ заходили до слѣпого Григорія Михайлова Любистка,

Дано сенатскому подьячему 10 коп. Тихонъ Чамовъ пріехалъ изъ Тифина.

14. Преосвященный Тодорскій, епископъ псковскій, служилъ обѣдню въ большой дворцовой церквѣ, где и мы были. Рано берлины, лѣнія и другія кареты, отправленные въ Москву, повезены. Духовникъ съ намѣстникомъ михайловскимъ были у насъ въ вечеру.

15 Слушали обѣдни въ дворцовой большой церквѣ, потомъ были всѣ трое у гр. Розумовского, а безъ нашего въ квартерѣ бытія забраны всѣ вещи Павла Скорупиы къ нему въ крѣпость. Въ вечеру приходилъ къ намъ простится подполковникъ бывшого слободского регулярного полку, Матвѣй Прокофіевичъ Куліковскій.

16 Рано поздравляли графа Алексія Григоріевича Розумовского тезоименитствомъ его завтрешнымъ, который съ прочими придворными обоего пола отъехали при государыни въ гостилицю за 60 верстъ отъ С. П. Бурха тамъ праздновати. Писано писмо до Скоропадского съ включеніемъ писемъ отъ Еміха къ нему и до сыновъ его, такъ-же до Юнданса.

17. Преосвященный крутицкій Платонъ Маліновскій отъехалъ въ Москву. Швагеръ Александръ Корецкій прибылъ въ Ямскую и тамъ ночовалъ.

18. Оный-же швагеръ сталъ у насъ на время квартерою. Павла Скорупиу випущено изъ крѣпости, и поехалъ онъ подъ конвоемъ капрала и солдата изъ С. П. Бурха, ночовалъ-же въ Ямской.

19. Оный-же Скорупиа изъ Ямской віехалъ въ путь свой. Обсилку учинилъ секретарю Винклеру бутилю вишняку, двѣ бутилкѣ водки и слоикъ закусокъ—сахарныхъ порѣчокъ.

20. Приходилъ надъ вечери къ намъ служитель поручика гвардіи Өедора Тарновіота, побитій отъ него. Швагеръ Александръ Корецкій съ Яскевичемъ ездилъ къ секретарю Новоторжцову.

21. Писалъ къ сину въ Киль подъ № 7 на его два писма въ отвѣтъ и съ посилкою къ нему писемъ отъ его матки и отъ дяди Александра Корецкого, да писма къ отцу Іову отъ намѣстника невского Софронія, и то писмо отослано до секретаря Винклера для отправы по почтѣ въ Киль. Подарены швагру Александру Корецкому 6 бритовъ съ футлярамъ.

22. Были въ дворцѣ, где послѣ обѣдни имѣлъ проповѣдь діаконъ Савіцкій. Тамъ-же увидѣлъся съ нами архимандритъ рожде-

Кіевъ. Типографія А. Давиденко, арендуемая Л. Штамомъ.